

ЛИТЕРАТУРА

8

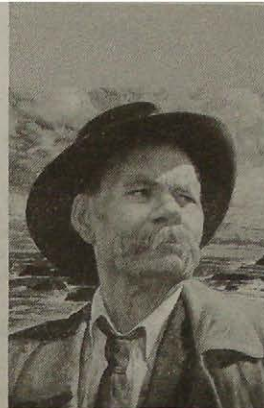
КЛАСС
часть

2

Ю. М. Непринцев
«Отдых после боя»

ЛИТЕРАТУРА

8

КЛАСС

УЧЕБНИК

для общеобразовательных
учреждений

В двух частях

часть

2

*Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации*

10-е издание, стереотипное

Москва 2010

БИБЛИОТЕКА
Сред. № 2
г. Рыбинск, Ярославской обл.

УДК 373.167.1:82(100).09
ББК 83.3я721
Л64

На учебник получены положительные заключения
Российской академии наук (№ 10106—5215/9 от 31.10.2007)
и Российской академии образования (№ 01—675/5/7д от 29.10.2007)

Автор-составитель Г. И. БЕЛЕНЬКИЙ

В учебнике использованы иллюстрации художников *К. Безбородого* (с. 57), *О. Верейского* (с. 99, 106), *Кукрыниксов* (с. 246), *В. Маркевича* (с. 120, 124, 129), а также гравюры из книги: У. Шекспир. Трагедии (серия «Зарубежная классика»). М., 1999.

На обложке: *И. И. Бродский. Портрет М. Горького*
К. Ф. Юон. Закат на Волге. Нижний Новгород

На первом форзаце: *Ю. М. Непринцев. Отдых после боя*
На втором форзаце: *А. А. Рылов. В голубом просторе*

Литература. 8 класс : учебник для общеобразоват.
Л64 учреждений. В 2 ч. Ч. 2 / авт.-сост. Г. И. Беленький. —
10-е изд., стер. — М. : Мнемозина, 2010. — 271 с. : ил.

ISBN 978-5-346-01450-8

Учебник для 8-го класса является составной частью системы учебных книг по литературе, выпускаемых издательством «Мнемозина». В это издание включены — в соответствии с учебной программой — и ставшие уже традиционными для школы, и не изучавшиеся ранее произведения. Ученикам предлагаются для самостоятельного чтения и разбора стихи, рассказы, в том числе произведения зарубежной литературы. Дидактический материал учебника включает как сведения по теории литературы, так и разделы с вопросами и заданиями повышенной трудности, которые могут вызвать интерес у восьмиклассников, а также проектные задания для коллективной работы.

УДК 373.167.1:82(100).09
ББК 83.3я721

ISBN 978-5-346-01448-5 (общ.)
ISBN 978-5-346-01450-8 (ч. 2)

© «Мнемозина», 2001
© «Мнемозина», 2008,
с изменениями
© «Мнемозина», 2010
© Оформление. «Мнемозина», 2010
Все права защищены

ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Дорогие ребята!

Работая с первой частью учебника, вы уже успели познакомиться с произведениями как русской старины — народными песнями и житиями, — так и с шедеврами русских классиков: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого.

Вы увидели, что и безымянных творцов фольклорных произведений, и непревзойдённых мастеров литературного слова объединяет внимание к личности, к внутреннему миру человека и его проявлениям в различных жизненных и исторических ситуациях.

Вторая часть учебника ещё шире раскроет перед вами двери в удивительный мир литературы. Вы познакомитесь с произведениями М. Горького и В. Короленко, К. Паустовского и В. Шукшина, поэмой А. Твардовского «Василий Тёркин», стихами Н. Заболоцкого, Н. Рубцова и других русских поэтов.

Учебный год вы завершите чтением и разбором великих произведений эпохи Возрождения — «Ромео и Джульетты» Шекспира и «Дон Кихота» Сервантеса.

Владимир
Галактионович
КОРОЛЕНКО

(1853—1921)

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШИМ И СИЛЬНЫМ СЕРДЦЕМ

С именем В. Г. Короленко у меня связано немало добрых воспоминаний...

Первая моя встреча с ним относится к 88 или 89 году. Приехав в Нижний Новгород, не помню откуда, я узнал, что в городе этом живёт писатель Короленко, недавно отбывший политическую ссылку в Сибири...

Жаркие споры, острые разногласия вокруг творчества писателя вызвали у меня напряжённый интерес к человеку, обладающему силой возбуждать умы и сердца, и, написав нечто вроде поэмы в прозе, озаглавив её, кажется, «Песнь старого дуба», я понёс рукопись к В. Г.

Меня очень удивил его внешний облик — В. Г. не отвечал моему представлению о писателе и политическом ссыльном. Писателя я представлял себе человеком тощим, нервным, красноречивым — не знаю, почему именно таким. В. Г. был коренаст, удивительно спокоен, у него здоровое лицо в густой курчавой бороде и ясные, зоркие глаза...

Перелистывая мою рукопись на коленях у себя, он с поразительной ясностью образно и кратко говорил мне о том, как плохо и почему плохо написал я мою поэму. Мне крепко запомнились его слова:

— В юности мы все немножко пессимисты¹ — не знаю, право, почему. Но, кажется, потому, что хотим многого, а достигаем — мало...

Меня изумило тонкое понимание настроения, побудившего меня написать «Песнь старого дуба», и, помню, мне было очень стыдно, неловко пред этим человеком за то, что я отнял у него

¹ Пессимизм — настроение безысходности, неверие в будущее.

время на чтение и критику моей поэмы. Впервые показал я свою работу писателю и сразу имел редкое счастье услышать чёткую, уничтожающую критику.

Повторяю: меня особенно удивила простота и ясность речи В. Г.: люди, среди которых я жил, говорили туманным и тяжёлым языком журнальных статей.

Вскоре после этой первой встречи с В. Г. я ушёл из Нижнего и воротился туда года через три, обойдя центральную Русь, Украину, побывав и пожив в Бессарабии, в Крыму, на Кавказе. Много видел, пережил и, изнемогая от пестроты и тяжёлости впечатлений бытия, чувствовал себя богачом, который не знает, куда девать нажитое, и бесположно тратит сокровища, разбрасывая всё, что имел, всем, кто желал поднять брошенное...

В этом приподнятом настроении я снова встретился с В. Г. Сидел у него в маленькой тесной столовой и говорил о том, что особенно тревожило меня, — о правдоискателях, о беспризорной бродячей России, о тяжкой жизни грязных и жадных деревень... Во всей его фигуре, в каждом жесте чувствовалась спокойная сила, а внимание, с которым он слушал, отзывалось к точности и краткости. Его хорошие глаза, вдумчивый их взгляд взвешивали внутреннюю ценность ваших слов, и вы невольно требовали от себя слов значительных, точно рисующих мысль и чувство. Уйдя от него, я почувствовал, чем отличаются его рассказы о человеке от рассказов других людей... Чуткие замечания В. Г. о мужиках, монахах, правдоискателях обличали в нём человека, который не считает себя судьёю людей, а любит их с открытыми глазами, той любовью, которая даёт мало наслаждений и слишком много страданий...

Скажу в заключение, что за двадцать пять лет литературной моей работы я видел и знал почти всех больших писателей, имел высокую честь знать и колоссального Л. Н. Толстого.

В. Г. Короленко стоит для меня где-то в стороне от всех, в своей особой позиции, значение которой до сего дня недостаточно оценено. Мне лично этот большой и красивый писатель сказал о русском народе многое, что до него никто не умел сказать. Он сказал это тихим голосом мудреца, который прекрасно знает, что всякая мудрость относительна и вечной правды — нет...

М. Горький. Из воспоминаний о В. Г. Короленко

В 87 году он закончил свой рассказ «На затмении» стихами Н. Берга:

На святой Руси петухи поют,
Скоро будет день на святой Руси.

Всю жизнь, трудным путём героя, он шёл встречу дню, и неисчислимо всё, что сделано В. Г. Короленко для того, чтоб ускорить рассвет этого дня.

М. Горький. В. Г. Короленко

❧ Вопрос ❧

➤ Что вы знаете о жизненном пути В. Г. Короленко? Какие его произведения читали и изучали?

ПАРАДОКС¹

Очерк²

I

Для чего, собственно, создан человек, об этом мы с братом получили некоторое понятие довольно рано. Мне, если не ошибаюсь, было лет десять, брату около восьми. Сведение это было преподано нам в виде краткого афоризма³, или, по обстоятельству, его сопровождавшим, скорее парадокса. Итак, кроме назначения жизни, мы одновременно обогатили свой лексикон⁴ этими двумя греческими словами.

Было это приблизительно около полудня знойного и тихого июньского дня. В глубоком молчании сидели мы с братом на заборе, под тенью густого серебристого тополя, и держали в руках удочки, крючки которых были опущены в огромную бадью с загнившей водой. О назначении жизни в то время мы не имели ещё даже отдалённого понятия, и, вероятно, по этой причине, вот уже около недели любимым нашим занятием было — сидеть на заборе, над бадьёй, с опущенными в неё крючками из простых медных булавок и ждать, что вот-вот, по особой к нам милости судьбы, в этой бадье и на эти удочки клюнет у нас «настоящая», живая рыба.

Правда, уголок двора, где помещалась эта волшебная бадья, и сам по себе, даже и без живой рыбы, представлял много привлекательного и заманчивого. Среди садов, огородов, сараев, двориков, домов и флигелей, составлявших совокупность близко известного нам места, этот уголок вырезался как-то так удобно, что никому и ни на что не был нужен; поэтому мы чувствовали себя полными его обладателями, и никто не нарушал здесь нашего одиночества.

¹ *Парадокс* — мнение, расходящееся с общепринятым, даже противоположное здравому смыслу.

² О значении термина «очерк» см. с. 260.

³ *Афоризм* — краткое выразительное изречение.

⁴ *Лексикон* — здесь: запас слов.

Середину этого пространства, ограниченного с двух сторон палисадником и деревьями сада, а с двух других пустыми стенами сараев, оставлявшими узкий проход, занимала большая мусорная куча. Стоптаный лапоть, кем-то перекинутый через крышу сарая, изломанное топориче, побелевший кожаный башмак с отогнувшимся кверху каблучком и безличная масса каких-то истлевших предметов, потерявших уже всякую индивидуальность, — нашли в тихом углу вечный покой после более или менее бурной жизни за его пределами... На вершине мусорной кучи валялся старый-престарый кузов какого-то фантастического экипажа, каких давно уже не бывало в действительности, то есть в каретниках, на дворах и на улицах. Это был какой-то призрачный обломок минувших времён, попавший сюда, быть может, ещё до постройки окружающих зданий и теперь лежавший на боку, с приподнятой кверху осью, точно рука без кисти, которую калека показывает на папери, чтобы разжалобить добрых людей. На единственной половинке единственной дверки сохранились ещё остатки красок какого-то герба, и единственная рука, закованная в стальные нарамники и державшая меч, высовывалась непонятным образом из тусклого пятна, в котором чуть рисовалось подобие короны. Остальное всё распалось, растрескалось, облупилось и облезло в такой степени, что уже не ставило воображению никаких прочных преград; вероятно, поэтому старый скелет легко принимал в наших глазах все формы, всю роскошь и все великолепие настоящей золотой кареты.

Когда нам приедались впечатления реальной жизни на больших дворах и в переулке, то мы с братом удалялись в этот уединённый уголок, садились в кузов, — и тогда начинались здесь чудеснейшие приключения, какие только могут постигнуть людей, безрассудно пускающихся в неведомый путь, далёкий и опасный, в такой чудесной и такой фантастической карете. Мой брат, по большей части, предпочитал более деятельную роль кучера. Он брал в руки кнут из ременного обрезка, найденного в мусорной куче, затем серьёзно и молча вынимал из кузова два деревянных пистолета, перекидывал через плечо деревянное ружьё и втыкал за пояс огромную саблю, изготовленную моими руками из кровельного тёсу. Вид его, вооружённого таким образом с головы до ног, настраивал тотчас же и меня на соответствующий лад, и затем, усевшись каждый на своё место, мы отдавались течению нашей судьбы, не обмениваясь ни словом. Это не мешало нам с той же минуты испытывать общие опасности, приключения и победы. Очень может быть,

конечно, что события не всегда совпадали с точки зрения кузова и козел, и я предавался упоению победы в то самое время, как кучер чувствовал себя на краю гибели... Но это ничему, в сущности, не мешало, разве изредка я принимался неистово палить из окон, когда кучер внезапно натягивал вожжи, привязанные к обломку дышла, — и тогда брат говорил с досадой:

— Что ты это, ей-богу!... Ведь это гостиница...

Тогда я приостанавливал пальбу, выходил из кузова и извинялся перед гостеприимным трактирщиком в причинённом беспокойстве, между тем как кучер распрягал лошадей, поил их у бадьи, и мы предавались мирному, хотя и короткому отдыху в одинокой гостинице. Однако случаи подобных разногласий бывали тем реже, что я скоро отдавался полёту чистой фантазии, не требовавшей от меня внешних проявлений. Должно быть, в целях старого кузова засели с незапамятных времён, — выражаясь по-нынешнему, — какие-то флюиды¹ старинных происшествий, которые и захватывали нас сразу в такой степени, что мы могли молча, почти не двигаясь и сохраняя созерцательный вид, просидеть на своих местах от утреннего чая до самого обеда. И в этот промежуток от завтрака и до обеда вмещались для нас целые недели путешествий, с остановками в одиноких гостиницах, с ночлегами в поле, с длинными просеками в чёрном лесу, с дальними огоньками, с угасающим закатом, с ночными грозами в горах, с утренней зарёй в открытой степи, с нападениями свирепых бандитов и, наконец, с туманными женскими фигурами, ещё ни разу не открывавшими лица из-под густого покрывала, которых мы, с неопределённым замиранием души, спасали из рук мучителей на радость или на горе в будущем...

И всё это вмещалось в тихом уголке, между садом и сараем, где, кроме бадьи, кузова и мусорной кучи, не было ничего... Впрочем, были ещё лучи солнца, пригревавшие зелень сада и расцветивавшие палисадник яркими, золотистыми пятнами; были ещё две доски около бадьи и широкая лужа под ними. Затем чуткая тишина, невнятный шёпот листьев, сонное чириканье какой-то птицы в кустах и... странные фантазии, которые, вероятно, росли здесь сами по себе, как грибы в тенистом месте, — потому что нигде больше мы не находили их с такой лёгкостью, в такой полноте и изобилии... Когда, через узкий переулочек и через крыши сараев, долетал до нас досадный призыв к обеду или к вечернему чаю, — мы оставляли здесь, вместе с пистолетами и саблями, наше фантастическое

¹ Флюиды — по не подтверждённым наукой представлениям, нервный, психический ток, излучаемый человеком; здесь: магнетическая сила.

настроение, точно скинутое с плеч верхнее платье, в которое наряжались опять тотчас по возвращении.

Однако с тех пор как брату пришла оригинальная мысль вырезать кривые и узловатые ветки тополя, навязать на них белые нитки, навесить медные крючки и попробовать запустить удочки в таинственную глубину огромной бадьи, стоявшей в углу дворика, для нас на целую неделю померкли все прелести золотой кареты. Во-первых, мы садились оба, в самых удивительных позах, на верхней перекладине палисадника, углом охватывавшего бадью и у которого мы предварительно обломали верхушки балясин. Во-вторых, над нами качался серебристо-зелёный шатёр тополя, переполнявший окружающий воздух зеленоватыми тенями и бродячими солнечными пятнами. В-третьих, от бадьи отделялся какой-то особенный запах, свойственный загнившей воде, в которой уже завелась своя особенная жизнь, в виде множества каких-то странных существ, вроде головастиков, только гораздо меньше... Как ни покажется это странно, но запах этот казался нам, в сущности, приятным и прибавлял, с своей стороны, нечто к прелестям этого угла над бадьёй...

В то время как мы сидели по целым часам на заборе, вглядываясь в зеленоватую воду, из глубины бадьи то и дело подымались стайками эти странные существа, напоминавшие собой гибкие медные булавки, головки которых так тихо шевелили поверхность воды, между тем как хвостики извивались под ними, точно крошечные змейки. Это был целый особый мирок, под этой зелёною тенью, и, если сказать правду, в нас не было полной уверенности в том, что в один прекрасный миг поплавок нашей удочки не вздрогнет, не пойдёт ко дну и что после этого который-нибудь из нас не вытащит на крючке серебристую, трепещущую живую рыбку. Разумеется, рассуждая трезво, мы не могли бы не прийти к заключению, что событие это выходит за пределы возможного. Но мы вовсе не рассуждали трезво в те минуты, а просто сидели на заборе, над бадьёй, под колыхавшимся и шептавшим зелёным шатром, в соседстве с чудесной каретой среди зеленоватых теней, в атмосфере полусна и полусказки...

Вдобавок мы не имели тогда ни малейшего понятия о назначении жизни...

II

Однажды, когда мы сидели таким образом, погружённые в созерцание неподвижных поплавок, с глазами, прикованными к зелёной глубине бадьи, — из действительного мира,

то есть со стороны нашего дома, проник в наш фантастический уголок неприятный и резкий голос лакея Павла. Он, очевидно, приближался к нам и кричал:

— Паньчи, паньчи, э-эй! Идти бо до покою!

«Идти до покою» — значило идти в комнаты, что нас на этот раз несколько озадачило. Во-первых, почему это просто «до покою», а не к обеду, который в этот день действительно должен был происходить ранее обыкновенного, так как отец не уезжал на службу. Во-вторых, почему зовёт именно Павел, которого посылал только отец в экстренных случаях, — тогда как обыкновенно от имени матери звала нас служанка Килимка. В-третьих, всё это было нам очень неприятно, как будто именно этот несвоевременный призыв должен вспугнуть волшебную рыбу, которая как раз в эту минуту, казалось, уже плывёт в невидимой глубине к нашим удочкам. Наконец, Павел и вообще был человек слишком трезвый, отчасти даже насмешливый, и его излишне серьёзные замечания разрушили не одну нашу иллюзию.

Через полминуты этот Павел стоял, несколько даже удивлённый, на нашем дворике и смотрел на нас, сильно сконфуженных, своими серьёзно выпученными и слегка глуповатыми глазами. Мы оставались в прежних позах, но это только потому, что нам было слишком совестно, да и некогда уже скрывать от него свой образ действий. В сущности же, с первой минуты появления этой фигуры в нашем мире, мы оба почувствовали с особенной ясностью, что наше занятие кажется Павлу очень глупым, что рыбу в бадьях никто не ловит, что в руках у нас даже и не удочки, а простые ветки тополя, с медными булавками, и что перед нами только старая бадья с загнившей водой.

— Э? — протянул Павел, приходя в себя от первоначального удивления. — А що се вы робите?¹

— Так... — ответил брат угрюмо.

Павел взял из моих рук удочку, осмотрел её и сказал:

— Разве ж это удилице? Удилище надо делать из орешника.

Потом пощупал нитку и сообщил, что нужен тут конский волос, да его ещё нужно заплести умеючи; потом обратил внимание на булавочные крючки и объяснил, что над таким крючком, без зазубрины, даже и в пруду рыба только смеётся. Стащит червяка и уйдёт. Наконец, подойдя к бадье, он потряхнул её слегка своей сильной рукой. Неизмеримая глубина нашего

¹ А что вы делаете? (укр.).

зелёного омота колыхнулась, помутнела, фантастические существа жалобно заметались и исчезли, как бы сознавая, что их мир колеблется в самых устоях. Обнажилась часть дна, — простые доски, облипшие какой-то зелёной мутью, — а снизу поднялись пузыри и сильный запах, который на этот раз и нам показался уже не особенно приятным.

— Воняет, — сказал Павел презрительно. — От, идите до покою, пан кличе.

— Зачем?

— Идите, то и побачите¹.

Я и до сих пор очень помню эту минуту столкновения наших иллюзий с трезвою действительностью в лице Павла. Мы чувствовали себя совершенными дураками, нам было совестно оставаться на верхушке забора, в позах рыбаков, но совестно также и слезать под серьёзным взглядом Павла. Однако делать было нечего. Мы спустились с забора, бросив удочки как попало, и тихо побрели к дому. Павел ещё раз посмотрел удочки, пощупал пальцами размокшие нитки, повёл носом около бадьи, в которой вода всё ещё продолжала бродить и пускать пузыри, и, в довершение всего, толкнул ногой старый кузов. Кузов как-то жалко и беспомощно крикнул, шевельнулся, и ещё одна доска вывалилась из него в мусорную кучу...

Таковы были обстоятельства, предшествовавшие той минуте, когда нашему юному вниманию предложен был афоризм о назначении жизни и о том, для чего, в сущности, создан человек...

III

У крыльца нашей квартиры, на мощёном дворе, толпилась куча народа. На нашем дворе было целых три дома, один большой и два флигеля. В каждом жила особая семья, с соответствующим количеством дворни и прислуги, не считая ещё одиноких жильцов вроде старого холостяка пана Уляницкого, нанимавшего две комнаты в подвальном этаже большого дома. Теперь почти всё это население высыпало на двор и стояло на солнцепёке, у нашего крыльца. Мы испуганно переглянулись с братом, разыскивая в своём прошлом какой-нибудь проступок, который подлежал бы такому громкому и публичному разбирательству. Однако отец, сидевший на верхних ступеньках, среди привилегированной публики, по-видимому, находился в самом благодушном настроении. Рядом с отцом

¹ Увидите (укр.).

вилась струйка синего дыма, что означало, что тут же находится полковник Дударев, военный доктор. Немолодой, расположенный к полноте, очень молчаливый, он пользовался во дворе репутацией человека необыкновенно учёного, а его молчаливость и бескорыстие снискали ему общее уважение, к которому примешивалась доля страха, как к явлению, для среднего обывателя не вполне понятному... Иногда, среди других фантазий, мы любили воображать себя доктором Дударевым, и если я замечал, что брат сидит на крыльце или на скамейке, с вишнёвой палочкой в зубах, медленно раздувает щёки и тихо выпускает воображаемый дым, — я знал, что его не следует тревожить. Кроме вишнёвой палочки, требовалось ещё особенным образом наморщить лоб, отчего глаза сами собой немного тускнели, становились задумчивы и как будто печальны. А затем уже можно было сидеть на солнце, затягиваться воображаемым дымом из вишнёвой ветки и думать что-то такое особенное, что, вероятно, думал про себя добрый и умный доктор, молча подававший помощь больным и молча сидевший с трубкой в свободное время. Какие это собственно были мысли, сказать трудно; прежде всего они были важны и печальны, а затем, вероятно, всё-таки довольно приятны, судя по тому, что им можно было предаваться подолгу...

Кроме отца и доктора, среди других лиц мне бросилось в глаза красивое и выразительное лицо моей матери. Она стояла в белом переднике, с навёрнутыми рукавами, очевидно, только что оторванная от вечных забот по хозяйству. Нас у неё было шестеро, и на её лице ясно виднелось сомнение: стоило ли выходить сюда в самый разгар хлопотливого дня. Однако скептическая улыбка, видимо, сплывала с её красивого лица, и в синих глазах уже мелькало какое-то испуганное сожаление, обращённое к предмету, стоявшему среди толпы, у крыльца...

Это была небольшая, почти игрушечная телега, в которой как-то странно, — странно почти до болезненного ощущения от этого зрелища, — помещался человек. Голова его была большая, лицо бледно, с подвижными, острыми чертами и большими, пронизательными бегающими глазами. Туловище было совсем маленькое, плечи узкие, груди и живота не было видно из-под широкой, с сильной проседью бороды, а руки я напрасно разыскивал испуганными глазами, которые, вероятно, были открыты так же широко, как и у моего брата. Ноги странного существа, длинные и тонкие, как будто не умещались в тележке и стояли на земле, точно длинные лапки паука. Казалось,

они принадлежали одинаково этому человеку, как и тележке, и всё вместе каким-то беспокойным, раздражающим пятном рисовалось под ярким солнцем, точно в самом деле какое-то паукообразное чудовище, готовое внезапно кинуться на окружившую его толпу.

— Идите, идите, молодые люди, скорее... Вы имеете случай увидеть интересную игру природы, — фальшиво-ласкающим голосом сказал нам пан Уляницкий, проталкиваясь за нами через толпу.

Пан Уляницкий был старый холостяк, появившийся на нашем дворе Бог весть откуда. Каждое утро, в известный час и даже в известную минуту, его окно открывалось, и из него появлялась сначала красная ермолка с кисточкой, потом вся фигура в халате... Кинув беспокойный взгляд на соседние окна (нет ли где барышень), — он быстро выходил из окна, прикрывая что-то полой халата, и исчезал за углом. В это время мы стремглав кидались к окну, чтобы заглянуть в его таинственную квартирку. Но это почти никогда не удавалось, так как Уляницкий быстро, как-то крадучись, появлялся из-за угла, мы кидались врассыпную, а он швырял в нас камнем, палкой, что попадало под руку. В полдень он появлялся одетым в иголки и очень любезно, как ни в чём не бывало, заговаривал с нами, стараясь навести разговор на живших во дворе невест. В это время в голосе его звучала фальшивая ласковость, которая всегда как-то резала нам уши...

— Уважаемые господа, обыватели и добрые люди! — говорил вдруг каким-то носовым голосом высокий субъект с длинными усами и беспокойными, впалыми глазами, стоявший рядом с тележкой. — Так как, по-видимому, с прибытием этих двух молодых людей, дай им Бог здоровья на радость почтенным родителям... все теперь в сборе, то я могу объяснить уважаемой публике, что перед нею находится феномен¹, или, другими словами, чудо природы, шляхтич² из Заславского повета³ Ян Криштоф Залуский. Как видите, у него совершенно нет рук и не было от рождения.

Он скинул с феномена курточку, в которую легко было одеть ребёнка, потом расстегнул ворот рубахи. Я зажмурился, — так резко и болезненно ударило мне в глаза обнажённое уродство этих узких плеч, совершенно лишённых даже признаков рук.

¹ *Фенóмен* (греч.) — здесь: нечто исключительное, небывалое.

² *Шляхтич* — мелкопоместный польский дворянин.

³ *Повёт* — уезд на Украине.

— Видели? — повернулся долгоусый к толпе, отступая от тележки, с курткой в руках. — Без обману... — добавил он, — без всякого ошуканства... — И его беспокойные глаза бежали публично с таким видом, как будто он не особенно привык к доверию со стороны своих ближних.

— И, однако, уважаемые господа, сказанный феномен, родственник мой, Ян Залуский — человек очень просвещённый. Голова у него лучше, чем у многих людей с руками. Кроме того, он может исполнять всё, что обыкновенные люди делают с помощью рук. Ян, прошу тебя покорно: поклонись уважаемым господам.

Ноги феномена пришли в движение, причём толпа шараялась от неожиданности. Не прошло и нескольких секунд, как с правой ноги, при помощи левой, был снят сапог. Затем нога поднялась, захватила с головы феномена большой порыжелый картуз, и он с насмешливой галантностью приподнял картуз над головой. Два чёрных внимательных глаза остро и насмешливо впились в уважаемую публику.

— Господи Боже!.. Иисус-Мария... Да будет похвалено имя Господне, — пронеслось на разных языках в толпе, охваченной брезгливым испугом, и только один лакей Павел загоготал в заднем ряду так нелепо и громко, что кто-то из дворни счёл нужным толкнуть его локтем в бок. После этого всё стихло. Чёрные глаза опять внимательно и медленно прошли по нашим лицам, и феномен произнёс среди тишины ясным, хотя слегка дребезжавшим голосом:

— Обойди!

Долгоусый субъект как-то замялся, точно считал приказ преждевременным. Он кинул на феномена нерешительный взгляд, но тот, уже раздражённо, повторил:

— Ты, глуп... обойди!

Полковник Дударев пустил клуб дыма и сказал:

— Однако, почтенный феномен, вы, кажется, начинаете с того, чем надо кончать.

Феномен быстро взглянул на него, как будто с удивлением, и затем ещё настойчивее повторил долгоусому:

— Обойди, обойди!

Мне казалось, что феномен посылает долгоусого на какие-то враждебные действия. Но тот только снял с себя шляпу и подошёл к лестнице, низко кланяясь и глядя как-то вопросительно, как бы сомневаясь. На лестнице более всего подавали женщины; на лице матери я увидел при этом такое выражение, как будто она всё ещё испытывает нервную дрожь; доктор тоже

бросил монету. Уляницкий смерил долгоусого негодующим взглядом и затем стал беспечно смотреть по сторонам. Среди дворни и прислуги не подал почти никто. Феномен внимательно следил за сбором, потом тщательно пересчитал ногами монеты и поднял одну из них кверху, иронически поклонившись Дудареву:

— Пан доктор... Очень хорошо... благодарю вас.

Дударев равнодушно выпустил очень длинную струйку дыма, которая распустилась султаном¹ на некотором расстоянии, но мне почему-то показалось, что ему досадно или он чего-то слегка застыдился.

— А! то есть удивительное дело, — сказал своим фальшивым голосом пан Уляницкий, — удивительно, как он узнал, что вы — доктор (Дударев был в штатском пиджаке и белом жилете с медными пуговицами).

— О! Он знает прошедшее, настоящее и будущее, а человека видит насквозь, — сказал с убеждением долгоусый, почерпнувший, по-видимому, значительную долю этой уверенности в удачном первом сборе.

— Да, я знаю прошедшее, настоящее и будущее, — сказал феномен, поглядев на Уляницкого, и затем сказал долгоусому: — Подойди к этому пану... Он хочет положить монету бедному феномену, который знает прошедшее каждого человека лучше, чем пять пальцев своей правой руки...

И все мы с удивлением увидели, как пан Уляницкий с замешательством стал шарить у себя в боковом кармане. Он вынул медную монету, подержал её в тонких, слегка дрожавших пальцах с огромными ногтями и... всё-таки опустил её в шляпу.

— Теперь продолжай, — сказал феномен своему провожатому. Долгоусый занял своё место и продолжал:

— Я вожу моего бедного родственника в тележке потому, что ходить ему очень трудно. Бедный Ян, дай я тебя подыму...

Он помог феномену подняться. Калека стоял с трудом, — огромная голова подавляла это тело карлика. На лице виднелось страдание, тонкие ноги дрожали. Он быстро опустил опять в свою тележку.

— Однако он может передвигаться и сам.

Колёса тележки вдруг пришли в движение, дворня с криком рассступилась; странное существо, перебирая по земле ногами и ещё более походя на паука, сделало большой круг и опять

¹ Султáн — здесь: струя дыма, похожая на султан, украшение на военном головном уборе в виде пучка перьев или конских волос.

остановилось против крыльца. Феномен побледнел от усилия, и я видел теперь только два огромных глаза, глядевших на меня с тележки...

— Ногами он чешет у себя за спиной и даже совершает свой туалет.

Он подал феномену гребёнку. Тот взял её ногой, проворно расчесал широкую бороду и, опять поискавши глазами в толпе, послал ногой воздушный поцелуй экономке домовладелицы, сидевшей у окна большого дома с несколькими «комнатными барышнями». Из окна послышался визг, Павел фыркнул и опять получил тумака.

— Наконец, господа, ногою он крестится.

Он сам скинул с феномена фуражку. Толпа затихла. Калека поднял глаза к небу, на мгновение лицо его застыло в странном выражении. Напряжённая тишина ещё усилилась, пока феномен с видимым трудом поднимал ногу ко лбу, потом к плечам и груди. В задних рядах послышался почти истерический женский плач. Между тем феномен кончил, глаза его ещё злее прежнего обежали по лицам публики, и в тишине резко прозвучал усталый голос:

— Обойди!

На этот раз долгоусый обратился прямо к рядам простой публики. Вздыхая, порой крестясь, кой-где со слезами, простые люди подавали свои крохи, кучера заворачивали полы кафтанов, кухарки наскоро сбежали по кухням и, проталкиваясь к тележке, совали туда свои подавания. На лестнице преобладало тяжёлое, не совсем одобрительное молчание. Впоследствии я замечал много раз, что простые сердца менее чутки к кощунству, хотя бы только слегка прикрытому обрядом.

— Пан доктор?.. — вопросительно протянул феномен, но, видя, что Дударев только насупился, он направил долгоусого к Уляницкому и напряжённо, с какой-то злостью следил за тем, как Уляницкий, видимо, против воли, — положил ещё монету.

— Извините, — повернулся вдруг феномен к моей матери... — Человек кормится, как может.

В его голосе была какая-то особенная, жалкая нота. Доктор вдруг выпустил бесконечную струйку синего дыма и, вынув серебряную монету, кинул её на мостовую. Феномен поднял её, поднёс ко рту и сказал:

— Пан доктор, я отдам это первому бедняку, которого встречу... Поверьте слову Яна Залуского. Ну, что же ты стал, продолжай, — накинудся он вдруг на своего долгоусого провозжатога.

Впечатление этой сцены ещё некоторое время держалось в толпе, пока феномен принимал ногами пищу, снимал с себя куртку, вдевал нитку в иглу.

— Наконец, уважаемые господа, — провозгласил долгоусый торжественно, — ногами он подписывает своё имя и фамилию.

— И пищу поучительные афоризмы, — живо подхватил феномен. — Пишу поучительные афоризмы всем вообще или каждому желающему порознь, ногами, за особую плату, для душевной пользы и утешения. Если угодно, уважаемые господа. Ну, Матвей, доставай канцелярию.

Долгоусый достал из сумки небольшую папку, феномен взял ногой перо и легко написал на бумаге свою фамилию: «Ян Криштоф Залуский, шляхтич-феномен из Заславского повета».

— А теперь, — сказал он насмешливо поворачивая голову, — кому угодно получить афоризм?.. Поучительный афоризм, уважаемые господа, от человека, знающего настоящее, прошедшее и будущее...

Острый взгляд феномена пробежал по всем лицам, оставиваясь то на одном, то на другом, точно гвоздь, который он собирался забить глубоко в того, на ком остановился его выбор. Я никогда не забуду этой немой сцены. Урод сидел в своей тележке, держа гусиное перо в приподнятой правой ноге, как человек, ожидающий вдохновения. Было что-то цинически карикатурное во всей его фигуре и позе, в саркастическом¹ взгляде, как будто искавшем в толпе свою жертву. Среди простой публики взгляд этот вызывал тупое смятение, женщины прятались друг за друга, то смеясь, то как будто плача. Пан Уляницкий, когда очередь дошла до него, растерянно улыбнулся и выразил готовность достать из кармана ещё монету. Долгоусый проворно подставил шляпу... Феномен обменялся взглядом с моим отцом, скользнул мимо Дударева, почтительно поклонился матери, и внезапно я почувствовал этот взгляд на себе...

— Подойди сюда, малец, — сказал он, — и ты тоже, — позвал он также брата.

Все взгляды обратились на нас, с любопытством или сожалением. Мы рады были бы провалиться сквозь землю, но уйти было некуда; феномен пронизывал нас чёрными глазами, а отец смеялся.

¹ Сарказм — язвительная насмешка; саркастический — исполненный сарказма.

— Ну, что ж, ступайте, — сказал он таким тоном, каким порой приказывал идти в тёмную комнату, чтобы отучить от суеверного страха.

И мы оба вышли с тем же чувством содрогания, с каким, исполняя приказ, входили в тёмную комнату... Маленькие и смущённые, мы остановились против тележки, под взглядом странного существа, смеявшимся нам навстречу. Мне казалось, что он сделает над нами что-то такое, от чего нам будет после стыдно всю жизнь, стыдно в гораздо большей степени, чем в ту минуту, когда мы слезали с забора под насмешливым взглядом Павла... Может быть, он расскажет... но что же? Что-нибудь такое, что я сделаю в будущем, и все будут смотреть на меня с таким же содроганием, как несколько минут назад при виде его уродливой наготы... Глаза мои застилались слезами, и, точно сквозя туман, мне казалось, что лицо странного человека в тележке меняется, что он смотрит на меня умным, задумчивым и смягчённым взглядом, который становится всё мягче и всё страннее. Потом он быстро заскрипел пером, и его нога протянулась ко мне с белым листком, на котором чернела ровная, красивая строчка. Я взял листок и беспомощно оглянулся кругом.

— Прочитай, — сказал, улыбаясь, отец.

Я взглянул на отца, потом на мать, на лице которой виделось несколько тревожное участие, и механически произнёс следующую фразу:

— «Человек создан для счастья, как птица для полёта»... Я не сразу понял значение афоризма и только по благодарному взгляду, который мать кинула на феномена, понял, что всё кончилось для нас благополучно. И тотчас же опять раздался ещё более прежнего резкий голос феномена:

— Обойди!

Долгоусый грациозно кланялся и подставлял шляпу. На этот раз, я уверен, больше всех дала моя мать. Уляницкий эмансипировался¹ и только величественно повёл рукой, показывая, что он и без того был слишком великодушен. Последним кинул монету в шляпу мой отец.

— Хорошо сказано, — засмеялся он при этом, — только, кажется, это скорее парадокс, чем поучительный афоризм, который вы нам обещали.

— Счастливая мысль, — насмешливо подхватил феномен. — Это афоризм, но и парадокс вместе. Афоризм сам по себе, па-

¹ Эмансипировался — здесь: освободил себя от обязанности (лат. *эмансипация* — освобождение от зависимости).

радокс в устах феномена... Ха-ха! Это правда... Феномен тоже человек, и он менее всего создан для полёта...

Он остановился, в глазах его мелькнуло что-то странное, — они как будто затуманились...

— И для счастья тоже... — прибавил он тише, как будто про себя. Но тотчас же взгляд его сверкнул опять холодным открытым цинизмом¹. — Га! — сказал он громко, обращаясь к долгоусому. — Делать нечего, Матвей, обойди почтенную публику ещё раз.

Долгоусый, успевший надеть свою шляпу и считавший, по-видимому, представление законченным, опять замаялся. По-видимому, несмотря на сильно помятую фигуру и физиономию, не внушавшую ни симпатии, ни уважения, в этом человеке сохранялась доля застенчивости. Он нерешительно смотрел на феномена.

— Ты глуп! — сказал тот жестоко. — Мы получили с уважаемых господ за афоризм, а тут оказался ещё парадокс... Надо получить и за парадокс... За парадокс, почтенные господа!.. За парадокс бедному шляхтичу-феномену, который кормит ногами многочисленное семейство...

Шляпа обошла ещё раз по крыльцу и по двору, который к тому времени наполнился публикой чуть не со всего переулка.

IV

После обеда я стоял на крыльце, когда ко мне подошёл брат.

— Знаешь что, — сказал он, — этот... феномен... ещё здесь.

— Где?

— В людской. Мама позвала их обоих обедать... И долгоусый тоже. Он его кормит с ложки.

В эту самую минуту из-за угла нашего дома показалась худощавая и длинная фигура долгоусого. Он шёл, наклонясь, с руками назад, и тащил за собою тележку, в которой сидел феномен, подобравши ноги. Проезжая мимо флигелька, где жил военный доктор, он серьёзно поклонился по направлению к окну, из которого попыхивал по временам синий дымок докторской трубки, и сказал долгоусому: «Ну, ну, скорее!» Около низких окон Уляницкого, занавешенных и уставленных геранью, он вдруг зашевелился и крикнул:

¹ Цинизм — наглое, пренебрежительное отношение к нормам нравственности.

— До свиданья, благодетель... Я знаю прошедшее, настоящее и будущее, как пять пальцев моей правой руки... которой у меня, впрочем, нет... ха-ха! Которой у меня нет, милостивый мой благодетель... Но это не мешает мне знать прошедшее, настоящее и будущее!

Затем тележка выкатилась за ворота...

Как будто сговорившись, мы с братом бегом обогнули флигель и вышли на небольшой задний дворик за домами. Переулок, обогнув большой дом, подходил к этому месту, и мы могли здесь ещё раз увидеть феномена. Действительно, через полминуты в переулке показалась долговязая фигура, тащившая тележку. Феномен сидел, опустившись. Лицо у него казалось усталым, но было теперь проще, будничнее и приятнее.

С другой стороны, навстречу, в переулок вошёл старый нищий с девочкой лет восьми. Долгоусый кинул на ничего взгляд, в котором на мгновение отразилось беспокойство, но тотчас же он принял беззаботный вид, стал беспечно смотреть по верхам и даже как-то некстати и фальшиво затянул вполголоса песню. Феномен наблюдал все эти наивные эволюции¹ товарища, и глаза его искрились саркастической усмешкой.

— Матвей! — окликнул он, но так тихо, что долгоусый только прибавил шагу.

— Матвей!

Долгоусый остановился, посмотрел на феномена и как-то просительно произнёс:

— А! Ей-богу, глупство!..

— Доставай, — кратко сказал феномен.

— Ну!

— Доставай.

— Ну-у? — совсем жалобно протянул долгоусый, однако полез в карман.

— Не там, — сказал холодно феномен. — Сороковец² доктора у тебя в правом кармане... Дедушка, постой на минуту.

Нищий остановился, снял шляпу и усталился в него своими выпцветшими глазами. Долгоусый, с видом человека, смертельно оскорблённого, достал серебряную монету и кинул в шляпу старика.

— Дьявол вас тут носит, дармоедов, — пробормотал он, принимаясь опять за дышло. Нищий кланялся, держа шляпу в обеих руках. Феномен захохотал, откинув голову назад... Тележка двинулась по переулку, приближаясь к нам.

¹ Эволюция (лат.) — здесь: манёвры, маневрирование.

² Сороковец — серебряная монета.

— А ты сегодня в добром гуморе¹ — угрюмо и язвительно сказал долгоусый.

— А что? — с любопытством сказал феномен.

— Так... пишешь приятные афоризмы и раздаёшь голодранцам по сороковцу... Какой, подумают люди, счастливец!

Феномен захохотал своим резким смехом, от которого у меня что-то прошло по спине, и потом сказал:

— Ха! Надо себе позволить иногда... притом же ничего не потеряли... Ты видишь, и приятные афоризмы иногда делают сбор. У тебя две руки, но твоя голова ничего не стоит, бедный Матвей!.. Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него. Понял? У людей бывают и головы, и руки. Только мне забыли приклеить руки, а тебе по ошибке поставили на плечи пустую тыкву... Ха! Это неприятно для нас, однако не изменяет общего правила...

Под конец этой речи неприятные ноты в голосе феномена исчезли, и в лице появилось то самое выражение, с каким он писал для меня афоризм. Но в эту минуту тележка поравнялась с тем местом, где мы стояли с братом, держась руками за балясины палисадника и уткнув лица в просветы. Заметив нас, феномен опять захохотал неприятным смехом.

— А! лоботрясы! Пришли ещё раз взглянуть на феномена бесплатно? Вот я вас тут! У меня есть такие же племянники, я кормлю и секу их ногами... Не хотите ли попробовать?.. Это очень интересно. Ха-ха-ха! Ну, Бог с вами, не трону... Человек создан для счастья. Афоризм и парадокс вместе, за двойную плату... Кланяйтесь доктору от феномена и скажите, что человеку надо кормиться не тем, так другим, а это трудно, когда природа забыла приклеить руки к плечам. А у меня есть племянники, настоящие, с руками... Ну, прощайте и помните: человек создан для счастья...

Тележка покатила, но уже в конце переулка феномен ещё раз повернулся к нам, кивнул головой вверх на птицу, кружившую высоко в небе, и крикнул ещё раз:

— Создан для счастья. Да, создан для счастья, как птица для полёта.

Затем он исчез за углом, и мы с братом долго ещё стояли, с лицами между балясин, и смотрели то на пустой переулок, то на небо, где, широко раскинув крылья, в высокой синеве, в небесном просторе, вся залитая солнцем, продолжала кружиться и парить большая птица...

¹ Гумор (лат., устар.) — настроение, расположение духа.

А потом мы пошли опять в свой угол, добыли удочки и принялись было в молчании поджидать серебристую рыбу в загнившей бадье...

Но теперь это почему-то не доставляло нам прежнего удовольствия. От бадьи несло вонью, её глубина потеряла свою заманчивую таинственность, куча мусора, как-то скучно освещённая солнцем, как бы распалась на свои составные части, а кузов казался дрянной старой рухлядью...

Ночью оба мы спали плохо, вскрикивали и плакали без причины. Впрочем, причина была: в дремоте обоим нам являлось лицо феномена и его глаза, то холодные и циничные, то подёрнутые внутренней болью...

Мать вставала и крестила нас, стараясь этим защитить своих детей от первого противоречия жизни, острой занозой вонзившегося в детские сердца и умы...

1894

Обдумаем прочитанное

При первом, да ещё не очень внимательном чтении рассказ может быть принят за описание действительно происшедшего жизненного случая, пусть неожиданного и даже исключительного (недаром Короленко называет своё произведение очерком: очерк обычно рисует и истолковывает факты жизни). Сначала — страницы о времяпрепровождении маленьких братьев «в тихом уголке между садом и сараями» (кстати: зачем они, эти страницы?). Далее — исполненные добродушного юмора зарисовки лакея Павла и населения трёх соседних домов (среди обитателей этих домов выделяются колоритные фигуры пана Уляницкого и доктора Дударева). Затем — встреча с безруким «феноменом» Яном Криштофом Залуским, сопровождаемым «долгоусым» Матвеем. «Феномен» даёт своеобразное представление и позднее уезжает, а мальчики возвращаются к своим занятиям. Таково несложное «внешнее» содержание рассказа.

Но обратим внимание на слова, которые неоднократно в разных вариациях возникают в произведении.

Начало рассказа: «Для чего, собственно, создан человек, об этом мы с братом получили некоторое понятие довольно рано... Сведение это было преподано нам в виде краткого афоризма».

Конец первой главы (описывающей «рыбную ловлю» у старой кареты): «Вдобавок мы не имели тогда ни малейшего понятия о назначении жизни».

Конец второй главы: «Таковы были обстоятельства, предшествовавшие той минуте, когда нашему юному вниманию предложен был афоризм о назначении жизни и о том, для чего, в сущности, создан человек...»

В третьей главе пан Залуский сообщает свой афоризм ребятам, а в конце главы в диалоге калеки с Матвеем вновь звучат слова о том, что человек создан для счастья, только с тем добавлением, что счастье, однако, но всегда создано для него.

Мысль о назначении человека как бы пронизывает всю ткань рассказа. И это не случайно. Говоря об идее рассказа, Короленко писал: «Жизнь вообще, в самых мелких и самых крупных своих явлениях, кажется мне проявлением общего великого закона, главные основные черты которого — добро и счастье. А если нет счастья? Ну, что ж, исключение не опровергает правила. Нет своего — есть чужое, а всё-таки закон жизни есть стремление к счастью и всё большее его осуществление. Только это я и пытался сказать своим парадоксом».

Вдумаемся в прочитанное.

Нужна ли вступительная часть рассказа, рисующая мальчиков за воображаемой рыбной ловлей и в фантастических путешествиях в старом кузове бывшей кареты? Может быть, эти странные фантазии, так свойственные детству, заменяли юным героям столь желанную им сказочно яркую жизнь и до поры до времени ограждали их от горестей и противоречий совсем не сказочной действительности? Но вот под воздействием грубоватой «правды» лакея Павла, не оставляющего места мечте, мир иллюзий начинает колебаться. А затем и вовсе рушится, когда мальчики сталкиваются с безруким калекой.

И всё-таки им, детям, адресует свой афоризм «феномен»: видимо, он верит в то, что они достигнут счастья. Но он же называет свой афоризм парадоксом, то есть мнением необычным и даже противоречащим здравому смыслу. Почему?

Подумаем над этим вопросом. Вспомним судьбу «феномена», его слова о том, что он, шляхтич, «кормит ногами многочисленное семейство». Обратим внимание на тех людей, с которыми ему приходится встречаться, в частности на старика-нищего с девочкой.

Вопросы

1. Короленко пишет о глазах калеки — то холодных и циничных, то задумчивых и печальных, то подёрнутых внутренней болью; голос его то неприятно резкий, то насмешливый, то в нём слышится какая-то жалкая нота. Герой рассказа то беззастенчиво требует от Матвея собрать дань с публики («Обойди!») и совершает кощунство, крестясь ногой, то обещает доктору отдать дорогую серебряную монету первому встречному бедняку, и гордость слышна в его словах: «Поверьте слову Яна Залуского». И действительно, своё обещание он выполняет, несмотря на пассивное сопротивление Матвея. Как вы объясните противоречия в характере, настроении и поведении героя рассказа?

2. Короленко пишет в конце рассказа: «А потом мы пошли опять в свой угол, добыли удочки и принялись было в молчании поджидать серебристую рыбу в загнившей бадье... Но теперь это почему-то не доставляло нам прежнего удовольствия». Как вы думаете — почему? Почему ночью мальчики «спали плохо, вскрикивали и плакали без причины»? В самом ли деле — без причины?

3. Какая идея, по-вашему, облекает повесть «В дурном обществе» («Дети подзаемелья») и рассказ «Парадокс»?

4. Вспомните изученные вами произведения — «Капитанскую дочку», «Мцыри», «После бала». Не возникают ли при чтении этих произведений вопросы, близкие к тому, что поставил в своём рассказе Короленко? Какие?

ОГОНЬКИ

Как-то давно, тёмным осенним вечером, случилось мне плыть по угрюмой сибирской реке. Вдруг на повороте реки, впереди, под тёмными горами мелькнул огонёк.

Мелькнул ярко, сильно, совсем близко...

— Ну, слава Богу! — сказал я с радостью, — близко ночлег!

Гребец повернулся, посмотрел через плечо на огонь и опять апатично¹ налёг на вёсла.

— Далече!

Я не поверил: огонёк так и стоял, выступая вперёд из неопределённой тьмы. Но гребец был прав: оказалось, действительно, далеко.

Свойство этих ночных огней — приближаться, побеждая тьму, и сверкать, и обещать, и манить своею близостью. Кажется, вот-вот ещё два-три удара веслом, — и путь кончен... А между тем — далеко!..

И долго мы ещё плыли по тёмной, как чернила, реке. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь позади и теряясь, казалось, в бесконечной дали, а огонёк всё стоял впереди, переливаясь и маня, — всё так же близко, и всё так же далеко...

Мне часто вспоминается теперь и эта тёмная река, затенённая скалистыми горами, и этот живой огонёк. Много огней и раньше и после манили не одного меня своей близостью. Но жизнь течёт всё в тех же угрюмых берегах, а огни ещё далеко. И опять приходится налегать на вёсла...

Но всё-таки... всё-таки впереди — огни!..

1900

❖ Вопросы ❖

1. Как построена миниатюра² Короленко? Почему, вспоминая огонёк, Короленко далее пишет о свойстве ночных *огней*? Раскройте обобщающий смысл миниатюры.

2. В какой метафической формуле выражена главная мысль писателя?

3. Какими метафорами Короленко вызывает представление о движущейся по реке лодке?

4. Какие произведения И. С. Тургенева напоминают «Огоньки»? Чем?

¹ *Апатично* — равнодушно, безразлично.

² *Миниатюра* — здесь: небольшое поэтическое произведение.

А вот что сам Короленко писал о своих «Огоньках»:

«За теми горами, которые теперь загораживают нашу дорогу, есть и тюрьмы, и опять горы, и вообще — трудный, бесконечный путь. Я только верю, что впереди будет всё светлее, что *стремиться и достигать стоит...*»

Письмо к В. Н. Григорьеву

«В очерке “Огоньки” я не имел в виду сказать, что после трудного перехода предстоит окончательный покой и общее счастье. Нет, — там опять начнётся другая станция. Жизнь состоит в постоянном стремлении, достижении и новом стремлении. Такого времени, когда все без исключения люди будут вполне довольны и счастливы, — я полагаю, не будет вовсе. Но, на мой взгляд, человечество уже видело много «огней», достигало их и стремилось дальше... И теперь опять мы на трудном пути, и впереди новые далёкие огни. Самое большое, на что можно надеяться, это — чтобы у людей становилось всё больше силы желать, стремиться, достигать и опять стремиться».

Письмо к Е. А. Чернушкиной

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О В. Г. КОРОЛЕНКО

...Мне рассказали содержание рассказа Короленко в «Волжском вестнике» «Море»¹. Это прекрасно. Сострадание к заключённым, ужас перед жестокостью заключающих, и взято из середины², как всякое поэтическое истинное произведение...

Л. Н. Толстой

Владимир Галактионович,

Сейчас прослушал вашу статью о смертной казни и всячески во время чтения старался, но не мог удержать — не слёзы, а рыдания. Не нахожу слов, чтобы выразить вам мою благодарность и любовь за эту и по выражению, и по мысли, и главное по чувству — превосходную статью...

Радует одно то, что такая статья, как ваша, объединяет многих и многих живых, неразвращённых людей одним общим всем идеалом добра и правды, который, что бы ни делали враги его, разгорается всё ярче и ярче.

Л. Н. Толстой. Из письма к В. Г. Короленко. 1910 г.

¹ Позднее переработанному рассказу В. Г. Короленко дал название «Мгновение».

² То есть из сердца.

Жажду прочесть повесть Короленко. Это мой любимый из современных писателей. Краски его колоритны и густы, язык его безупречен, хотя местами и изыскан, образы благородны...

<...> Короленко незаметим. Его любят и читают, да и человек он очень хороший.

А. П. Чехов

В 1903 году имя Короленко служило общим лозунгом для всех прогрессивно мыслящих людей без различия партий. И особую роль сыграл в этом году его коротенький очерк «Огоньки», облетевший всю Россию и повторяемый бесчисленное количество раз почти всей прессой. Любопытно напомнить, что эта страничка, передававшая в поэтическом образе задушевные чаяния автора и его светлый оптимизм, была первоначально написана в 1900 году просто в альбом одной писательницы (Мар. Вал. Ватсон) и, стало быть, носила характер интимного признания, не для печати. Но она скоро попала в печать, и оказалось, что Короленко чутьём угадал настроение огромной массы русских интеллигентов. Заключительный возглас очерка — «всё-таки... всё-таки... впереди огни» — стал быстро крылатым словом. В тоне настроения того времени был и его другой очерк «Мгновение».

Ф. Д. Батюшков¹

Рассказы, очерки и повести Короленко давно известны большинству читателей. Уже давно такие произведения писателя, как «Слепой музыкант», «В дурном обществе», «Судный день», «Мороз», «Черкес» и другие, стали любимым чтением нескольких поколений.

В чём же сила и значение Короленко?

В том, что через все произведения Короленко — большие и малые, через его очерки, записные книжки, письма и через его огромную, блестящую общественную деятельность проходит вера в человека, вера в бессмертие, непобедимое и побеждающее благообразие его природы и разума.

А. П. Платонов

❖ Приглашаем в библиотеку ❖

«Ребёнок родился в богатой семье Юго-западного края, в глухую полночь. Молодая мать лежала в глубоком забытии, но, когда в ком-

¹ Батюшков Ф. Д. (1857—1920) — литературовед, автор статей о русских и зарубежных писателях.

нате раздался первый крик новорождённого, тихий и жалобный, она заметалась с закрытыми глазами в своей постели. Её губы шептали что-то, и на бледном лице с мягкими, почти детскими ещё чертами, появилась гримаса нетерпеливого страдания, как у балованного ребёнка, испытывающего непривычное горе.

Бабка наклонилась ухом к её что-то тихо шептавшим губам.

— Отчего... отчего это он? — спрашивала больная едва слышно.

Бабка не поняла вопроса. Ребёнок опять закричал. По лицу больной пробежало отражение острого страдания, и из закрытых глаз сольнула крупная слеза.

— Отчего, отчего? — по-прежнему тихо шептали её губы.

На этот раз бабка поняла вопрос и спокойно ответила:

— Вы спрашиваете, отчего ребёнок плачет? Это всегда так бывает, успокойтесь.

Но мать не могла успокоиться. Она вздрагивала каждый раз при новом крике ребёнка и всё повторяла с гневным нетерпением:

— Отчего... так... так ужасно?..

...Быть может, сердце матери почуяло, что вместе с новорождённым ребёнком явилось на свет тёмное, неисходное горе, которое нависло над колыбелью, чтобы сопровождать новую жизнь до самой могилы.

Может быть, впрочем, что это был и действительный бред. Как бы то ни было, ребёнок родился слепым».

Это — начало повести В. Г. Короленко «Слепой музыкант». Одна из лучших повестей писателя, она рассказывает о неукротимом стремлении человека к свету, к счастью, об активном преодолении страданий, о силе любви.

Прочтите также рассказ «Мгновение»¹, который сначала назывался «Море» и который так понравился Л. Н. Толстому. Подумайте, чем этот рассказ близок к поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри».

¹ Рассказ «Мгновение» напечатан в книге «Читаем вместе... Дополнительные учебные материалы по литературе». 8 кл.

Иван
Алексеевич
БУНИН
(1870—1953)

«ЕГО НЕЖНЕЙШЕЙ ЛЮБОВЬЮ БЫЛА РОССИЯ...»

Имя Ивана Алексеевича Бунина вам знакомо по курсу литературы прошлых лет. Напомним, что он происходил из старинного, но обедневшего дворянского рода, из которого вышел и известный поэт В. А. Жуковский. Учился в гимназии, но не окончил её. Решающую роль в образовании юноши сыграл старший брат, прошедший с ним на дому весь гимназический курс.

Детство будущий писатель провёл в окружении крестьянских ребятишек. Подростком начал писать стихи и в семнадцать лет опубликовал одно стихотворение в журнале. Так началась литературная деятельность Бунина. Он писал не только стихи, но и прозу, выдвинувшую его в первые ряды художников слова, работал вдохновенно и много, живя в разных краях России. А с 1907 года начал путешествовать по другим странам. «Я не раз бывал в Турции, — вспоминал он позднее, — по берегам Малой Азии, в Греции, Египте вплоть до Нубии, странствовал по Сирии, Палестине, был в Оране, Алжире, Константинополе, Тунисе и на окраинах Сахары, плывал на Цейлон, извездил почти всю Европу, особенно Сицилию и Италию <...>, был в некоторых городах Румынии, Сербии — и, говоря словами Боратынского, отовсюду “к вам приходил, родные степи, моя начальная любовь” — и снова “по свету бродил и наблюдал людское племя...”»

В 1911—1912 годах И. А. Бунин жил на острове Капри в Италии, где в то время находился и М. Горький. Писатели были близки друг другу, хотя впоследствии их пути разошлись. На Капри Бунин создал ряд «превосходных, но страшных вещей» (как оценила их жена Горького), которые он читал писателям, собиравшимся на вилле Горького. Среди этих вещей был рассказ «Сверчок».

Установление советской власти в России Бунин встретил враждебно и в 1920 году эмигрировал за границу, во Францию. Однако позднее он с сочувствием следил за борьбой родного народа против немецко-фашистского нашествия. Когда гитлеровцы оккупировали Францию, писателю дали понять, что его сотрудничество в их газетах и журналах было бы желательным. Но Бунин уехал из Парижа на юг страны и от сотрудничества с фашистами отказался.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

В блеске огней, за зеркальными стёклами,
Пышно цветут дорогие цветы,
Нежны и сладки их тонкие запахи,
Листья и стебли полны красоты.

Их возрастили в теплицах заботливо,
Их привезли из-за синих морей;
Их не пугают метели холодные,
Бурные грозы и свежесть ночей.

Есть на полях моей родины скромные
Сёстры и братья заморских цветов:
Их возростила весна благовонная
В зелени майской лесов и лугов.

Видят они не теплицы зеркальные,
А небосклона простор голубой,
Видят они не огни, а таинственный
Вечных созвездий узор золотой.

Веет от них красотой стыдливою,
Сердцу и взору родные они
И говорят про давно позабытые
Светлые дни.

1887

~> Как вы думаете, почему поэт, говоря о красоте одних цветов, искусственно взращённых, и других, выросших в естественных условиях, называет стихотворение «Полевые цветы»? Какой глубинный смысл скрыт в стихотворении? Только ли о цветах идёт речь?

* * *

Ещё и холоден и сыр
Февральский воздух, но над садом

Уж смотрит небо ясным взглядом
И молодеет Божий мир.

Прозрачно-бледный, как весной,
Слезится снег недавней стужи,
А с неба на кусты и лужи
Ложится отблеск голубой.

Не налюбуюсь, как сквозят
Деревья в лоне небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Как снегири в кустах звенят.

Нет, не пейзаж влечёт меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит
Любовь и радость бытия.

1901

≈ А. Т. Твардовский писал о Бунине: «Особыми чарами обладают его описания времён года со всеми неуловимыми оттенками света на стыках дня и ночи, на утренних и вечерних зорях, в саду, на деревенской улице и в поле». Отметьте художественные детали в картине пробуждающейся природы, нарисованной в стихотворении. Как вы понимаете последнюю строфу?

* * *

Густой зелёный ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шёл олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь ёлку гнул и белым зубом скрёб —
И много хвойных крестиков, остинков
Осыпались с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной
Он красоту от смерти уносил!

1905

≈ Олень в стихотворении — воплощение красоты и силы жизни. Какими эпитетами поэт подчёркивает эту мысль?

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом чёрных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей.

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, что сотни вёрст брела
И для него ко дню свиданья
Последний грошик берегла.

1891

≈ Против каких людей, по-вашему, поэт выступает в этом стихотворении?

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена!

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья
Наш дар бесценный — речь.

1915

≈ С каким стихотворением в прозе И. С. Тургенева перекликается это стихотворение? Чем по мысли отличается от него?

СВЕРЧОК

Эту небольшую историю рассказал шорник¹ Сверчок, весь ноябрь работавший вместе с другим шорником, Василием, у помещика Ремера.

¹ Шорник — специалист по изготовлению кожаной упряжи для лошадей.

Ноябрь стоял тёмный и грязный, зима всё не налаживалась. Ремеру с его молодой женой, недавно поселившимся в дедовской усадьбе, было скучно, и вот они стали ходить по вечерам из своего ещё забитого дома, где только внизу, под колоннами, была одна сносная жилая комната, в старый флигель, в упразднённую контору, где зимовала птица и помещались шорники, работник и кухарка.

Вечером под Введение¹ несло непроглядной мокрой вьюгой. В просторной и низкой конторе, когда-то белёной мелом, было очень тепло и сыро, густо воняло махоркой, жестяной лампочкой, горевшей на верстаке, сапожным варом, политурой и мятной кислотой кожи, куски и обрезки которой, вместе с инструментами, новой и старой сбруей, хомутиной, потниками, дратвой и медным набором навалены были и на верстаке, и на затоптанном, сорном полу. Воняло и птицей из тёмной пристройки, но Сверчок и Василий, ночевавшие в этой вони и каждый день часов по десяти сидевшие в ней с согнутыми спинами, были, как всегда, очень довольны своим помещением, особенно тем, что Ремер не жалеет топки. С узеньких подоконников капало, на чёрных стёклах сверкало и резко белел липкий, мокрый снег. Шорники пристально работали, кухарка, небольшая женщина в полушубке и мужицких сапогах, назябшаяся за день, отдыхала на продранном стуле у горячей печки. Она грела спину и, не сводя глаз с лампочки, слушала шум ветра, потрясавшего порою весь флигель, постукиванье по хомуту, который делал Василий, и старчески-детское дыхание лысого Сверчка, возившегося над шлейём² и в затруднительные минуты шевелившего красным кончиком языка.

Лампочка, облитая керосином, стояла на самом краю верстака и как раз посредине между работавшими, чтобы видней было обоим, но Василий то и дело подвигал её к себе своей сильной, жилистой, смуглой рукой, засученной по локоть. Сила, уверенность в силе чувствовались и во всей осанке этого черноволосого человека, похожего на малайца, — в каждой выпуклости его мускулистого тела, обозначавшегося под тонкой, точно истлевшей рубахой, бывшей когда-то красной, и всегда казалось, что Сверчок, маленький и, несмотря на видимую бодрость, весь разбитый, как все дворовые люди, побаивается Василия, никогда никого не боявшегося. Казалось это и самому Василию, усвоившему себе манеру, как бы в шутку, на забаву окружающим, покрикивать на Сверчка, даже помогавшего этой шутке.

¹ Введение во храм Богородицы — религиозный христианский праздник.

² Шлей — часть сбруи, облегающая бока и спину лошади.

Василий, держа между коленками, прикрытыми засаленным фартуком, новый хомут, обтягивал его тёмно-лиловой толстой кожей, одной рукой крепко захватывая её и туго натаскивая на дерево клещами, а другой вынимая из сжатых губ гвозди с медными шляпками, втыкая их в наколы, заранее сделанные шилом, и затем с одного маха, ловко и сильно вколачивая молотком. Он низко нагнул свою большую голову в чёрных влажно-курчавых волосах, перехваченных ремешком, и работал с той приятной, ладной напряжённостью, которая даётся только хорошо развитой силой, талантом. Напряжённно работал и Сверчок, но напряжённость эта была иного рода. Он прошивал концом новую розово-телесного цвета шлею, тоже захватив её в колени, в голенища и фартук, и с трудом накалывал, с трудом, шевеля языком и приноравливая к свету лысую голову, попадал щетиной в дырочки, хотя раздёргивал в разные стороны и закреплял конец даже с некоторой удалью старого, натертого мастера.

Наклонённое к хомуту лицо Василия, широкое, с выступающими под маслянистой жёлто-смуглой кожей костями, с редкими и жёсткими чёрными волосами над углами губ, было строго, нахмурено, значительно. А по наклонённому к шлее лицу Сверчка видно было только то, что ему темно и трудно. Он был ровно вдвое старше Василия и чуть не вдвое меньше ростом. Сидел ли он, вставал ли, разница была невелика, — так коротки были его ноги, обутые в разбитые, ставшие от старости мягкими, сапоги. Ходил он, — тоже от старости, — неловко, согнувшись, так, что отставал фартук и виден был глубоко провалившийся живот, слабо, по-детски подпоясанный. По-детски темны были его чёрные глазки, похожие на маслинки, а лицо имело слегка лукавый, насмешливый вид: нижняя челюсть у Сверчка выдавалась, а верхняя губа, на которой темнели две тонких, всегда мокрых косички, западала. Вместо «барин» говорил он «баин», вместо «было» — «быво» и часто всхлипывал, подтирая большой холодной рукой, суставами указательного пальца, свой повисший носик, на конце которого всё держалась светлая капелька. Пахло от него махоркой, кожей и ещё чем-то острым, как от всех стариков.

Сквозь шум метели послышался из сеней топот обиваемых от снега ног, хлопанье дверей — и, внося с собой свежий хороший запах, вошли господа, залепленные белыми хлопьями, с мокрыми лицами и блёстками на волосах и одежде. Тёмно-красная борода и густые, нависшие над серьёзными и живыми глазами брови Ремера, глянцевиный каракулевый

воротник его мохнатого пальто и каракулевая шапка казались от этих блёсток ещё великолепнее, а нежное, милое лицо его беременной жены, её мягкие длинные ресницы, сине-серые глаза и пуховый платок ещё нежнее и милее. Кухарка хотела уступить ей продранный стул, она ласково её поблагодарила, заставила остаться на своём месте и села на скамью в другой угол, осторожно сняв с неё узду со сломанными удилами; потом слабо зевнула, повела плечами, улыбнулась и тоже засмотрелась на огонь широко раскрытыми глазами. Ремер закурил и стал ходить по комнате, не раздевшись и не сняв шапки. Как всегда, господа пришли только на минутку, — уж очень тяжёлый и тёплый был у шорников воздух, — но потом, как всегда, забылись, потеряли обоняние... И вот тут-то, неожиданно для всех, и рассказал Сверчок свою историю.

— Однако ты, брат, ловок, — прошепелявил он, когда Василий, поздоровавшись с господами кивком головы, опять придвинул к себе лампочку. — Однако ты, б'ят, вовок. Я, небось, постарше тебя немножко, — сказал он, всхлипывая и подтирая нос.

— Что? — притворно-грозно крикнул Василий, сдвигая брови. — Может, тебе ещё газовый рожок зажечь? Ослеп — так в богадельню.

Все улыбнулись, — даже и барыня, которой всё-таки немногo неприятны были эти шутки, — и подумали, что Сверчок, как всегда, отпустит что-нибудь смешное. Но на этот раз он только головой покрутил и, вздохнув, остановил взгляд на чёрных стёклах, залепленных белыми хлопьями. Потом, взяв шило своей большой, в крупных жилах рукой с широко расставленными суставами большого и указательного пальцев, неловко и с трудом воткнул его в розоватую сырую кожу. Кухарка, заметив, что он смотрел на окна, заговорила о том, как она боится, что её мужик, поехавший за коновалом в Чичерино, замёрзнет, собьётся с дороги, как вдруг Сверчок, делая вид, что он занят, сказал с грустными добродушием:

— Да, брат, ослеп... Поневоле ослепнешь! Ты вот доживи-ка до моих годов, да прочувствуй с моё! Ан не доживёшь! Я вот спокон веку такой, неизвестно, в чём душа держится, а всё тянулся, жил — и ещё бы столько же прожил, как бы было зачем. Я, брат, очень даже хотел жить, пока было интересно, и жил, смерти не подавался. А твою-то силу мы ещё не знаем. Молода, в Саксоне не была.

Василий посмотрел на него пристально, как посмотрели господа и кухарка, удивлённые его необычным тоном, —

на минуту, в молчании, особенно явственно стал слышен шум ветра, — и серьёзно спросил:

— Что это ты буровишь такое?

— Я-то? — сказал Сверчок, поднимая голову. — Нет, брат, я не буровлю. Я это про сына вспомнил. Слышал, небось, какой молодец-то был? Пожалуй, ещё почище тебя будет, а вот не мог же того выдержать, что я.

— Ведь он замёрз, кажется? — спросил Ремер.

— Я его знал, — ответил Василий и, не стесняясь, как говорят о ребёнке при нём же самом, добавил: — Да он и не сын ему, говорят, был, — Сверчку-то. Не в мать, не в отца, а в проезжего молодца.

— Это дело иное, — так же просто сказал и Сверчок, — это всё может быть, а почитал он меня не меньше отца, дай Бог, чтобы твои так-то тебя почитали, да и не докапывался я, сын он мне али нет, моя кровь аль чужая... авось, она у всех одинаковая! Сила в том, что он, может, дороже десятерых родных мне был. Вы вот, барин, и вы, сударыня, — сказал Сверчок, поворачивая голову к господам и особенно ласково выговаривая: «сударыня», — вы вот послушайте, как было-с это дело, как замёрз-то он. Я ведь его всю ночь на закорках таскал!

— Кура¹ сильная была? — спросила кухарка.

— Никак нет, — сказал Сверчок. — Туман.

— Как туман? — спросила барыня. — Да разве в туман можно замёрзнуть? И зачем же вы его таскали?

Сверчок кротко улыбнулся.

— Хм! — сказал он. — Да вы того, сударыня, и вообразить себе не можете-с, до чего он, туман-то этот, может замучить! А таскал я его затем, что уж очень жалко было-с, всё думал отстоять его от этого... от смерти-то. Это так вышло, — картаво начал он, обращаясь не к Василию и не к Ремеру, а только к одной барыне, — это вышло-с как раз под самый Николин день...

— А давно? — спросил Ремер.

— Да лет пять или шесть тому назад, — ответил за Сверчка Василий, серьёзно слушая и свёртывая сигарку.

Сверчок мельком, старчески-строго глянул на него.

— Оставь мне затянуться, — сказал он и продолжал: — Работали мы, сударыня, у барина Савича в Огнёвке, — он, сын-то, со мной всегда ходил, не отбивался от меня, — ну, работали и работали, а квартиру в селе снимали, жили после смерти матери вроде как два дружных товарища. Подходит,

¹ *Кура* — вьюга.

наконец того, Николин день. Надо, думаем, домой отлучаться, немножко в порядок себя привести, а то, по совести сказать, уж очень всё на нас земле предалось. Собираемся этак на вечер, а того и не видим, что такая стыдь да ещё с туманом к вечеру завернула, альни деревни за лужком не видать, уж не говоря про то, что очень местность везде глухая. Копаемся, прибираем струмент в этой самой бане, где мы, значит, спасались, никак ничего не найдём в темноте, — скупой барин-то был, огарочка не разживёшься, — чувствуем, что припоздали маленько, и верите ли, такая тоска вдруг взяла меня, что я говорю: «Дорогой ты мой товарищ, Максим Ильич, ай нам остаться, до утра подождать?»

— А вас Ильёй зовут? — спросила барыня, вдруг вспомнив, что она до сих пор не знает имени Сверчка.

— Ильёй-с, — ласково сказал Сверчок и, всхлипнув, подтёр нос, — Ильёй Капитоновым. Но только сын-то меня тоже Сверчком звал и всё, — вот не хуже этого Бовы Королевича, Василь Степаныча, — шутил, грубиянил со мной. Ну, конечно, пошутил, закричал и тут: «Это ещё, мол, что такое? Поговори у меня!» — Нахлобучил мне шапку по уши, надел свою, ремешком подтянулся, — красавец был, сударыня, истинную вам правду говорю-с! — взял палочку и без дальних разговоров марш на крыльцо. Я за ним... Вижу, туман страсть какой и уж совсем стемняло, барский сад весь сизыми шапками, инеем оброс, — как туча какая в сумерках, в тумане этом мерещится, — да делать, значит, нечего, не хочу молодого человека обижать, молчу. Перешли лужки, поднялись на горку, оглянулись, а окон у барина уж и не видно стало. Отвернулся я от ветру, — в одну минуту дух захватило, так и несёт этой мглой, туманом, вроде как дыханье какое, — чувствую, что уж на двух шагах до самых костей прохватило, а сапоги-то на нас нагольные, да и поддёвочки на шереметьевский счёт шиты, и опять говорю: «Ой, вернёмся, Максим, не форси!» Он было и задумался... Да известно, дело молодое, по себе, небось, сударыня, знаете, — как свою гордость не выказать? — насутился поскорее и опять пошёл. Входим в деревню, — конечно, потише стало, везде огни по избам, хоть и мутные, а всё-таки жильё, — он и бубнит: «Ну, видишь? Что дрожал? Видишь, на ходу-то куда теплей, это только сначала так стюдено показалось... Не отставай, не отставай, а то подгонять зачну...» А уж какое там, сударыня, тепло, все водовозки на четверть инеем обросли, все лозинки к земле пригнуло, крыш не видать от туману и морозу... Конечно, жильё, да от этих огней туман ещё больше выдаёт,

и все ресницы у меня в инее, отяжелели, как у лошади хорошей, а барских окон на том боку и звания не осталось... Одно слово — ночь лютая, самая что ни на есть волчиная...

Василий нахмурился, пустил в обе ноздри дым и, подавая окурочек Сверчку, перебил его:

— Ну, ты, «вовчиная», этак до второго пришествия не кончишь. Ты скорей рассказывай.

И деловито перевернул в коленях хомут, намереваясь продолжать работу. Сверчок, щепотками, кончиками прокопчённых пальцев взяв у него окурочек, сильно затянулся и на минуту грустно задумался, как бы слушая своё детское дыхание и шум ветра за стенами. Потом несмело сказал:

— Ну, Бог с тобой, хорошо, покорооче скажу. Я только хотел сказать, что просто мы заблудились в двух шагах. Мы, сударыня, — продолжал он увереннее, взглянув на барыню, уловив в её глазах сочувствие и вдруг острее почувствовав своё давно ставшее привычным горе, — мы дорогу, значит, потеряли. Как только вышли-с за деревню, да попали в эту темь, во мгу, в холод, да прошли, может, с версту, так и заблудились. Тут большой верх, огромный луг, буераки до самого села идут, а над ними дорога всегда есть, вот мы и потрафляли по ней, всё думали, что верно держимся, а заместо того влево забрали по чьему-то следу, к бибиновским, значит, оврагам, и след этот тоже, на беду, упустили, а уж там и пошли месить по снегу, по ветру, как попало. Да это всё, сударыня, история известная, — кто не блудил, все блудили, — а я то хотел сказать, какую муку-с я за эту ночь принял! Я, правда, до того оробел, до того испугался, как, значит, прокружились мы часа два али три, да зарьяли¹, задохнулись, обмёрзли, стали в пень и видим, что в отделку пропали, до того, говорю, испугался, что у меня аж руки, ноги огнём закололо, — всякому, понятно, свой живот дорог, — но только я и в мыслях не держал, что дальше-то будет, как накажет меня Господь! Я, понятно, думал, что мне первому конец, — много ль во мне духу, сами извольте видеть, — а как увидал, что я-то ещё жив, стою, а уж он на снег сел, как увидал его...

Сверчок слегка вскрикнул на последних словах, взглянул на кухарку, которая уже плакала, и, вдруг заморгав, исказив и брови, и губы, и задрожавшую челюсть, стал торопливо искать кисет. Василий сердито сунул ему свой, и он, вертя прыгающими руками сигарку и роняя в табак слёзы, опять

¹ Зарьять — надорваться.

заговорил, но уже новым, размеренно-твёрдым и повышенным тоном:

— Дорогая моя сударыня, у нас был барин Ильин, лютей его во всей губернии не было, — до нашего, то есть, брата, до дворового, — так вот он тоже замёрз, под городом нашли, — лежит в возке, весь снегом забит и сам окоченел уж давно, и во рту лёд, а возле него сидит-дрожит кобель живой, сеттер его любимый, под шубой под енотовой: он, значит, злодей-то такой, шубу свою собственную снял с себя и кобеля накрыл, а сам замёрз, и кучер его замёрз, и вся тройка мёрзлая на оглобли навалилась, поколегла... А ведь тут не кобель, тут — сын родной, дорогой мой товарищ! Да, сударыня! Что мне было снять-то с себя? Поддёвку-то эту. Да она была ровесница мне, на нём была вдвое теплей... Да тут и шубой не помог бы! Тут хоть рубахуними — не спасёшь, хоть на весь белый свет кричи — никого не докричишься! Он вскорости ещё пуще меня испугался и вот от этого от самого и пропали-то мы. Как только упустили мы след, он и заметался. Сперва всё покрикивал, зубами ляскал да отдувался, как, значит, до животов-то прохватило нас ветром с морозом, потом вроде как с ума стал сходить. «Стой! — кричу. — Ради Христа, стой, давай сядем, одумаемся!..» Молчит. Я его за рукав хватаю, опять кричу... Молчит, да и только! Либо не понимает ничего, либо не слышит. Темь хоть глаз выколи, ног, рук уж не чуем, всё лицо сковало, губ вроде как совсем нету — одна челюсть голая — и ничего не поймёшь, ничего не видать! Гудит ветер в уши, несёт мгу эту, а он кружится, мечется — и ничего не слушает меня. Бегу, глотаю туман, вязну по пояс... того гляди, думаю, из виду его упущу... вдруг — раз! сорвались куда-то, покатались, задохнулись в снегу... чую — в оврагах сидим. Помолчали, помолчали, отдышались — вдруг он и говорит: «Это что, отец? Бибиловские овраги? Ну, сиди, сиди, давай отдохнём. Вылезем — целиком назад пойдём. Теперь я всё понимаю. Ты не бойся, не бойся, — я тебя доведу». А уж голос-то дикий. Не говорит, а рубит... И вот тут-то я и понял, что пропали мы. Вылезли, опять пошли, опять ошалели... месили, месили снег ещё часа два, попали в кустарник дубовый, да как наткнулись на него, да поняли, что мы уж верстах в десяти от Огнёвки, в степи пустой, — тут он и сел вдруг: «Сверчок, прощай». — «Стой, как прощай? Очнись, Максим!..» Нет, — сел и смолк...

— Долга песня рассказывать, сударыня! — вдруг опять звонко сказал Сверчок, искажая брови. — Тут и страх весь пропал у меня. Как сел он, мне так в голову и вдарило: а-а, думаю, вон что, помирать мне теперь, видно, время нет! Руки стал у

него целовать, умолять — мол, подержись хоть немножко ещё, не сиди, не давайся сну этому смертному, пойдём целиком, обопришь на меня! Нет, — валится с ног долой, да и только! А я бы и помер от этой страсти, да уж не могу... не в состоянии... И когда уж кончился он, смолк совсем, отяжелел, оледенел, я его, мужчину такого, на закорки навалил, под ноги подхватил — и попёр целиком. Нет, думаю, стой, нет, шалишь, не отдам, — мёртвого буду сто ночей таскать! Бегу, вязну в снегу, а у самого дух от тяжести занимается, волосы дыбом от страха встают, как он своей студёной головой, — картуз-то уж давно свалился, — по плечу моему елозит, до уха касается. А всё бегу да кричу: «Нет, постой, не отдам, помирать мне теперь не время!» Думалось так, сударыня, — сказал Сверчок вдруг упавшим голосом и заплакал, вытирая рукавом глаза, выбирая на рукаве местечко менее грязное, ближе к плечу, — думалось так... принесу на село... может, оттаёт, ототру...

Долго спустя, когда Сверчок уже успокоился и стал пристально смотреть красными глазами в одну точку перед собою, когда вытерли слёзы и облегчённо вздохнули и барыня, и кухарка, Василий серьёзно сказал:

— А напрасно я тебя окоротил. Ты хорошо рассказываешь. Я и не чаял такой прыти от тебя.

— Вот то-то и оно-то, — тоже серьёзно и просто ответил Сверчок. — Тут, брат, всю ночь можно рассказывать, и то не расскажешь.

— А сколько ему было лет? — спросил Ремер, искоса поглядывая на жену, тихо улыбавшуюся после слёз, и тревожно думая о том, как бы это не повредило ей в её положении.

— Двадцать пятый-с, — ответил Сверчок.

— И больше у вас не было детей? — робко спросила барыня.

— Нет-с, не было...

— А у меня вон целых семеро, — нахмуриваясь, сказал Василий. — Изба два шага, а их куча. Тоже не велика сладсть и дети. Нам, видно, чем раньше помереть, тем выгоднее.

Сверчок подумал.

— Ну, это не нашего ума дело, — ещё проще, серьёзней и грустней ответил он и опять взялся за шило. — Не замёрзни он, меня, брат, до ста лет никакая смерть не взяла бы.

Господа переглянулись и, застёгиваясь, поднялись с мест. Но ещё долго стояли и слушали, как отвечал Сверчок на распросы кухарки о том, донёс ли он сына до села, чем кончилось дело. Сверчок отвечал, что донёс, но только не до села, а до

железной дороги, и упал, споткнувшись на рельсы. Обморозил руки, ноги и уже совсем терял сознание. Рассвело, шла метель, всё белело, а он сидел в степи и смотрел, как заносит снег его мёртвого сына, набивается в редкие усы и в белые уши. Подняли их кондуктора товарного поезда, шедшего из Балашова.

— Дивное дело, — сказала кухарка, когда он кончил, — не пойму я того, как ты сам-то в такую страсть не замёрз?

— Не до того было, матушка, — ответил Сверчок рассеянно, ища что-то на верстаке, в обрезках кожи. — Не до того.

Капри. 30.XI.1911 г.

Обдумаем прочитанное

Критик Ю. И. Айхенвальд (1872—1928) писал о рассказе Бунина «Сверчок»: «... что-то высокое и примиряющее есть в его несчастных героях. У Бунина трагедия одета в сермягу¹; оттого не сразу разглядишь её красоту, но эта красота несомненна (...) Или — этот Сверчок. Такой он некрасивый, и не умолчал автор даже про его “повисший носик, на конце которого всё держалась светлая капелька”; но рассказ Сверчка о том, как замерзал его сын (впрочем, это был, наверное, только сын его жены), — рассказ этот обнаруживает в нём светлые глубины морального героизма» («Силуэты русских писателей»).

Обратите внимание на то, что рассказ построен по принципу противопоставления (антитезы).

1. Как вы думаете, почему писатель не сразу передаёт повествованию герою, а сначала подробно рисует убогую обстановку «просторной и низкой конторы» и детально показывает внешность и поведение Сверчка? Каковы ваши первые впечатления от героя рассказа?

2. Какими средствами выражается противоречие между физической немощью Сверчка («неизвестно, в чём душа держится») и его жизнелюбием и силой воли в труднейших обстоятельствах? Откуда эта сила воли? Как она проявилась?

3. Как изменился невзрачный, косноязычный человек во время рассказа о трагической ночи, заставив женщин плакать, а Василия иначе, чем прежде, ценить его как рассказчика («Ты хорошо рассказываешь. Я и не чаял такой прыти от тебя»)? Какими деталями писатель передаёт душевные переживания Сверчка, вспоминающего страшную ночь? О каких внутренних качествах героя говорят они?

4. Рассказ Бунина заканчивается коротким диалогом кухарки и Сверчка:

«— Дивное дело <...> не пойму я того, как ты сам-то в такую страсть не замёрз?

— Не до того было, матушка, — ответил Сверчок рассеянно, ища что-то на верстаке, в обрезках кожи. — Не до того».

Что можно сказать о Сверчке на основании его ответа?

¹ *Сермяга* — кафтан из грубого некрашеного сукна.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ТВОРЧЕСТВЕ БУНИНА

Вы только знайте, что Ваши стихи, Ваша проза — для «Летописи»¹ и для меня — праздник. Это не пустое слово. Я Вас люблю — не смейтесь, пожалуйста. Я люблю читать Ваши вещи, думать и говорить о Вас. В моей очень суетной и очень тяжёлой жизни Вы, может быть, и даже наверное — самое лучшее, самое значительное <...> Вы для меня — великий поэт, первый поэт наших дней.

М. Горький — И. А. Бунину. 1916 г.

Знаете — он так стал писать прозу, что если скажут о нём: это лучший стилист современности — здесь не будет преувеличения.

М. Горький — В. И. Качалову². 1912 г.

Бунин — по времени последний из классиков русской литературы, чей опыт мы не имеем права забывать...

А. Твардовский. О Бунине.

Для меня он стоит в ряду самых больших мастеров мировой литературы. Его талант не пошёл до конца дней.

Н. Рыленков

Бунин — великодушный поэт. Во времена всяких «измов»³ он держался пушкинской ясности и продолжал классическую школу русской поэзии. На это надо было иметь мужество.

В. Боков

Я учился у Бунина языку, пристальности взгляда, терпеливому изучению явлений жизни.

Ю. Нагибин

≈ Какое из приведённых высказываний произвело на вас наибольшее впечатление? Какие стороны таланта Бунина отметили писатели, его современники?

¹ «Летопись» — журнал, основанный М. Горьким. Издавался в 1915—1917 гг.

² Качалов (наст. фамилия Швербубич) В. И. (1875—1948) — артист Московского Художественного театра.

³ Виктор Боков иронизирует над различными модными литературными течениями (ср.: акмеизм, символизм, футуризм и т. д.).

Максим
ГОРЬКИЙ
(Алексей Максимович
Пешков)
(1868—1936)

ПЕВЕЦ СВЕТА

Он был певцом света. Бесстрашное изображение мрака и мерзостей жизни, картины «дна», взбаламученного им и пробуждённого к обновлению, разоблачение низости и тлена старых человеческих муравейников делались лишь затем, чтобы повторять и повторять всё убеждённое, всё убедительнее: но я верю, верю в победу разума, ибо, смотрите, как он могуч, невзирая на тьму его врагов, смотрите, как прекрасны дети солнца, вопреки известным потугам варваров изуродовать красоту!..¹

К. А. Федин. Горький среди нас

Какая вообще задача у литературы, у искусства? Запечатлевать в красках, в словах, в звуках, в формах то, что есть в человеке наилучшего, красивого, честно-благородного. Так ведь? В частности, моя задача — пробуждать в человеке гордость самим собой, говорить ему, что он в жизни — самое лучшее, самое значительное, самое дорогое, святое, и что кроме его — нет ничего, достойного внимания.

М. Горький. — *К. П. Пятницкому*², июль 1900 г.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

На последних страницах автобиографической повести М. Горького «Детство» мы расстались с её героем, одиннадцатилетним Алёшей Пешковым, в то время, когда пошёл он «в люди».

¹ К. А. Федин иносказательно упоминает пьесы Горького «На дне», «Враги», «Дети солнца», «Варвары».

² Пятницкий К. П. (1864—1938) — редактор и издатель, сотрудничавший с М. Горьким.

В учебнике для 7-го класса вы прочитали о том, что пришлось испытать будущему писателю в последующие годы его жизни. Он был и мальчиком при магазине, и посудником на пароходе, и продавцом в иконной лавке, и работником в иконописной мастерской, и десятником на строительстве ярмарки, и статистом в ярмарочном театре.

Тяга к учению повлекла его в Казань. Там он хотел поступить в университет, но вместо этого попал в городские трущобы, жил среди «босяков», оборванцев, работал садовником, дворником, подручным пекаря и — много читал. Через некоторое время отправился в странствия по Руси, побывал на Каспии, в Моздокских степях, в Царицыне (ныне Волгограде) и через Москву, где хотел встретиться с Л. Н. Толстым (свидание не состоялось, сблизились писатели позднее, в конце 1890-х — начале 1900-х годов), возвратился в Нижний Новгород. Там опять случайные заработки, но главное — встреча с В. Г. Короленко, о чём рассказал сам Горький позднее (см. с. 4—5). К этому времени относятся первые литературные опыты будущего писателя. И — новое путешествие по стране. «Хождение моё по Руси, — замечал М. Горький, — было вызвано не стремлением ко бродяжничеству, а желанием видеть, где я живу и что за народ вокруг меня». Он шёл по Украине, Бессарабии, Крыму, Кавказу, был батраком, кашеваром, черноработчим. Поселившись в Тифлисе (ныне Тбилиси), сблизился с местной интеллигенцией. Там в 1892 году в газете «Кавказ» появился его первый рассказ «Макар Чудра».

Снова Горький возвращается в Нижний Новгород. Опять — теперь уже неоднократно — встречается с Короленко, печатается в местной газете. По совету Короленко пишет большой рассказ — «Челкаш».

В середине 1890-х годов Горький переезжает в Самару и становится профессиональным журналистом и писателем. Он создаёт рассказы о людях, которых встретил в странствиях по Руси, возвышенно-героические легенды, сказки и песни, в том числе знаменитую «Песню о Соколе» (первоначально названную «В Черноморье»).

Имя Горького приобретает всероссийскую известность. Находясь то в Петербурге, то в Москве, наезжая в другие города, он принимает активное участие в литературной и общественной жизни, в революции 1905 года. Преследуемый царским правительством, уезжает в Америку, а оттуда — в Италию, где поселяется на острове Капри. Там он пишет «Сказки об Италии», среди них ту, которую мы условно на-

звали «Заветы отца» (сам писатель названий «Сказкам...» не давал).

Дальнейшая жизнь Горького сложилась интересно и сложно. В 1913 году, в связи с трёхсотлетием царского дома Романовых, по амнистии он получил возможность вернуться в Россию. Здесь, продолжая литературную деятельность, снова с головой ушёл в общественную борьбу. После Октябрьской революции 1917 года он то спорит, то сближается с новой, советской властью.

В 1921 году по состоянию здоровья Горький вторично поселяется в Италии, где, не порывая связей с родиной, находится до 1928 года. А затем — ежегодные приезды в Россию (в весенние и летние месяцы), путешествия по стране, встречи с людьми самых разных профессий и возрастов, окончательное возвращение на родину, бурная публицистическая, издательская, редакторская деятельность, работа над художественными произведениями, руководство Союзом писателей, одним из главных организаторов которого был Горький.

М. ГОРЬКИЙ В САМАРЕ

В Самару Алексей Максимович явился с крошечной библиотечкой. Но она состояла из интересных, значительных книг.

Он с удовольствием показывал «Разговоры с Гёте» Эккермана, записавшего многие замечательные мысли великого поэта, и любил читать отрывки из этой книжки, показывал «Рассказы из времён Меролинггов» Тьерри.

Возможно, что той же романтической тягой к героическому, к приподнятым, полуреальным образам объясняется интерес молодого Горького к легендам веков, к религиозным мифам. На его столе можно было видеть библию, коран, талмуд, «Религии Востока» Масперо. Он подарил мне «Сутта-Нипата» — книгу буддийских изречений-псалмов, которые нравились ему своей восточной цветистой поэзией.

К книге Алексей Максимович относился с громадным уважением. Берег её, обращался с какой-то нежной заботливостью, при первой возможности облекая в красивый, иногда дорогой и всегда тщательно выбранный переплёт. Но вместе с тем он не был «скупым рыцарем», берегущим своё сокровище от людского глаза.

Горький любил пропагандировать книгу и охотно расставался со своей драгоценностью, чтобы поделиться ею с другими.

Неустанно учась, он словно торопился передавать свои знания далее. А знал он и тогда, в Самаре, так много, был так

хорошо, с толком и вкусом начитан, что приводил в изумление своих дипломированных знакомых.

Горький лучше многих интеллигентов, окончивших университет и уже «размагниченных» обывательщиной, знал Пушкина, Боратынского, Лермонтова, знал Байрона, Шиллера, Гёте, Шекспира, Диккенса, Мопассана, Гюго, Теккеря. <...>

Работал Алексей Максимович по преимуществу ночью. Целый день на ногах, утро в редакции, за вырезками, за сочинением фельетона, среди разговоров с товарищами и посетителями — друзьями газеты; после обеда — по городу или чтение; вечером всегда на людях: у знакомых, за стаканом чаю, беседа, споры пополам с шуткой и смехом. Казалось бы, должен устать человек — нет! всё так же спокоен, бодр, разговорчив.

Приходит домой <...> все спят, и квартирант, словно ожидавший этого, зажигает керосиновую лампочку и садится за стол; голова склоняется немного налево, волосы ползут на лицо. Бегут тихие ночные часы, и течёт непрерывающимся ручейком бисер строк, длинный чистый лист. Готов — в сторону!

А. А. Смирнов¹. М. Горький в Самаре.
(Воспоминания опубликованы впервые в 1955 г.)

М. ГОРЬКИЙ НА КАПРИ

Бесконечно много, как всегда и везде, читал на Капри М. Горький. Его кабинет быстро наполнился книгами. Неведомо в который раз на полках заняли свои места новые экземпляры любимых книг: фольклорные сборники, книги по русской истории, многотомное «Падение язычества» Гиббона... Появились в большом количестве книги на иностранных языках. Свой интерес к иностранным языкам и некоторое знание их М. Горький упорно скрывал от посторонних глаз. В это время он усиленно занимался французским языком и был в неистовом восторге от писем Флобера <...> Изумлялся ясности и простоте языка.

— Вот как надо писать, — неоднократно повторял он...

В. Десницкий.² Из моих воспоминаний об А. М. Горьком. 1937 г.

На Капри все хорошо знали Горького. Алексея Максимовича любили дети, всегда окружавшие его, с ним дружили рыбаки, с которыми он не один раз выезжал в море.

В честь нашего приезда Горький устроил грандиозную рыбную ловлю, в которой участвовало двадцать пять человек.

¹ Смирнов А. А. — сотрудник «Самарской газеты» в 1890-х годах.

² Десницкий В. А. (1878—1958) — общественный деятель, литературовед.

Ранним утром, вместе с рыбаками, мы отправились в море, наловили много рыбы и начали на берегу варить замечательную каприйскую уху, о которой так восторженно отзывался Алексей Максимович. Пока рыбаки варили уху, мы купались, а затем, выкупавшись, расположились у котла. Вдруг кто-то заметил, что к берегу быстро приближается что-то большое, вроде подводной лодки. Когда это «что-то» подплыло очень близко к берегу, рыбаки догадались, что это акула. Не опасаясь людей, она приблизилась к лодке, в которой был богатый улов рыбы. Рыбаки вместе с Горьким бросились в лодку, сделали из каната петлю и принялись избивать вёслами хищницу. Это занимательное зрелище продолжалось довольно долго, так как акула утащила лодку от берега на целый километр. <...>

Случай с акулой быстро распространился по всей Италии, в нескольких газетах даже появились сообщения о том, как была поймана акула.

*И. Бродский*¹. Мой творческий путь. 1940 г.

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Море огромное, лениво вздыхающее у берега, — уснуло и неподвижно в дали, облитой голубым сиянием луны. Мягкое и серебристое, оно слилось там с синим южным небом и крепко спит, отражая в себе прозрачную ткань перистых облаков, неподвижных и не скрывающих собою золотых узоров звёзд. Кажется, что небо всё ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чём шепчут неугомонные волны, сонно всползая на берег.

Горы, поросшие деревьями, уродливо изогнутыми норд-остом, резкими взмахами подняли свои вершины в синюю пустыню над ними, суровые контуры их округлились, одетые тёплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно задумчивы. С них на пышные зеленватые гребни волн упали чёрные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены, — все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, ещё скрытой за огромными вершинами.

— А-ала-ах-а-акбар!² — тихо вздыхает Надыр-Рагим-Оглы, старый крымский чабан³, высокий, седой, сожжённый южным солнцем, сухой и мудрый старик.

¹ Бродский И. И. (1884—1939) — художник.

² Велик Аллах!

³ Чабан — пастух.

Мы с ним лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом, — у камня печального, хмурого. На тот бок его, который обращён к морю, волны набросали тины, водорослей, и обвешанный ими камень кажется привязанным к узкой песчаной полоске, отделяющей море от гор. Пламя нашего костра освещает его со стороны, обращённой к горе, оно вздрагивает, и по старому камню, изрезанному частой сетью глубоких трещин, бегают тени.

Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда всё кажется прозрачным, одухотворённым, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать.

А море ластится к берегу, и волны звучат так ласково, точно просят пустить их погреться к костру. Иногда в общей гармонии плеска слышится более повышенная и шаловливая нота — это одна из волн, посмелее, подползла ближе к нам.

Рагим лежит грудью на песке, головой к морю, и вдумчиво смотрит в мутную даль, опершись локтями и положив голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съехала ему на затылок, с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах. Он философствует, не справляясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем:

— Верный Богу человек идёт в рай. А который не служит Богу и пророку? Может, он — вот в этой пене... И те серебряные пятна на воде, может, он же... кто знает?

Тёмное, могуче размахнувшееся море светлеет, местами на нём появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла из-за мохнатых вершин гор и теперь задумчиво льёт свой свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу, на берег и камень, у которого мы лежим.

— Рагим!.. Расскажи сказку... — прошу я старика.

— Зачем? — спрашивает Рагим, не оборачиваясь ко мне.

— Так! Я люблю твои сказки.

— Я тебе всё уже рассказал... Больше не знаю... — Это он хочет, чтобы я попросил его. Я прошу.

— Хочешь, я расскажу тебе песню? — соглашается Рагим.

Я хочу слышать старую песню, и унылым речитативом¹, стараясь сохранить своеобразную мелодию песни, он рассказывает.

¹ Речитатив — напевная речь.

«Высоко в горы вполз Уж и лёг там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито вой.

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твёрдый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице, и прошипел он ей прямо в очи:

— Что, умираешь?

— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

— Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет...»

Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повёл очами.

Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье тёмном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

А Уж подумал: «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..»

И предложил он свободной птице: «А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут и поживёшь ты ещё немного в твоей стихии».

И дрогнув Сокол и, гордо крикнув, пошёл к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошёл он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользая по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь оmyвши, одела в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным рёвом о камень бились... И трупы птицы не видно было в морском пространстве...

В ущелье лёжа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полётам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать всё это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прынул¹ в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рождённый ползать — летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убили, а рассмеялся...

— Так вот в чём прелесть полётов в небо! Она — в паденье!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоры? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам всё знаю! Я — видел небо... Взлетал в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье — землёй живу я.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

Блестело море, всё в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их львином рёве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

«Безумству храбрых поём мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истёк ты кровью... Но будет время —

¹ Прыгнуть — метнуться, прыгнуть.

и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поём мы песню!..»

...Молчит опаловая даль моря, певуче плещут волны на песок, и я молчу, глядя в даль моря. На воде всё больше серебряных пятен от лунных лучей... Наш котелок тихо закипает.

Одна из волн игриво вскатывается на берег и, вызывая шумя, ползёт к голове Рагима.

— Куда идёшь?.. Пшла! — машет на неё Рагим рукой, и она покорно скатывается обратно в море.

Мне нимало не смешна и не страшна выходка Рагима, одухотворяющего волны. Всё кругом смотрит странно живо, мягко, ласково. Море так внушительно спокойно, и чувствуется, что в свежем дыхании его на горы, ещё не остывшие от дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы. По тёмно-синему небу золотым узором звёзд написано нечто торжественное, чарующее душу, смущающее ум сладким ожиданием какого-то откровения.

Всё дремлет, но дремлет напряжённо чутко, и кажется, что вот в следующую секунду всё встрепенётся и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков. Эти звуки расскажут про тайны мира, разъяснят их уму, а потом погасят его, как призрачный огонёк, и увлекут с собой душу высоко в тёмно-синюю бездну, откуда навстречу ей трепетные узоры звёзд тоже зазвучат дивной музыкой откровения...

1895—1899

Обдумаем прочитанное

«Песня...» М. Горького прочитана. И сразу возникают вопросы: почему она открывается и завершается пейзажем, как будто не имеющим отношения к её основному содержанию? Для чего нужны фигуры рассказчика (автора) и старого чабана Рагима? Можно предположить, что с помощью пейзажного обрамления писатель хотел сначала как бы подготовить читателя к восприятию сказочного сюжета, а затем, в конце, после пережитого подъёма чувств, дать возможность ему выйти из эмоционального напряжения, отдохнуть душой, как это часто бывает в финале серьёзных музыкальных произведений. Но, может быть, значение

пейзажного обрамления в «Песне...» богаче и глубже? Обратимся к её композиции.

Первый, вступительный пейзаж. Природа одухотворена: море лениво вздыхает... крепко спит... шепчут неугомонные волны, сонно исползая на берег... горы важно задумчивы... одна волна, посмелее, подползла ближе к людям... луна задумчиво льет свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу...

Природа очеловечена, а человек жаждет слиться с природой. Мир объёмлет тишина, полная тайны. И люди — рассказчик и его старый приятель Рагим — готовы умом и сердцем проникнуть в неведомое. На душе у рассказчика чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать. Рагим, философствуя, словно разговаривая с морем, по-своему пытается сформулировать мысли о загадках жизни и смерти.

Далее следует песня Рагима о Соколе и Уже. В ней два пейзажа: картина сырого, душного, гнилого ущелья, «благословенного» приюта Ужа, и панорама широко разметнувшегося вольного моря, принявшего останки гордой птицы. В отличие от обрамления «Песни...», море здесь не спокойное, сонное, умиротворённое, а сначала бурное, затем, после гибели Сокола, — грозно режущее, сотрясающее своими ударами скалы. Но это в сказке. А в жизни?

После высочайшего взлёта поэтической интонации: «Безумству храбрых поём мы песню!..» — по контрасту следует фраза, открывающая заключительный пейзаж: «Молчит опаловая даль моря...». Тишина продолжает обнимать землю, и мотивы, звучавшие в начале «Песни...», как бы повторяются вновь. Повторяются — но не совсем. В свежем дыхании моря на горы рассказчику чудится теперь много мощной, сдержанной силы. В дремоте природы явственнее обозначается тайна. И душа человека рвётся познать неразгаданное, ожидая какого-то высокого откровения...

Так в чём же смысл такого обрамления «Песни...»? Конечно, и в том, о чём сказано в начале этой статьи: создан фон для развёртывания сказочного сюжета: одухотворённость природы во вступительном пейзаже помогает естественнее воспринять грозную песню волн в главной части произведения. Но значение обрамления и в том, что оно побуждает читателя задуматься над серьёзнейшим вопросом о сущности жизни, о предназначении человека на земле, о смерти и бессмертии, и тем связывает сказку с окружающей действительностью. Песня Рагима в какой-то мере отвечает на вопрос о смысле жизни противопоставлением Сокола и Ужа, — старый чабан недаром в начале повествования рассуждал о Боге, о рае, о праведниках и грешниках, об их судьбах.

Сокол — любимый герой устной поэзии русского и других народов. олицетворение смелости, удачи, страсти к свободе. В исторических песнях яеными соколами нередко называли вольных людей. В народной поэзии образ Сокола близок к образу Орла (вспомним калмыцкую сказку, рассказанную Пугачёвым в «Капитанской дочке»). Уж в русском фольклоре — носитель равнодушия, лени, самодовольства.

трусости, мелочности интересов. Горький рисовал героев «Песни...», следуя традициям устной народной поэзии. Для Сокола небо — символ¹ счастья, благородных порывов духа, борьбы за свободу. Уж понимает «небо» буквально — как «пустое место», как «пустыню без дна и края»: «Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу». Сокол только в полёте расправляет крылья и дышит полной грудью. Уж, даже прыгнув в воздух, через мгновение оказывается в тёплой сырости ущелья: лишь там он может жить, то есть питаться и ползать, — больше для «счастья» ему ничего не нужно.

В середине 1890-х годов XIX века, когда был написан первый вариант «Песни...», о людях, подобных Соколу, «с солнцем в крови», можно было только мечтать. Но они уже появлялись в жизни, и с каждым поворотом истории их становилось больше.

Революционеры 1890-х годов видели в горьковском Соколе черты непримиримых борцов с самодержавием. Но вместе с тем содержание образа Сокола гораздо шире. В нём воплощены и общечеловеческие качества, характерные для многих догорьковских времён и сохранившиеся и приумноженные в последующие десятилетия: сила духа, жизненная активность, готовность к самопожертвованию, свободолюбие, презрение к бескрылому существованию. Эти качества присущи не только участникам боёв, героическим защитникам Родины, но и выдающимся учёным, исследователям природы, покорителям космоса, всем, для кого труд во имя людей дороже всего на свете.

❧ Вопросы ❧

1. В «Песне о Соколе» много кратких и выразительных изречений (афоризмов). Какими афоризмами писатель характеризует Сокола, какими — Ужа? Какой афоризм, по-вашему, особенно важен для понимания поэтической идеи «Песни»? Что общего в нём с афоризмом, сочинённым героем рассказа В. Г. Короленко «Парадокс»?

2. В тексте «Песни...» нередко одни и те же слова употребляются в прямом и переносном смысле, в высоком и обыденном, бытовом значении. Например: «Высоко в горы вполз Уж и лёг там...», «Уж испугался, отполз проворно...», «Подполз он ближе к разбитой птице...» И: «Летай иль ползай, конец известен...», «Рождённый ползать — летать не может!» Где слово употребляется в прямом, где — в переносном смысле?

3. Еще пример: «Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол...» И: «Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся» (Уж). Или: «Я славно пожил! Я знаю счастье!» (Сокол). «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно» (Уж). В чём разница? Какую окраску придаёт одному и тому же слову контекст, в котором оно употреблено?

4. Уж называет мечты и желания Сокола и ему подобных бреднями, обманом, безумством и утверждает, что правду знает только он, Уж. В песне волн слышатся слова о «безумстве храбрых». Что понимает под «безумством» и «правдой» Уж и что значит «безумство храбрых», провозглашаемое в «Песне...»? Что означает «дело жизни» для Ужа и что — для Сокола?

¹ Символ (от греч. symbolon — условный знак) — художественный образ с переносным обобщающим значением.

5. Почему произведение, в котором большое место отводится Ужу, называется «Песня о Соколе»?

6. Вспомните художественные произведения, героев которых с их любовью к свободе, бесстрашием, мужеством можно сравнить с горьковским Соколом.

7. Первый вариант «Песни о Соколе» был создан в 1895 году. В 1899 году Горький переработал «Песню...». Сравните два варианта. Как Горький исправил текст? Чем вы объясните эти исправления?

Вариант 1895 года

Блестело море, всё в южном солнце, и с шумом волны о берег бились. В их тихом шуме звучала песня о смелой птице, любившей небо. О, смелый сокол! Ты, живший в небе, бескрайнем небе, любимец солнца! О, смелый сокол, нашедший в море, безмерном море, себе могилу! Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь кудаться в небо, свободном небе, где нет помехи размаху крыльев свободной птицы, летящей кверху!..

Вариант 1899 года

Блестело море, всё в ярком свете, и грозно волны о берег бились. В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни: «Безумству храбрых поём мы славу! Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О, смелый Сокол! В бою с врагами истёк ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света! Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету! Безумству храбрых поём мы песню!..»

8. В ответ на просьбу собеседника рассказать сказку Рагим обещает «рассказать песню». Почему свою сказку Рагим называет песней? Как следует читать «Песню...»? Приготовьтесь к её выразительному чтению в классе. Выучите отрывок из «Песни о Соколе» наизусть.

ЗАВЕТЫ ОЦА

Звонят цикады.

Словно тысячи металлических струн протянуты в густой листве олив, ветер колеблет жёсткие листья, они касаются струн, и эти лёгкие непрерывные прикосновения наполняют воздух жарким, опьяняющим звуком. Это — ещё не музыка, но кажется, что невидимые руки настраивают сотни невиди-

мых арф, и всё время напряжённо ждёшь, что вот наступит момент молчания, а потом мощно грянет струнный гимн солнцу, небу и морю.

Дует ветер, деревья качаются и точно идут с горы к морю, встряхивая вершинами. О прибрежные камни равномерно и глухо бьёт волна; море — всё в живых белых пятнах, словно бесчисленные стаи птиц опустились на его синюю равнину, все они плывут в одном направлении, исчезают, ныряя в глубину, снова являются и звенят чуть слышно. И, словно увлекая их за собою, на горизонте качаются, высоко подняв трехъярусные паруса, два судна, тоже подобные серым птицам; всё это — напоминая давний, полузабытый сон — не похоже на жизнь.

— К ночи разыграется крепкий ветер! — говорит старый рыбак, сидя в тени камней, на маленьком пляже, усеянном звонкой галькой.

Прибой набросал на камни волокна пахучей морской травы — рыжей, золотистой и зелёной; трава вянет на солнце и горячих камнях, солёный воздух насыщен терпким запахом йода. На пляж одна за другой вбегают кудрявые волны.

Старый рыбак похож на птицу — маленькое стиснутое лицо, горбатый нос и невидимые в тёмных складках кожи, круглые, должно быть, очень зоркие глаза. Пальцы рук крючковаты, малоподвижны и сухи.

— Полсотни лет тому назад, синьор, — говорит старик, в тон шороху волн и звону цикад, — был однажды вот такой же весёлый и звучный день, когда всё смеётся и поёт. Моему отцу было сорок, мне — шестнадцать, и я был влюблён, это — неизбежно в шестнадцать лет и при хорошем солнце.

— «Поедем, Гвидо, за пеццони», — сказал отец. — Пеццони, синьор, очень тонкая и вкусная рыба с розовыми плавниками, её называют также коралловой рыбой, потому что она водится там, где есть кораллы, очень глубоко. Её ловят, стоя на якоре, крючком с тяжёлым грузилом. Красивая рыба.

— И мы поехали, ничего не ожидая, кроме хорошей удачи. Мой отец был сильный человек, опытный рыбак, но незадолго перед этим он хворал — болела грудь, и пальцы рук у него были испорчены ревматизмом — болезнь рыбаков.

— Это очень хитрый и злой ветер, вот этот, который так ласково дует на нас с берега, точно тихонько толкая в море, — там он подходит к вам незаметно и вдруг бросается на вас, точно вы оскорбили его. Барка тогчас сорвана и легит по ветру, иногда вверх килям, а вы — в воде. Это случается в одну минуту, вы не успеете выругаться или помянуть имя Божие,

как вас уже кружит, гонит в даль. Разбойник честнее этого ветра. Впрочем — люди всегда честнее стихии.

— Да, так вот этот ветер и ударил нас в четырёх километрах от берега — совсем близко, как видите, ударил неожиданно, как трус и подлец.

— «Гвидо! — сказал родитель, хватая вёсла изуродованными руками. — Держись, Гвидо! Живо — якорь!»

— Но пока я выбирал якорь, отец получил удар веслом в грудь — вырвало вёсла из рук у него — он свалился на дно без памяти. Мне некогда было помочь ему, каждую секунду нас могло опрокинуть. Сначала — всё делается быстро: когда я сел на вёсла — мы уже неслись куда-то, окружённые водной пылью, ветер срывал верхушки волн и кропил нас, точно священник, только с лучшим усердием и совсем не для того, чтобы смыть наши грехи.

— «Это серьёзно, сын мой! — сказал отец, придя в себя и взглянув в сторону берега. — Это — надолго, дорогой мой».

— Если молод — не легко веришь в опасность, я пытался грести, делал всё, что надо делать в воде в опасную минуту, когда этот ветер — дыхание злых дьяволов — любезно роет вам тысячи могил и бесплатно поёт реквием.

— «Сиди смирно, Гвидо, — сказал отец, усмехаясь и стряхивая воду с головы. — Какая польза ковырять море спичками? Береги силу, иначе тебя напрасно станут ждать дома».

— Бросают зелёные волны нашу маленькую лодку, как дети мяч, заглядывают к нам через борта, поднимаются над головами, ревут, трясут, мы падаем в глубокие ямы, поднимаемся на белые хребты — а берег убегает от нас всё дальше и тоже пляшет, как наша барка. Тогда отец говорит мне:

— «Ты, может быть, вернёшься на землю, я — нет! Послушай, что я буду говорить тебе о рыбе и работе...»

— И он стал рассказывать мне всё, что знал о привычках тех и других рыб, — где, когда и как успешнее ловить их.

— «Может быть, нам лучше помолиться, отец?» — предложил я, когда понял, что дела наши плохи: мы были точно пара кроликов в стае белых псов, отовсюду скаливших зубы на нас.

— «Бог видит всё! — сказал он. — Ему известно, что вот люди, созданные для земли, погибают в море и что один из них, не надеясь на спасение, должен передать сыну то, что он знает. Работа нужна земле и людям — Бог понимает это...»

— И, рассказав мне всё, что знал о работе, отец стал говорить о том, как надо жить с людьми.

— «Время ли теперь учить меня? — сказал я. — На земле ты не делал этого!»

— «На земле я не чувствовал смерть так близко».

— Ветер выл, как зверь, и плескали волны — отцу приходилось кричать, чтобы я слышал, и он кричал:

— «Всегда держись так, как будто никого нет лучше тебя и нет никого хуже, — это будет верно! Дворянин и рыбак, священник и солдат — одно тело, и ты такой же необходимый член его, как все другие. Никогда не подходи к человеку, думая, что в нём больше дурного, чем хорошего, — думай, что хорошего больше в нём, — так это и будет! Люди дают то, что спрашивают у них».

— Это, конечно, было сказано не сразу, а так, знаете, точно команда: нас бросало с волны на волну, и то снизу, то сверху, сквозь брызги воды я слышал эти слова. Много уносил ветер раньше, чем оно доходило до меня, много я не мог понять — время ли учиться, синьор, когда каждая минута грозит смертью! Мне было страшно, я первый раз видел море таким бешеным и чувствовал себя столь бессильным в нём. И я не могу сказать — тогда или после, вспоминая об этих часах, я испытал чувство, которое и по сей день живо в памяти моего сердца.

— Как теперь вижу родителя: он сидит на дне барки, раскинув больные руки, вцепившись в борта пальцами, шляпу смыло с него, волны кидаются на голову и на плечи ему то справа, то слева, бьют сзади и спереди, он встряхивает головою, фыркает и время от времени кричит мне. Мокрый он стал маленьким, а глаза у него огромные от страха, а может быть, от боли. Я думаю — от боли.

— «Слушай! — кричал мне. — Эй — слышишь?»

— Иногда я отвечал ему:

— «Слышу!»

— «Помни — всё хорошее от человека».

— «Ладно!» — отвечаю я.

— Никогда он не говорил так со мною на земле. Был весёлый, добрый, но мне казалось, что он смотрит на меня насмешливо и недоверчиво, что я для него ещё ребёнок. Иногда это обижало меня — юность самолюбива.

— Его крики укрощали мой страх, должно быть, поэтому я так хорошо помню всё.

Старик рыбак помолчал, поглядел в белое море, улыбнулся и сказал, подмигнув:

— Приглядевшись к людям, я знаю, синьор, помнить — это всё равно, что понимать, а чем больше понимаешь, тем более видишь хорошего, — уж это так, поверьте!

— Да, так вот — помню я его милое мне мокрое лицо и огромные глаза — смотрели они на меня серьёзно, с любовью, и так, что я знал тогда — мне суждено погибнуть не в этот день. Боялся, но знал, что не погибну.

— Нас, конечно, опрокинуло. Вот — мы оба в кипящей воде, в пене, которая ослепляет нас, волны бросают наши тела,

бьют их о киль барки. Мы ещё раньше привязали к банкам всё, что можно было привязать, у нас в руках верёвки, мы не оторвёмся от нашей барки, пока есть сила, но — держаться на воде трудно. Несколько раз он или я были взброшены на киль и тотчас смыты с него. Самое главное тут в том, что кружится голова, гложешь и слепнешь — глаза и уши залиты водой, и очень много глотаешь её.

— Это тянулось долго — часов семь, потом ветер сразу переменялся, густо хлынул к берегу, и нас понесло к земле. Тут я обрадовался, закричал:

— «Держись!»

— Отец тоже кричал что-то, я понял одно слово:

— «Разобьёт...»

— Он думал о камнях, они были ещё далеко, я не поверил ему. Но он лучше меня знал дело, — мы неслись среди гор воды, присосавшись, точно улитки, к нашей кормилице, порядочно избитые об неё, уже обессиленные и онемевшие. Это длилось долго, но когда стали видны тёмные горы берега — всё пошло с невыразимой быстротой. Качаясь, они подвигались к нам, наклонялись над водой, готовые опрокинуться на головы наши, — раз, раз — подкидывают белые волны наши тела, хрустит наша барка, точно орех под каблуком сапога, я оторван от неё, вижу изломанные чёрные рёбра скал, острые, как ножи, вижу голову отца высоко надо мною, потом — над этими когтями дьяволов. Его поймали часа через два, с переломанной спиною и разбитым до мозга черепом. Рана на голове была огромная, часть мозга вымыло из неё, но я помню серые, с красными жилками, кусочки в ране, точно мрамор или пена с кровью. Изуродован был он ужасно, весь сломан, но лицо — чисто, спокойно, и глаза хорошо, плотно закрыты.

— Я? Да, я тоже был порядочно измят, на берег меня втащили без памяти. Нас принесло к материк, за Амальфи — чужое место, но, конечно, свои люди — тоже рыбаки, такие случаи их не удивляют, но делают добрыми: люди, которые ведут опасную жизнь, всегда добры!

— Я думаю, что не сумел рассказать про отца так, как чувствую, и то, что пятьдесят один год держу в сердце, — это требует особенных слов, даже, может быть, песни, но — мы люди простые, как рыбы, и не умеем говорить так красиво, как хотелось бы! Чувствуешь и знаешь всегда больше, чем можешь сказать.

— Тут всё дело в том, что он, мой отец, в час смерти, зная, что ему не избежать её, не испугался, не забыл обо мне, своём

сыне, и нашёл силу и время передать мне всё, что он считал важным. Шестьдесят семь лет прожил я и могу сказать, что всё, что он внушил мне, — верно!

Старик снял свой вязанный колпак, когда-то красный, теперь бурый, достал из него трубку и, наклонив голый, бронзовый череп, сильно сказал:

— Всё верно, дорогой синьор! Люди таковы, какими вы хотите видеть их, смотрите на них добрыми глазами, и вам будет хорошо, им — тоже, от этого они станут ещё лучше, вы — тоже! Это — просто!

Ветер становился всё крепче, волны выше, острее и белей; выросли птицы на море, они всё торопливее плывут в даль, а два корабля с трехъярусными парусами уже исчезли за синей полосой горизонта.

Крутые берега острова в пене волн, буяня, плещет синяя вода, и неутомимо, страстно звенят цикады.

1912

Обдумаем прочитанное

1. Обдумайте и выпишите заветы старого рыбака сыну. Как жизнь рыбака-сына подтвердила правоту этих заветов?

2. Сравните сказку Горького с рассказом Бунина «Сверчок» (как вы знаете, оба произведения написаны почти одновременно на острове Капри). Что их сближает, что отличает друг от друга?

О СКАЗКАХ М. ГОРЬКОГО

Сказка «Заветы отца» входит в число 27 сказок об Италии, написанных и опубликованных Горьким в 1906—1913 годах. Сборник их сопровождается эпиграфом, перефразирующим слова Андерсена: «Нет сказок лучше тех, которые создаёт сама жизнь».

Позднее, разъясняя смысл этих своих произведений, в анонимной (без указания имени автора) рецензии сам Горький писал:

«В сущности своей — это не «сказки», то есть не игра фантазии человека <...>, который, утешая сам себя и ближних силой своего воображения, создаёт другую жизнь, более яркую, праздничную, более милую и ласковую или даже хотя бы и более страшную. <...> «Сказки» М. Горького — это картинки действительной жизни, как она показалась ему в Италии; он назвал эти картинки сказками только потому, что и природа Италии, и нравы её людей, и вся жизнь их — мало похожи

на русскую жизнь и русскому простому человеку действительно могут показаться сказками. Возможно, что автор несколько прикрасил итальянцев, но — природа их страны так хороша, что и люди её невольно кажутся, может быть, лучше, чем они есть на самом деле. Но и вообще — немножко прикрасить человека — не велик грех; людям слишком часто и назойливо говорят, что они плохи, почти совершенно забывая, что они, — при желании своём, — могут быть и лучше. <...>

Мы любовно ухаживаем за цветами, мы пламенно любим множество других прекрасных бесполезностей, таких же, как цветы, а вот за душой человека, за сердцем его, — не умеем так ласково ухаживать, как следовало бы.

Надо поучиться этому, — ведь человек, несмотря на всю его неприглядность, — всё-таки самое великое на земле.

Если люди знают, что они плохи, — это верный залог, что они станут лучше.

Хула на человека — нужна, но похвала ему того более необходима и, вероятно, полезнее хулы».

1919

~ Как вы понимаете эпиграф к «Сказкам»?

М. ГОРЬКИЙ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

...А Марка — уж нету...

Но всё же

От Марка хоть песня осталась.

А вы на земле проживёте,

Как черви слепые живут:

Ни сказок о вас не расскажут,

Ни песен про вас не споют!

Из легенды о Марко¹, 1892, 1902 гг.

Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую...

Из рассказа «Часы», 1896 г.

Это, брат... хорошо, не найти покоя, потому что те люди, которые находят в жизни покой, — при жизни становятся покойниками, скучнейший народ.

Из письма сыну Максиму, 1911 г.

¹ Герой легенды, юноша Марко, полюбил фею и, не найдя её однажды на берегу, бросился в поисках её в волны Дуная.

~ Вспомнив прочитанные произведения Горького, покажите, что идея человеческой активности была действительно одной из основных идей писателя.

~ Приглашаем в библиотеку ~

Постарайтесь прочитать: рассказ Горького «Дед Архип и Лёнька», «Сказки об Италии» — IV (Симплонский туннель), VII (Свадьба), IX (Мать), XXVI (Пепе) и другие (названия сказкам даны условные). Подумайте над вопросом: «Сказки» Горького посвящены итальянцам. Чем же они интересны русскому читателю?

ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

XX век — одна из сложнейших эпох русской истории. В течение этого столетия наша страна пережила четыре войны, три революции, перемены в общественно-государственном строе. Но во всех испытаниях мирового масштаба русская литература оставалась верна своему предназначению.

Из её богатого арсенала XX века мы отобрали для учебника только несколько рассказов и стихотворных произведений. Но все они принадлежат выдающимся писателям и, по-разному отражая своё время, с особой силой призывают любить нашу родину, её людей, её природу, постоянно чувствовать ответственность за свой жизненный путь, за всё, что совершается вокруг (как это было присуще лучшим людям старших поколений).

Известные по сюжету, оригинальные по построению, богатые по языку, эти произведения, надеемся, вызовут у вас интерес и приумножат читательский опыт.

Николай
Алексеевич
ЗАБОЛОЦКИЙ

(1903—1958)

ПОЭТ «ВЕЛИКОГО ЧУДА ЗЕМЛИ»

Сын участкового агронома, Н. А. Заболоцкий окончил три класса школы в одном из сёл Вятской губернии. Здесь отложились в его сознании первоначальные впечатления от русской природы, здесь он пристрастился к чтению (шкаф, наполненный книгами, старательно переплетёнными отцом, стал, как впоследствии вспоминал поэт, его любимым наставником и воспитателем), здесь — ещё мальчиком — он начал писать стихи. Затем — Уржумское реальное училище, Московский университет, где Заболоцкий поступил одновременно на филологический и медицинский факультеты, переход в Ленинградский педагогический институт, военная служба, сотрудничество в детских журналах. С 1938 по 1947 год, почти долгих десять лет, — ссылка по ложному политическому обвинению, полугодовое существование и только в послевоенные годы возвращение в литературу. Годы испытаний не сломили поэта. В письме жене он замечал: «Ты пишешь: «Жизнь прошла мимо». Нет, это неверно... Для всего народа эти годы были очень тяжёлыми, и я понял в жизни такое, о чём не думал прежде. Я стал спокойнее, и я люблю эту жизнь со всеми её радостями и всеми страданиями, которые выпали на нашу долю...»

Одним из любимых поэтов Заболоцкого был Тютчев. И это не случайно. Оба поэта от наблюдений над жизнью поднимались к раздумьям над нею, к большим обобщениям. Произведения Заболоцкого проникнуты мыслью о единстве всего мироздания: человек и природа едины, постоянство взаимодействуют друг с другом.

«Я, поэт, — писал Заболоцкий, — живу в мире очаровательных тайн. Они окружают меня всюду. Растения во всём их

многообразии — эта трава, эти цветы, эти деревья — могущественное царство первобытной жизни, основа всего живущего, мои братья, питающие меня и плотью своей, и воздухом, — все они живут рядом со мной. <...>

Путешествуя в мире очаровательных тайн, истинный художник снимает с вещей и явлений плёнку повседневности и говорит своему читателю:

— То, что ты привык видеть ежедневно, то, по чему ты скользишь равнодушным и привычным взором, — на самом деле не обычно, не буднично, но полно неизъяснимой прелести, большого внутреннего содержания, и в этом смысле — таинственно. Вот я снимаю плёнку с твоих глаз: смотри на мир, работай в нём и радуйся, что ты — человек!»

Заболоцкий блистательно переложил на современный русский язык древнерусскую поэму «Слово о полку Игореве», перевёл многие произведения грузинских поэтов.

* * *

Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховый,
Подорожника твёрдый клинок.
Чем обычней простое растение,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появление
На рассвете весеннего дня.
В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поёт,
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.
Жизнь потоком светящейся пыли
Всё текла бы, текла сквозь листья,
И туманные звёзды светили,
Заливая лучами кусты.
И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Всё лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.

1953

~ Перечитайте в конце вступительной статьи о Заболоцком его обращение к читателю. В стихотворении «Я воспитан природой суровой...» обратите внимание на неожиданные эпитеты и метафоры («Одуванчика шарик пухо-

вый, / Подорожника твёрдый клинок»). Найдите ещё подобные примеры и покажите их особую выразительность, позволяющую читателю по-новому взглянуть на мир.

ЖУРАВЛИ

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.

Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вёл вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Чёрное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданью горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе, —
Всё, что от былого поколенья
Переходит, молодость, к тебе.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

1948

☞ Стихотворение «Журавли» заключает в себе прямой и переносный смысл. В чём вы видите прямой смысл стихотворения? А что касается переносного, то он связан с трагедиями жизни и бессмертием высокого человеческого духа, с наследованием лучших человеческих качеств каждым приходящим на землю поколением. Случилось несчастье: убит вожак «немногочисленного народа». Но природа, таящая в себе жизнь и смерть, «искупает собственное зло». Покажите, как. Какие слова свидетельствуют о том, что в стихотворении речь идёт не только и не столько о журавлях, сколько о людях?

ОДИНОКИЙ ДУБ

Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепя
В его ветвях. Какие-то отрешья
Торчат на нём и глухо шелестят.
Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоёт он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.
Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он в поле воин, даже и один.

1957

☞ Раскройте метафорический смысл стихотворения. Приготовьтесь читать стихотворение, соблюдая переносы.

ПТИЧИЙ ДВОР

Скачет, свищет и бормочет
Многоликий птичий двор.
То могучий грянет кочет,
То индеек взвизгнет хор.
В бесшабашном этом гаме,
В писке маленьких цыплят
Гуси толстыми ногами
Землю важно шевелят.
И шатаясь с боку на бок,
Через двор наискосок,
Перепонки красных лапок
Ставят утки на песок.
Будь бы я такая птица,
Весь пылая, весь дрожа,
Поспешил бы в небо взвиться,

66

Ускользнув из-под ножа!
А они, не веря в чудо,
Вечной заняты едой,
Ждут, безумные, покуда
Распростятся с головой.
Вечный гам и вечный топот,
Вечно глупый, важный вид.
Им, как видно, жизни опыт
Ни о чём не говорит.
Их сердца послушно бьются
По желанию людей,
И в душе не отдаются
Крики вольных лебедей.

1957

☞ Стихотворение «Птичий двор» — юмористическое произведение. Над какими человеческими качествами иронизирует поэт?

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!
Гони её от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!
Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в чёрном теле
И не снимай с неё узды!
Коль дать ей вздумашь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвёт.
А ты хватай её за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.
Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

1958

67

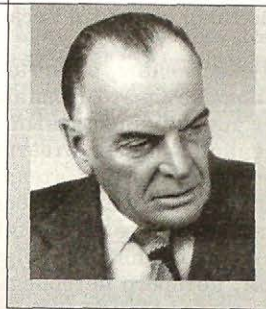
~ Это — одно из последних произведений Заболоцкого, своеобразное завещание поэта. Как вы понимаете метафору «труд души»? С помощью каких поэтических приёмов Заболоцкий делает наглядной свою мысль?

Обдумаем прочитанное

Заболоцкий писал: «Смысл слова — ещё не всё слово. Слово имеет звучание. Звучание каждого отдельно взятого слова не имеет художественного значения. Художественное значение возникает <...> лишь в сочетаниях слов. Сочетания, трудно произносимые, где слова трутся друг о друга, мешают друг другу, толкаются и наступают на ноги, малопригодны для поэзии. Слова должны обнимать и ласкать друг друга, образовывать живые гирлянды и хороводы, они должны петь, трубить и плакать, они должны переключаться друг с другом, словно влюблённые в лесу, подмигивать друг другу, назначать свидания и дуэли. Обычно у поэта они получают сами собою, и часто поэт начинает замечать их лишь после того, как стихотворение написано».

Прочтите понравившиеся вам строфы или целое стихотворение Заболоцкого, передавая в звучании их музыкальность. Приведите примеры звукописи (повторения одинаковых гласных или согласных), например, в стихотворении «Птичий двор». Что, по-вашему, даёт такая звукопись?

Выучите наизусть полюбившееся стихотворение Заболоцкого.

Константин Георгиевич ПАУСТОВСКИЙ

(1892—1968)

МАСТЕР СЛОВА

На книгах Паустовского воспитывалось не одно поколение. Я помню, с какой жадностью мы зачитывались в школьные годы ставшими потом знаменитыми «Колхидой», «Кара-Бугазом», «Чёрным морем», они переходили из парты в парту, из портфеля в портфель, из дома в дом, закапанные чернилами, с потёртыми обложками, с захватанными корешками. Я только теперь понимаю, что донельзя потрёпанные, с заклеенными страницами книги — самая большая награда для скромного писателя.

Мы часто говорим, горько сетуем, что многие наши книги не трогают и не греют. Я знаю иное. Я знаю молодых людей, которые захотели стать и стали моряками после того, как влюбились в «Чёрное море» Паустовского, — не это ли самое сильное влияние слова? Я знаю и никогда не забуду своего друга детства, который в сорок первом ушёл в ополчение со страстной мечтой о море, привитой книгами Паустовского, и погиб под Москвой, сжимая жёсткую деревянную ложку винтовки и видя не Чёрное море, а чёрные тела танков, ползущих сквозь чёрный, обугленный лес перед траншеями...

Я могу закрыть глаза и по ощущениям Паустовского вспомнить, как покойно на рассвете море и как горяча галька, прожжённая солнцем, как теплы в полдень стены домов в Новороссийске и Одессе, как догорает закат в пролёте сосен, как ложится первый снег на просёлочные дороги и подымается едкий туман над влажной малярийной Колхидой, как скрипят половицы в старом, разохшемся доме, наполненном бледно-снежным светом российской вьюги, как вечером пахнет мокрыми заборами в маленьком приокском городке, как ровно шумит дождь по крыше, как в осенние ночи остро

блестит, переливается созвездие Орион над тёмными лесами, отражаясь в воде...

Герои его всегда соучастливы, мужественны, скромны и лиричны. Добр и пейзаж — пусть не покажется это странным. Неразделимо и герои и пейзаж несут тот эмоциональный заряд человеколюбия, который неизменно вызывает ответную эмоциональную волну. И это — качество тонкого писателя...

Паустовский-писатель и Паустовский-человек слиты воедино. Он открыт и щедр как человек. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что встречи с Паустовским на семинарах в Литературном институте были праздником, которого нетерпеливо ждут, и возбуждающим импульсом¹, необходимым каждому писателю. Его общение со студентами высекало искру — хотелось писать лучше, глубже и любить жизнь и литературу так же, как и он...

Книги Паустовского свежи, солнечны, в них сжата пружина молодой энергии, они искрятся, они волнуют, в них нет усталости, в них по-прежнему юный солёный запах моря, блеск жаркого южного полдня.

*Ю. Бондарев*². Мастер

ПАУСТОВСКИЙ В ЖИЗНИ

Перечитывая книги Паустовского, вспоминая разговоры с ним, я теперь думаю, что страсть к литературному труду всю жизнь боролась в нём со страстью к путешествиям.

Вот некоторые выписки из одной только его книги «Золотая роза».

«Ещё в детстве у меня появилось пристрастие к географическим картам. Я мог сидеть над ними по несколько часов как над увлекательной книгой. Я изучал течения невидимых рек, прихотливые морские побережья, проникал в глубину тайги, где маленькими кружочками были отмечены безыменные фактории, повторял, как стихи, звучные названия — Югорский шар и Гебриды, Гвадаррама и Инвернесс, Онега и Кордильеры.

Постепенно все эти места оживали в моём воображении с такой ясностью, что, кажется, я мог бы написать (и писал очень много. — Ю. К.) вымышленные путевые дневники по разным материкам и странам». <...>

¹ Импульс — внутреннее побуждение, толчок к чему-нибудь.

² Бондарев Ю. В. (род. в 1924) — современный русский писатель.

Сознание, что он едет куда-то, всегда потрясало Паустовского. У него есть очерк, который он назвал «Ветер странствий». Без этого ветра ему трудно было бы жить и писать. Почти все счастливые минуты в его жизни связаны с путешествиями. Когда он ехал, он думал о той минуте, когда наконец сядет за стол, чтобы написать обо всём, что увидел и о чём думал в дороге. Когда он работал, сидя где-нибудь в деревне или на заброшенной даче, новая дорога уже звала его и не давала покоя. <...>

Он был смугл, с хорошим лбом с залысинами, уши у него были большие, щёки втянуты от болезни, и от этого отчётливей и твёрже скулы, тоньше и больше казался горбатый нос и резче морщины, рассекавшие лицо от крыльев носа.

Происходил он с одной стороны от бабки-турчанки, была в нём польская кровь, была и запорожская. О предках говорил он, всегда посмеиваясь, покашливая, но было видно — чувствовать себя сыном Востока и запорожской вольницы ему приятно, не однажды возвращался он к этой теме.

Сидел он чаще всего сутулясь, и от этого казался ещё меньше и суше, смуглые руки держал всегда на столе, всё что-нибудь трогал, вертел во время разговора, смотрел на стол или в окно. Иногда вдруг поднимет взгляд, сразу захватит тебя целиком своими тёмными глазами и тотчас отвернётся.

Смеялся он прелестно, застенчиво, глуховато, возле глаз сразу собирались веера морщинок — это были именно морщинки смеха, глаза блестели, вообще всё лицо преображалось — на минуту уходило из него усталость и боль. <...>

<...> Паустовский-человек удивительно соответствовал Паустовскому-писателю. Бывают, и не так уж редко, прекрасные писатели и плохие люди... Паустовский же был хороший человек, с ним было хорошо. Он почти не говорил о своих болезнях, а жизнь его, прямо сказать, была мучительной в старости. Большой силой духа надо обладать, чтобы месяцами, а если всё сложить, то и годами лежать в больницах и не потерять себя как человека, человеческое в себе не растратить.

Ю. Казаков. Поедмте в Лопшеньгу

Возвращаясь к прочитанному

Возвратитесь к первым страницам учебника (к рассказу Паустовского «Колотый сахар»). Какие черты личности писателя, о которых говорит Ю. Казаков в своих воспоминаниях, отразились в этом рассказе?

ТЕЛЕГРАММА

Октябрь был на редкость холодный, ненастный. Тесовые крыши почернели.

Спутанная трава в саду полегла, и всё доцветал и никак не мог доцвести и осыпаться один только маленький подсолнечник у забора.

Над лугами тащились из-за реки, цеплялись за облетевшие ветлы рыхлые тучи. Из них назойливо сыпался дождь.

По дорогам уже нельзя было ни пройти, ни проехать, и пастухи перестали гонять в луга стадо.

Пастуший рожок затих до весны. Катерине Петровне стало ещё труднее вставать по утрам и видеть всё то же: комнаты, где застоялся горький запах нетопленных печей, пыльный «Вестник Европы»¹, пожелтевшие чашки на столе, давно нечищенный самовар и картины на стенах. Может быть, в комнатах было слишком сумрачно, а в глазах Катерины Петровны уже появилась тёмная вода², или, может быть, картины потускнели от времени, но на них ничего нельзя было разобрать. Катерина Петровна только по памяти знала, что вот эта — портрет её отца, а вот эта — маленькая, в золотой раме, — подарок Крамского³, эскиз к его «Неизвестной».

Катерина Петровна доживала свой век в старом доме, построенном её отцом — известным художником.

В старости художник вернулся из Петербурга в своё родное село, жил на покое и занимался садом. Писать он уже не мог: дрожала рука, да и зрение ослабло, часто болели глаза.

Дом был, как говорила Катерина Петровна, «мемориальный». Он находился под охраной областного музея. Но что будет с этим домом, когда умрёт она, последняя его обитательница, Катерина Петровна не знала.

А в селе — называлось оно Заборье — не было никого, с кем бы можно было поговорить о картинах, о петербургской жизни, о том лете, когда Катерина Петровна жила с отцом в Париже и видела похороны Виктора Гюго.

Не расскажешь же об этом Манюшке, дочери соседа, колхозного сапожника, — девчонке, прибегавшей каждый день, чтобы принести воды из колодца, подмести полы, поставить самовар.

Катерина Петровна дарила Манюшке за услуги сморщенные перчатки, страусовые перья, стеклярусную¹ чёрную шляпу.

— На что это мне? — хрипло спрашивала Манюшка и шмыгала носом. — Тряпичница я, что ли?

— А ты продай, милая, — шептала Катерина Петровна. Вот уже год, как она ослабела и не могла говорить громко. — Ты продай.

— Сдам в утиль, — решала Манюшка, забирала всё и уходила.

Изредка заходил сторож при пожарном сарае — Тихон, тощий, рыжий. Он ещё помнил, как отец Катерины Петровны приезжал из Петербурга, строил дом, заводил усадьбу.

Тихон был тогда мальчишкой, но почтение к старому художнику сберёг на всю жизнь. Глядя на его картины, он громко вздыхал:

— Работа натуральная!

Тихон хлопотал часто без толку, от жалости, но всё же помогал по хозяйству: рубил в саду засохшие деревья, пилил их, колот на дрова. И каждый раз, уходя, останавливался в дверях и спрашивал:

— Не слышно, Катерина Петровна, Настя пишет чего или нет?

Катерина Петровна молчала, сидя на диване, — сгорбленная, маленькая, — и всё перебирала какие-то бумажки в рыжем кожаном ридикюле. Тихон долго сморкался, топтался у порога.

— Ну, что ж, — говорил он, не дождавшись ответа. — Я, пожалуй, пойду, Катерина Петровна.

— Иди, Тиша, — шептала Катерина Петровна. — Иди, Бог с тобой!

Он выходил, осторожно прикрыв дверь, а Катерина Петровна начинала тихонько плакать. Ветер свистел за окнами в голых ветвях, сбивал последние листья. Керосиновый ночник вздрагивал на столе. Он был, казалось, единственным живым существом в покинутом доме, — без этого слабого огня Катерина Петровна и не знала бы, как дожить до утра.

Ночи были уже долгие, тяжёлые, как бессонница. Рассвет всё больше медлил, всё запаздывал и нехотя сочился в немые окна, где между рам ещё с прошлого года лежали поверх ваты когда-то жёлтые осенние, а теперь истлевшие и чёрные листья.

¹ *Стеклярус* — маленькие стеклянные трубочки, нанизываемые на нитку. Служат для украшения.

¹ «Вестник Европы» — журнал, выходивший в 1866—1918 гг.

² *Тёмная вода* (разговорн.) — слепота.

³ Крамской И. Н. (1837—1887) — русский художник. В своих картинах и портретах глубоко раскрывал психологию человека.

Настя, дочь Катерины Петровны и единственный родной человек, жила далеко, в Ленинграде. Последний раз она приезжала три года назад.

Катерина Петровна знала, что Насте теперь не до неё, старухи. У них, у молодых, свои дела, свои непонятные интересы, своё счастье. Лучше не мешать. Поэтому Катерина Петровна очень редко писала Насте, но думала о ней все дни, сидя на краешке продавленного дивана так тихо, что мышь, обманутая тишиной, выбегала из-за печки, становилась на задние лапки и долго, поводя носом, нюхала застоявшийся воздух.

Писем от Насти тоже не было, но раз в два-три месяца ве­сёлый молодой почтарь Василий приносил Катерине Петровне перевод на двести рублей. Он осторожно придерживал Катерину Петровну за руку, когда она расписывалась, чтобы не расписалась там, где не надо.

Василий уходил, а Катерина Петровна сидела, растерянная, с деньгами в руках. Потом она надевала очки и перечитывала несколько слов на почтовом переводе. Слова были всё одни и те же: столько дел, что нет времени не то что приехать, а даже написать настоящее письмо.

Катерина Петровна осторожно перебирала пухлые бумажки. От старости она забывала, что деньги эти вовсе не те, какие были в руках у Насти, и ей казалось, что от денег пахнет Настиными духами.

Как-то, в конце октября, ночью, кто-то долго стучал в заколоченную уже несколько лет калитку в глубине сада.

Катерина Петровна забеспокоилась, долго обвязывала гол­лову тёплым платком, надела старый салоп¹, впервые за этот год вышла из дому. Шла она медленно, оцупью. От холодного воздуха разболелась голова. Позабытые звёзды пронзительно смотрели на землю. Палые листья мешали идти.

Около калитки Катерина Петровна тихо спросила:

— Кто стучит?

Но за забором никто не ответил.

— Должно быть, почудилось, — сказала Катерина Петровна и побрела назад.

Она захохоталась, остановилась у старого дерева, взялась рукой за холодную, мокрую ветку и узнала: это был клён. Его она посадила давно, ещё девушкой-хохотушкой, а сейчас он стоял облетевший, озябший, ему некуда было уйти от этой бесприютной, ветреной ночи.

¹ Салоп (устар.) — широкое женское пальто.

Катерина Петровна пожалела клён, потрогала шершавый ствол, побрела в дом и в ту же ночь написала Насте письмо.

«Ненаглядная моя, — писала Катерина Петровна. — Зиму эту я не переживу. Приезжай хоть на день. Дай поглядеть на тебя, поддержать твои руки. Стара я стала и слаба до того, что тяжело мне не то что ходить, а даже сидеть и лежать, — смерть забыла ко мне дорогу. Сад сохнет — совсем уж не тот, — да я его и не вижу. Нынче осень плохая. Так тяжело; вся жизнь, кажется, не была такая длинная, как одна эта осень».

Манюшка, шмыгая носом, отнесла это письмо на поч­ту, долго засовывала его в почтовый ящик и заглядывала внутрь, — что там? Но внутри ничего не было видно — одна жестяная пустота.

Настя работала секретарём в Союзе художников. Работы было много. Устройство выставок, конкурсов — всё это про­ходило через её руки.

Письмо от Катерины Петровны Настя получила на службе. Она спрятала его в сумочку, не читая, — решила прочесть после работы. Письма Катерины Петровны вызывали у Насти вздох облегчения: раз мать пишет — значит, жива. Но вместе с тем от них начиналось глухое беспокойство, будто каждое письмо было безмолвным укором.

После работы Насте надо было пойти в мастерскую моло­дого скульптора Тимофеева, посмотреть, как он живёт, чтобы доложить об этом правлению Союза. Тимофеев жаловался на холод в мастерской и вообще на то, что его затирают и не дают развернуться.

На одной из площадок Настя достала зеркальце, напуд­рилась и усмехнулась, — сейчас она нравилась самой себе. Художники звали её Сольвейг¹ за русые волосы и большие холодные глаза.

Открыл сам Тимофеев — маленький, решительный, злой. Он был в пальто. Шею он замотал огромным шарфом, а на его ногах Настя заметила дамские фетровые боты.

— Не раздевайтесь, — буркнул Тимофеев. — А то замёрз­нете. Прошу!

Он провёл Настю по тёмному коридору, поднялся вверх на несколько ступеней и открыл узкую дверь в мастерскую.

Из мастерской пахло чадом. На полу около бочки с мокрой глиной горела керосинка. На станках стояли скульптуры, за­крытые сырыми тряпками. За широким окном косо летел снег,

¹ Сольвейг — героиня драмы норвежского писателя Ибсена «Пер Гюнт» (букв. — Солнечный путь). Олицетворение поэтичности, красоты.

заносил туманом Неву, таял в её тёмной воде. Ветер посвистывал в рамках и шевелил на полу старые газеты.

— Боже мой, какой холод! — сказала Настя, и ей показалось, что в мастерской ещё холоднее от белых мраморных барельефов¹, в беспорядке развешанных по стенам.

— Вот, полюбуйтесь! — сказал Тимофеев, пододвигая Насте испачканное глиной кресло. — Непонятно, как я ещё не издох в этой берлоге. А у Першина в мастерской от калориферов² дует теплом, как из Сахары.

— Вы не любите Першина? — осторожно спросила Настя.

— Выскочка! — сердито сказал Тимофеев. — Ремесленник! У его фигур не плечи, а вешалки для пальто. Его колхозница — каменная баба в подоткнутом фартуке. Его рабочий похож на неандертальского человека. Лепит деревянной лопатой. А хитёр, милая моя, хитёр, как кардинал!

— Покажите мне вашего Гоголя, — попросила Настя, чтобы переменить разговор.

— Перейдите! — угрюмо приказал скульптор. — Да нет, не туда! Вон в тот угол. Так!

Он снял с одной из фигур мокрые тряпки, придиричиво осмотрел её со всех сторон, присел на корточки около керосинки, грея руки, и сказал:

— Ну вот он, Николай Васильевич! Теперь прошу!

Настя вздрогнула. Насмешливо, зная её насквозь, смотрел на неё остроносый сутулый человек. Настя видела, как на его виске бьётся тонкая склеротическая жилка.

«А письмо-то в сумочке нераспечатанное, — казалось, говорили сверлящие гоголевские глаза. — Эх ты, сорока!»

— Ну что? — спросил Тимофеев. — Серьёзный дядя, да?

— Замечательно! — с трудом ответила Настя. — Это действительно превосходно.

Тимофеев горько засмеялся.

— Превосходно, — повторил он. — Все говорят: превосходно. И Першин, и Матьяш, и всякие знатоки из всяких комитетов. А толку что? Здесь — превосходно, а там, где решается моя судьба как скульптора, там тот же Першин только неопределённо хмыкнет — и готово. А Першин хмыкнул — значит, конец!.. Ночи не спишь! — крикнул Тимофеев и забегал по мастерской, топая ботами. — Ревматизм в руках

¹ Барельеф — вышуклое скульптурное изображение на плоской поверхности.

² Калорифер — прибор для отопления помещения нагретым воздухом.

от мокрой глины. Три года читаешь каждое слово о Гоголе. Свинные рыла снятся!

Тимофеев поднял со стола груду книг, потряс ими в воздухе и с силой швырнул обратно. Со стола полетела гипсовая пыль.

— Это всё о Гоголе! — сказал он и вдруг успокоился. — Что? Я, кажется, вас напугал? Простите, милая, но, ей-богу, я готов драться.

— Ну что ж, будем драться вместе, — сказала Настя и встала.

Тимофеев крепко пожал ей руку, и она ушла с твёрдым решением вырвать во что бы то ни стало этого талантливого человека из безвестности.

Настя вернулась в Союз художников, прошла к председателю и долго говорила с ним, горячилась, доказывала, что нужно сейчас же устроить выставку работ Тимофеева. Председатель постукивал карандашом по столу, что-то долго прикидывал и в конце концов согласился.

Настя вернулась домой, в свою старинную комнату на Мойке, с лепным золочёным потолком, и только там прочла письмо Катерины Петровны.

— Куда там сейчас ехать! — сказала она и встала. — Разве отсюда вырвешься!

Она подумала о переполненных поездах, пересадке на узкоколейку, тряской телеге, засохшем саде, неизбежных материнских слезах, о тягучей, ничем не скрашенной скуке сельских дней — и положила письмо в ящик письменного стола.

Две недели Настя возилась с устройством выставки Тимофеева.

Несколько раз за это время она ссорилась и мирилась с неуживчивым скульптором. Тимофеев отправлял на выставку свои работы с таким видом, будто обрекал их на уничтожение.

— Ни черта у вас не получится, дорогая моя, — со злорадством говорил он Насте, будто она устраивала не его, а свою выставку. — Зря я только трачу время, честное слово.

Настя сначала приходила в отчаяние и обижалась, пока не поняла, что все эти капризы от уязвлённой гордости, что они наигранны и в глубине души Тимофеев очень рад своей будущей выставке.

Выставка открылась вечером. Тимофеев злился и говорил, что нельзя смотреть скульптуру при электричестве.

— Мёртвый свет! — ворчал он. — Убийственная скука! Керосин и то лучше.

— Какой же свет вам нужен, невозможный вы тип? — вспылила Настя.

— Свечи нужны! Свечи! — страдальчески закричал Тимофеев. — Как же можно Гоголя ставить под электрическую лампу. Абсурд!

На открытии были скульпторы и художники. Непосвящённый, услышав разговоры скульпторов, не всегда мог бы догадаться, хвалят ли они работы Тимофеева или ругают. Но Тимофеев понимал, что выставка удалась.

Седой вспылчивый художник подошёл к Насте и похлопал её по руке:

— Благодарю. Слышал, что это вы извлекли Тимофеева на свет Божий. Прекрасно сделали. А то у нас, знаете ли, много болтающих о внимании к художнику, о заботе и чуткости, а как дойдёт до дела, так натыкаешься на пустые глаза. Ещё раз благодарю!

Началось обсуждение. Говорили много, хвалили, горячились, и мысль, брошенная старым художником о внимании к человеку, к молодому, незаслуженно забытому скульптору, повторялась в каждой речи.

Тимофеев сидел нахохлившись, рассматривал паркет, но всё же искоса поглядывал на выступающих, не зная, можно ли им верить или пока ещё рано.

В дверях появилась курьерша из Союза — добрая и бестолковая Даша. Она делала Насте какие-то знаки. Настя подошла к ней, и Даша, ухмыляясь, подала ей телеграмму.

Настя вернулась на своё место, незаметно вскрыла телеграмму, прочла и ничего не поняла:

«Катя помирает. Тихон».

«Какая Катя? — растерянно подумала Настя. — Какой Тихон? Должно быть, это не мне».

Она посмотрела на адрес: нет, телеграмма была ей. Тогда только она заметила тонкие печатные буквы на бумажной ленте: «Заборье».

Настя скомкала телеграмму и нахмурилась. Выступал Першин.

— В наши дни, — говорил он, покачиваясь и придерживая очки, — забота о человеке становится той прекрасной реальностью, которая помогает нам расти и работать. Я счастлив отметить в нашей среде, в среде скульпторов и художников, проявление этой заботы. Я говорю о выставке работ товарища Тимофеева. Этой выставкой мы целиком обязаны — да не в обиду будет сказано нашему руковод-

ству — одной из рядовых сотрудниц Союза, нашей милой Анастасии Семёновне.

Першин поклонился Насте, и все зааплодировали. Аплодировали долго. Настя смутилась до слёз.

Кто-то тронул её сзади за руку. Это был старый вспылчивый художник.

— Что? — спросил он шёпотом и показал глазами на скомканную в руке Насти телеграмму. — Ничего неприятного?

— Нет, — ответила Настя. — Это так... От одной знакомой...

— Ага! — пробормотал старик и снова стал слушать Першина.

Все смотрели на Першина, но чей-то взгляд, тяжёлый и пронзительный, Настя всё время чувствовала на себе и боялась поднять голову. «Кто бы это мог быть? — подумала она. — Неужели кто-нибудь догадался? Как глупо. Опять расхотелись нервы».

Она с усилием подняла глаза и тотчас отвела их: Гоголь смотрел на неё, усмехаясь. Насте показалось, что Гоголь тихо сказал сквозь стиснутые зубы: «Эх, ты!»

Настя быстро встала, вышла, торопливо оделась внизу и выбежала на улицу.

Валил водянистый снег. На Исаакиевском соборе выступила серая изморозь. Хмурое небо всё ниже опускалось на город, на Настю, на Неву.

«Ненаглядная моя, — вспоминала Настя недавнее письмо. — Ненаглядная!»

Настя села на скамейку в сквере около Адмиралтейства и горько заплакала. Снег таял на лице, смешивался со слезами.

Настя вздрогнула от холода и вдруг поняла, что никто её так не любил, как эта дряхлая, брошенная всеми старушка, там, в скучном Заборье.

«Поздно! Маму я уже не увижу», — сказала она про себя и вспомнила, что за последний год она впервые произнесла это детское милое слово — «мама».

Она вскочила, быстро пошла против снега, хлеставшего в лицо.

«Что ж это, мама? Что? — думала она, ничего не видя. — Мама! Как же это могло так случиться? Ведь никого же у меня в жизни нет. Нет и не будет роднее. Лишь бы успеть, лишь бы она увидела меня, лишь бы простила».

Настя вышла на Невский проспект, к городской станции железных дорог.

Она опоздала. Билетов уже не было.

Настя стояла около кассы, губы у неё дрожали, она не могла говорить, чувствуя, что от первого же сказанного слова она расплачется навзрыд.

Пожилая кассирша в очках выглянула в окошко.

— Что с вами, гражданка? — недовольно спросила она.

— Ничего, — ответила Настя. — У меня мама...

Настя повернулась и быстро пошла к выходу.

— Куда вы? — крикнула кассирша. — Сразу надо было сказать. Подождите минутку.

В тот же вечер Настя уехала. Всю дорогу ей казалось, что «Красная стрела» едва тащится, тогда как поезд стремительно мчался сквозь ночные леса, обдавая их паром и оглашая протяжным предостерегающим криком.

...Тихон пришёл на почту, пошептался с почтарём Василием, взял у него телеграфный бланк, повертел его и долго, вытирая рукавом усы, что-то писал на бланке корявыми буквами. Потом осторожно сложил бланк, засунул в шапку и поплёлся к Катерине Петровне.

Катерина Петровна не вставала уже десятый день. Ничего не болело, но обморочная слабость давила на грудь, на голову, на ноги, и трудно было вздохнуть.

Манюшка шесть сутки не отходила от Катерины Петровны. Ночью она, не раздеваясь, спала на продавленном диване. Иногда Манюшке казалось, что Катерина Петровна уже не дышит. Тогда она начинала испуганно хныкать и звала:

— Бабка? А бабка? Ты живая?

Катерина Петровна шевелила рукой под одеялом, и Манюшка успокаивалась.

В комнатах с самого утра стояла по углам ноябрьская темнота, но было тепло. Манюшка топила печку. Когда весёлый огонь освещал бревенчатые стены, Катерина Петровна осторожно вздыхала — от огня комната делалась уютной, обжитой, какой она была давным-давно, ещё при Насте. Катерина Петровна закрывала глаза, и из них выкатывалась и скользила по желтому виску, запутывалась в седых волосах одна-единственная слезинка.

Пришёл Тихон. Он кашлял, сморкался и, видимо, был взволнован.

— Что, Тиша? — бессильно спросила Катерина Петровна.

— Похолодало, Катерина Петровна! — бодро сказал Тихон и с беспокойством посмотрел на свою шапку. — Снег скоро

выпадет. Оно к лучшему. Дорогу морозцем собьёт — значит, и ей будет способнее ехать.

— Кому? — Катерина Петровна открыла глаза и сухой рукой начала судорожно гладить одеяло.

— Да кому же другому, как не Настасье Семёновне, — ответил Тихон, криво ухмыляясь, и вытащил из шапки телеграмму. — Кому, как не ей.

Катерина Петровна хотела подняться, но не смогла, снова упала на подушку.

— Вот! — сказал Тихон, осторожно развернул телеграмму и протянул её Катерине Петровне.

Но Катерина Петровна её не взяла, а всё так же умоляюще смотрела на Тихона.

— Прочти, — сказала Манюшка хрипло. — Бабка уже читать не умеет. У неё слабость в глазах.

Тихон испуганно огляделся, поправил ворот, пригладил рыжие редкие волосы и глухим, неуверенным голосом прочёл: «Дождитесь, выехала. Остаюсь всегда любящая дочь ваша Настя».

— Не надо, Тиша! — тихо сказала Катерина Петровна. — Не надо, милый. Бог с тобой. Спасибо тебе за доброе слово, за ласку.

Катерина Петровна с трудом отвернулась к стене, потом как будто уснула.

Тихон сидел в холодной прихожей на лавочке, курил, опустив голову, сплёвывал и вздыхал, пока не вышла Манюшка и не поманила в комнату Екатерины Петровны.

Тихон вошёл на цыпочках и всей пятернёй отер лицо. Катерина Петровна лежала бледная, маленькая, как будто безмятежно уснувшая.

— Не дождалась, — пробормотал Тихон. — Эх, горе её горькое, страданье неписаное! А ты смотри, дура, — сказал он сердито Манюшке, — за добро плати добром, не будь пустельгой¹. Сиди здесь, а я сбегу в сельсовет, доложу.

Он ушёл, а Манюшка сидела на табурете, подобрал колени, тряслась и смотрела, не отрываясь, на Катерину Петровну.

Хоронили Катерину Петровну на следующий день. Подморозило. Выпал тонкий снежок. День побелел, и небо было сухое, светлое, но серое, будто над головой протянули вымытую, подмёрзшую холстину. Дали за рекой стояли сизые. От них тянуло острым и весёлым запахом снега, схваченной первым морозом ивовой коры.

¹ Пустельга — здесь (простореч.): пустой, легкомысленный человек.

На похороны собрались старухи и ребята. Гроб на кладбище несли Тихон, Василий и два брата Малявины — старички, будто заросшие чистой паклей. Манюшка с братом Володькой несли крышку гроба и не мигая смотрела перед собой.

Кладбище было за селом, над рекой. На нём росли высокие жёлтые от лишая вербы.

По дороге встретилась учительница. Она недавно приехала из областного города и никого ещё в Заборье не знала.

— Учителька идёт, учителька! — зашептали мальчишки.

Учительница была молоденькая, застенчивая, сероглазая, совсем ещё девочка. Она увидела похороны и робко остановилась, испуганно посмотрела на маленькую старушку в гробу. На лицо старушки падали и не таяли колкие снежинки. Там, в областном городе, у учительницы осталась мать — вот такая же маленькая, вечно взволнованная заботами о дочери и такая же совершенно седая.

Учительница постояла и медленно пошла вслед за гробом. Старухи оглядывались на неё, шептались, что вот, мол, тихая такая девушка и ей трудно будет первое время с ребятами — уж очень они в Заборье самостоятельные и озорные.

Учительница наконец решилась и спросила одну из старух, бабу Матрёну:

— Одинокая, должно быть, была эта старушка?

— И-и, мил-ая, — тотчас запела Матрёна, — почитай что совсем одинокая. И такая задушевная была, такая сердечная. Всё, бывало, сидит и сидит у себя на диванчике одна, не с кем ей слова сказать. Такая жалость! Есть у неё в Ленинграде дочка, да, видно, высоко залетела. Так вот и померла без людей, без сродственников.

На кладбище гроб поставили около свежей могилы. Старухи кланялись гробу, дотрагивались тёмными руками до земли. Учительница подошла к гробу, наклонилась и поцеловала Катерину Петровну в высохшую жёлтую руку. Потом быстро выпрямилась, отвернулась и пошла к разрушенной кирпичной ограде.

За оградой, в лёгком перепархивающем снегу лежала любимая, чуть печальная, родная земля.

Учительница долго смотрела, слушала, как за её спиной переговаривались старики, как стучала по крышке гроба земля и далеко по дворам кричали разноголосые петухи — предсказывали ясные дни, лёгкие морозы, зимнюю тишину.

В Заборье Настя приехала на второй день после похорон. Она застала свежий могильный холм на кладбище — земля

на нём смёрзлась комками — и холодную, тёмную комнату Катерины Петровны, из которой, казалось, жизнь ушла давным-давно.

В этой комнате Настя проплакала всю ночь, пока за окнами не засинел мутный и тяжёлый рассвет.

Уехала Настя из Заборья крадучись, стараясь, чтобы её никто не увидел и ни о чём не расспрашивал. Ей казалось, что никто, кроме Катерины Петровны, не мог снять с неё непоправимой вины, невыносимой тяжести.

1946

Обдумаем прочитанное

1. Каково значение «ленинградских страниц» в рассказе? Что потерял бы рассказ, если бы их не было? Как могло случиться, что Настя, заботящаяся о скульпторе Тимофееве, проявляла такое невнимание к матери?

2. Перечитайте строки рассказа от слов «В комнатах с самого утра стояла по углам ноябрьская темнота...» до слов «Хоронили Катерину Петровну на следующий день». Покажите, как писатель раскрывает переживания действующих лиц (Тихона, Манюшки, Катерины Петровны).

3. Для чего, по-вашему, писатель изобразил молоденькую учительницу в сцене похорон Катерины Петровны?

4. Приведите примеры художественной точности и выразительности описаний природы в рассказе. Какую роль выполняют в нём пейзажи?

Для любознательных

Паустовский писал: «...рядом с действительностью всегда сверкал для меня, подобно дополнительному, хотя бы и неяркому свету, лёгкий романтический вымысел. Он освещал, как маленький луч на картине, такие частности, какие без него, может быть, не были бы и замечены». В повести «Золотая роза» в главе «Зарубки на сердце» писатель вспоминает о том, какие события легли в основу рассказа «Телеграмма»:

«Я поселился поздней осенью в деревне под Рязанью, в усадьбе известного в своё время гравёра Пожалостина. Там одиноко доживала свой век дряхлая ласковая старушка — дочь Пожалостина, Катерина Ивановна. Единственной её дочь Настя жила в Ленинграде и совсем позабыла о матери — она только раз в два месяца присылала Катерине Ивановне деньги.

Я занял одну комнату в гулком, большом доме с почернелыми бревенчатыми стенами. Старушка жила на другой половине.

К ней надо было проходить через пустынные сени и несколько комнат со скрипучими пыльными половицами.

Кроме старушки и меня, в доме больше никто не жил. Дом этот считался мемориальным.

Позади двора с обветшалыми службами шумел на ветру большой и такой же запущенный, как дом, сырой и озябший сад...

...Я не изучал тот старый дом, где жил, как материал для рассказа. Я просто полюбил его за угрюмость и тишину, за бестолковый стук ходиков, постоянный запах берёзового дыма из печки, старые гравюры на стенах...: "Автопортрет" Брюллова, "Несение креста", "Птицелов" Перова и портрет Полины Виардо.

Стёкла в окнах были старенькие и кривые. Они переливались радужным блеском, и язычок свечи отражался в них почему-то два раза.

Все вещи — диваны, столы и стулья — были сделаны из светлого дерева, блестели от времени и пахли кипарисом, как иконы...

...По вечерам я приходил к Екатерине Ивановне пить чай.

Она сама уже плохо видела, и к ней прибегала раза два-три за день для всяких мелких хозяйственных поручений соседская девочка Нюрка, по характеру своему угрюмая и всем недовольная.

Нюрка ставила самовар и пила с нами чай, громко всасывая его из блюдечка. На все тихие речи Екатерины Ивановны Нюрка отзывалась только одними словами:

— Ну вот ещё! Чего выдумали!

Я её стыдил, но она мне говорила:

— Ну вот ещё! Будто я ничего не понимаю, будто я совсем серая!

Но на деле Нюрка, пожалуй, единственная любила Екатерину Ивановну. И всё не за то, что иногда Екатерина Ивановна дарила ей то старую бархатную шляпу с чучелом птицы колибри, то стеклярусовую наколку или жёлтое от времени кружевце.

Екатерина Ивановна жила как-то с отцом в Париже, знала Тургенева, была на похоронах Виктора Гюго. Она рассказывала мне об этом, а Нюрка говорила:

— Ну вот ещё! Чего выдумали!

Но Нюрка долго не засиживалась и уходила домой укладывать спать своих младшеньких.

Екатерина Ивановна никогда не выпускала из рук старенькую атласную сумочку. Там у неё хранились все её богатства:

письма Насти, скудные деньги, паспорт, фотографии той же Насти — красивой женщины с тонкими изломанными бровями и затуманенным взглядом — и пожелтевшая фотография самой Екатерины Ивановны, когда она была ещё девушкой, — воплощение нежности и чистоты.

Екатерина Ивановна никогда ни на что не жаловалась, кроме как на старческую слабость. Но я знал от соседей и от бестолкового доброго старика Ивана Дмитриевича, сторожа при пожарном сарае, что у Екатерины Ивановны — не жизнь, а одно горе горькое. Настя вот уже четвёртый год как не приезжает, забыла, значит, мать, а дни у Екатерины Ивановны — считанные. Неровён час, так и умрёт она, не поvidaв дочери, не приласкав её, не пригладив её русые волосы «очаровательной красоты» (как говорила о них Екатерина Ивановна).

Настя присылала Екатерине Ивановне деньги, но и то бывало с перерывами. Как Екатерина Ивановна жила во время этих перерывов — никому не известно.

Однажды Екатерина Ивановна попросила меня проводить её в сад, — в нём она не была с ранней весны, всё не пускала слабость...

Она одевалась очень долго. Надела старый тёплый салопчик, тёплый платок и, крепко держась за мою руку, медленно спустилась с крылечка.

Уже вечерело. Сад облетал. Палые листья мешали идти. Они громко трещали и шевелились под ногами. На зеленоющей заре зажглась звезда. Далеко над лесом висел серп месяца.

Екатерина Ивановна остановилась около обветренной липы, оперлась о неё рукой и заплакала.

Я крепко держал её, чтобы она не упала. Плакала она, как очень старые люди, не стыдясь своих слёз...

...Вечером Екатерина Ивановна дала мне прочитать связку жёлтых от старости писем, оставшихся от отца...

...А ещё через несколько дней Екатерина Ивановна слегла и уже не вставала. У неё ничего не болело. Жаловалась она только на усталость.

Я послал телеграмму Насте в Ленинград. Нюрка перебралась в комнату Екатерины Ивановны, чтобы на всякий случай быть ближе.

Однажды ночью Нюрка сильно постучала ко мне в стенку и крикнула испуганным голосом:

— Идите! Бабка помирает!

Катерина Ивановна лежала без сознания и только чуть заметно дышала. Я попробовал пульс — он не бился, а тихо дрожал, тоненький, как паутина.

Я оделся, зажгё фонарь и пошёл в сельскую больницу за доктором. <...>

Умерла Катерина Ивановна к утру. Мне пришлось закрыть ей глаза. <...> Нюрка, задыхаясь от плача, дала мне помятый конверт и сказала:

— Тут Катерина Ивановна велела, в чём её хоронить. <...> Потом я пошёл на кладбище выбирать место для могилы, а когда вернулся, Катерина Ивановна уже лежала прибранная на столе, и я остановился поражённый.

Она лежала тоненькая, как девушка, в старинном бальном платье золотистого цвета, со шлейфом. Шлейф был свободно обёрнут вокруг её ног. Из-под него были видны маленькие чёрные замшевые туфли. На руках, державших свечу, были туго натянуты до локтя белые лайковые перчатки. Букет из шёлковых алых роз был приколот к её корсажу¹. <...>

Настя опоздала на три дня и приехала уже после похорон.

Всё рассказанное выше — это и есть тот писательский житейский материал, из которого рождается проза.

Характерно, что все обстоятельства, все подробности, сама обстановка деревенского дома и осени — всё это было в полном соответствии с состоянием Катерины Ивановны, с той тяжёлой душевной драмой, какую она переживала в последние свои дни.

Но, конечно, далеко не всё увиденное и передуманное тогда вошло в «Телеграмму». Многие остались за рамками рассказа, как это и происходит постоянно.

Сплошь и рядом для небольшого рассказа нужно, как говорится на писательском языке, «поднять» большой материал, чтобы выбрать из него самое ценное.

Мне пришлось наблюдать работу хороших актёров, игравших второстепенные роли. У героя, которого играл такой актёр, было всего две-три фразы на протяжении всей пьесы, но актёр придирчиво расспрашивал автора не только о характере и внешности этого человека, но и об его биографии, о той среде, из которой он вышел.

Это точное знание нужно было актёру, чтобы правильно произнести свои две-три фразы.

¹ Корсаж — часть платья, покрывающая бюст.

То же самое происходит и с писателем. Запас материала должен быть гораздо больший, чем то количество его, которое понадобилось для рассказа».

❧ Вопрос ❧

❧ Воспоминания, которые вы прочитали, конечно, написаны рукою художника. Но задача писателя в данном случае сводилась к тому, чтобы воспроизвести факты жизни в их подлинности. Подумайте, в чём разница между рассказом Паустовского и его воспоминаниями. Что в рассказе идёт от жизни, что — от художественного вымысла? Почему писатель прибегал к художественному вымыслу?

❧ Приглашаем в библиотеку ❧

Постарайтесь прочитать рассказы К. Паустовского «Снег», «Бриз», «Белая радуга» (из времён Великой Отечественной войны), повесть «Разливы рек» (из жизни М. Ю. Лермонтова).

Александр
Трифонович
ТВАРДОВСКИЙ

(1910—1971)

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Родился Твардовский в 1910 году, — за семь лет до революции, — в Смоленской губернии (ныне области), где, несмотря на близость столицы, была ещё в полной мере жива народная песенная стихия. Недаром Смоленщина — родина основоположника русской музыки, композитора Михаила Ивановича Глинки.

Детство и юность Твардовский провёл в лесной глуши, на маленьком хуторе, где «в тени обкуренных берёз» ютилась деревенская кузница его отца, мастера своего дела. И хоть впоследствии поэт окончил Московский институт истории, философии и литературы и стал одним из самых известных в Советском Союзе писателей, он навсегда сохранил кровную связь со своими родными местами, с простым народом, из которого вышел.

Вместе с крестьянством он пережил, продумал и прочувствовал тот сложный <...> период революции, когда перестраивался до основания весь уклад деревенской жизни¹...

А когда началась Вторая мировая война, которая была для нас народной, Отечественной, поэт встретил её вместе — плечом к плечу — с рядовым бойцом, героем своей большой поэмы Василием Тёркиным.

В рядах армии он изведал и горечь долгого отступления, когда ни он сам, ни его герой не знали в точности, «что там, где она, Россия, по какой рубеж своя?», и дорого доставшееся торжество наступления и победы.

Поэму «Василий Тёркин» Твардовский писал в походе — в пределах родной страны, пока Советская Армия не вышла за рубежи, а потом под чужим небом, в Германии.

¹ Отец Твардовского был незаконно раскулачен и выслан с семьёй в Сибирь.

О том, как он работал над поэмой, Твардовский говорит в заключительной её части:

...в дождь, укрывшись
 плащ-палаткой,
Иль, зубами сняв перчатку,
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку

Строки, жившие вразброс.
Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей.

«На войне живущим людям» — эти слова, брошенные как бы вскользь, определяют сущность поэмы. Люди, миллионы людей не только воевали в эти годы, но и в самом деле жили на войне, и эта жизнь была наполненной и сгущённой от близкого соседства со смертью...

С. Маршак. Служба жизни

КАК БЫЛ НАПИСАН «ВАСИЛИЙ ТЁРКИН»

Первые главы «Василия Тёркина» были опубликованы в 1942 году. <...>

<...> Было и есть до сих пор такое читательское представление, что Тёркин — это, так сказать, личный человек, солдат, живущий под этим или иным именем, числящийся за номером своей воинской части и полевой почты. Более того, прозаические и стихотворные послания читателей говорят о желании, чтоб это было именно так, то есть чтобы Тёркин был лицом невымышленным. <...>

Нет, Василий Тёркин, каким он является в книге, — лицо вымышленное от начала до конца, плод воображения, создание фантазии. И хотя черты, выраженные в нём, были наблюдаемы мною у многих живых людей — нельзя ни одного из этих людей назвать прототипом Тёркина. <...> Первое, что я принял за принцип композиции и стиля, — это стремление к известной законченности каждой отдельной части, главы, а внутри главы — каждого периода¹, строфы и строчки. Я должен был иметь в виду читателя, который, хотя бы и незнаком был с предыдущими главами, нашёл бы в данной, напечатанной сегодня в газете главе нечто целое, округлённое. Кроме того, этот читатель мог и не дожидаться моей следующей главы; он был там, где и герой, — на войне. Этой примерной завершёностью каждой главы я и был бо-

¹ Период — сложное предложение со многими второстепенными членами или придаточными предложениями.

лее всего озабочен. Я ничего не держал про себя до другого раза, стремясь высказаться при каждом случае — очередной главе — до конца, полностью выразить своё настроение, передать свежее впечатление, возникшую мысль, мотив, образ. <...> Я считаю, что правильным и во многом определившим судьбу «Тёркина» было моё решение печатать первые главы до завершения книги. <...>

И если я думал о возможной успешной судьбе моей книги, работая над ней, то я часто представлял себе её изданной в матерчатом мягком переплёте, как издаются боевые уставы, и что она будет у солдата храниться за голенищем, за пазухой, в шапке. А в смысле её построения я мечтал о том, чтобы её можно было читать с любой раскрытой страницы.

С того времени, как в печати появились главы первой части «Тёркина», он стал моей основной работой на фронте.

<...> Ни одна из моих работ не давалась мне так трудно поначалу и не шла так легко потом, как «Василий Тёркин». Правда, каждую главу я переписывал множество раз, проверяя на слух, подолгу трудился над какой-нибудь одной строфой или строкой.

С первых читательских писем, полученных мною, я понял, что работа моя встречена хорошо, и это придало мне сил продолжать её. Теперь уже я не был с ней один на один: мне помогало тёплое, участливое отношение читателя к ней, его ожидание, иногда его «подсказки»: «А вот бы ещё отразить то-то и то-то»... и т. п.

<...> Каково бы ни было её собственное литературное значение, для меня она была истинным счастьем. Она мне дала ощущение законности места художника в великой борьбе народа, ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринуждённой форме изложения. «Тёркин» был для меня во взаимоотношениях писателя со своим читателем моей лирикой, моей публицистикой¹, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю.

А. Т. Твардовский. Как был написан «Василий Тёркин»

¹ Публицистика — литература по злободневным общественно-политическим вопросам.

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН

(Главы из поэмы)

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка

льда...

Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лёд,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошёл. Второй — за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они.

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружней и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад...

Поглядеть — и впрямь —
ребята!
Как, по правде, желторот,

Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь

в двадцатом

Их товарищи — отцы.

Тем путём идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьём
кремнёвым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минёт ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.
Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый¹ лёд в куски
крошит.
Меж погнутых балок фермы
Бьётся в пене и в пыли...

А уж первый взвод,
наверно,
Достаёт шестом земли.

¹ Жухлый — потерявший яркость, свежесть.

Позади шумит протока¹,
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далёко,
Что ни крикнуть,
ни помочь...

И чернеет там зубчатый,
За холодной чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над чёрною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы
глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересёк наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны —
в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди тёплые, живые
Шли на дно, на дно,
на дно...

Под огнём неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень
расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нём молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудую взялась²
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И, усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись,
пехота.
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись,
пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мёрзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут

подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперёд и ни назад...

А быть может, там
с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит
на лицах, —
Мёртвым всё равно.

Стужи, холода не слышат.
Смерть за смертью
не страшна,
Хоть ещё паёк им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паёк им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что ещё ребята сами
На привале, при огне,
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Своё сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, груды,
Где застыли их следы...

Может, так, а может —
чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеды.

Долги ночи, жёстки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть.
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят, маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и
не бочка —
Просто глазу маета.
— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода... Помыслить
страшно.
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли
вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы
в шинели,
С полной выкладкой,
мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, —
впервой.

Подошёл сержант
с биноклем,
Присмотрелся: нет, живой.

— Нет, живой. Без
гимнастёрки.
— А не фриц? Не к нам ли
в тыл?

¹ Прото́ка — рукав реки.

² Взья́сь — здесь: крепко, плотно слежалась, смёрзлась.

— Нет. А может, это
Тёркин? —
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться.
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться?
— Братцы, — он!

И, у заберегов¹ корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Тёркин,
Встал живой, — добрался
вплыв.

Гладкий, голый, как из
бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной
избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор,
а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не всё на кожу
тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь

просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнём
Встанем, ноги разомнём,
Что там есть, перекалечим —
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец, — сказал
полковник, —
Молодец! Спасибо, брат...
И с улыбкой неробкой
Говорит тогда боец:
— А ещё нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа...
Пушки бьют в крошечной
мгле.

Бой идёт святой и правый,
Смертный бой не ради
славы —
Ради жизни на земле.

Обдумаем прочитанное

Подумаем над главой

1. Слово «переправа», как говорил сам Твардовский, стало лейт-мотивом (ведущим мотивом), пронизывающим всю главу. Отметьте, на какие части разделяет главу этот своеобразный припев. Каким настроением проникнута каждая часть главы? С какой интонацией следует каждый раз читать слова «Переправа, переправа»?

2. Почему поэт сравнивает молодых бойцов с их отцами — воинами прошлых веков?

3. Какие подробности фронтового быта переданы в главе? Какими деталями подчеркнута мысль, что война — это не только боевые подвиги, но и изнурительный труд, и тяжёлый быт солдат?

4. Перечитайте сценку в конце главы (сценку условно можно назвать «В дозоре»). Покажите, как Твардовский вводит в рассказ о величии подвига весёлую шутку, разговорные слова и обороты.

О НАГРАДЕ

— Нет, ребята, я не гордый.
Не заглядывая вдаль,
Так скажу: зачем мне
орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону...

Буду ль жив ещё? —
Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчёт медали:
Мне её тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин,
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришёл с войны.

Вот пришёл я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришёл, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз
и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папирасой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало
всяко.
— Трудно всё же? —
Как когда.

¹ *Забереги* — лёд, настывающий у берега в заморозки.

— Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда...

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждёт девчонка, хоть не
мучай,
Слова, взгляда твоего... —

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет...

— Нет, — сказал Василий
Тёркин.
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

~ Попробуйте ответить на риторический вопрос поэта: «Что тут смех, а что печаль?»

ГАРМОНЬ

По дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шёл боец в шинели новой,
Догонял свой полк
стрелковый,
Роту первую свою.

Шёл легко и даже браво
По причине по такой,

Тёркин, Тёркин, добрый
малый,
Что тут смех, а что печаль?
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.
Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский
твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам,
Василий Тёркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.
Страшный бой идёт
кровавый.
Смертный бой не ради
славы —
Ради жизни не земле.

Что махал своею правой,
Как и левою рукой.
Отлежался. Да к тому же
Щёлкал по лесу мороз,
Защемлял в пути всё туже,
Подгонял, под мышки нес.

Вдруг — сигнал
за поворотом,

Дверцу выбросил шофёр.
Тормозит:
— Садись, пехота,
Щёки снегом бы натёр.

Далеко ль?
— На фронт обратно.
Руку вылечил.
— Понятно.
Не герой?
— Покамест нет.
— Доставка тогда кисет.

Курят, едут. Гроб — дорога.
Меж сугробами — туннель.
Чуть ли что, свернёшь
немного,
Как свернул — снимай
пинель.

— Хорошо — как есть
лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо — свои ребята.
— Хорошо. Да как когда...

Грузовик гремит
трёхтонный.
Вдруг колонна впереди.
Будь ты пеший или
конный,
А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся
стоянкой.
Разговор — не разговор.
Наклонился над баранкой,
Смолк шофёр.
Заснул шофёр.

Сколько суток полусонных,
Сколько вёрст в пурге
слепой

На дорогах занесённых
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые — криво, косо,
В ряд, не в ряд,
вперёд-назад;
Гусеницы и колёса
На снегу ещё визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит
в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

— Вот беда! Во всей колонне
Завалящей нет гармонии,
А мороз — ни стать,
ни сесть...

Снял перчатки, трёт ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Вперемёнку — пляс
не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь,
браток... —
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на
дорожку?

— Да сыграть — оно б не вред.
— В чём же дело? Чья
гармошка?
— Чья была, того, брат,
нет...

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был
любитель...
Схоронили мы его.

— Так... — С неловкою
улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
— Я считал, сыграть-то
можно,
Думал, что ж её беречь.
А стрелок:
— Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое — были мы друзья.

— Да нельзя, так уж нельзя,
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею,
И контузию одну.
И опять же, посудите,
Может, завтра — с места
в бой.

— Знаешь что, — сказал
водитель, —
Ну, сыграй ты, шут с тобой!
Только взял боец трёхрядку,
Сразу видно — гармонист.

Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз...

Позабутый, деревенский
Вдруг завёл, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив.

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шёл народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Всё глядят на гармониста —
Словно что-то невдомёк.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повел о трёх танкистах,
Трёх товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся?
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой ещё народ!

Я не то ещё сказал бы, —
Про себя поберегу,
Я не так ещё сыграл бы,
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это всё переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.
— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть. —

— Отморозил парень
 пальцы, —
Надо помощь скорую, —
— Знаешь, брось ты эти
 вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трёхрядку
Повернул другим концом.

И забыто — не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому ещё лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом.
До жены прийти, до дому, —
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.

Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать! —

И бежит шофёр тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришёлся ко двору?
Крикнул так, что
 расступились:
— Дайте мне, а то помру!..

И пошёл, пошёл работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
Половицы гнёт в избе.
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подаёт за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощёный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт...

Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Всё, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит
 гармонь.

Выговаривает чисто,
До души доносит звук.
И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?

Вся в крови была одежда,
И просил ты пить да пить...

Приглушил гармонь:
— Ну что же,
Очень даже может быть.
— Нам теперь стоять
 в ремонте.
У тебя маршрут иной. —

- ~ Как поэт развивает мысль о фронтовом братстве, о неистребимости жизни, о преемственности и непрерывности воинского подвига?
- ~ Как показан в главе внешне незаметный героизм фронтовых тружеников?
- ~ Как и почему в главе изменяется стихотворный ритм (в сцене пляски)? Кстати, каким стихотворным размером написана поэма?

ДВА СОЛДАТА

В поле вьюга-завируха,
В трёх верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит — Тёркин дома.
Тёркин снова на войне.

— Это точно...
— А гармонь-то,
Знаешь что, — бери с собой.

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту.
— Что вы, хлопцы, как же
 так?..

— Ничего, — сказал
 водитель, —
Так и будет. Ничего.
Командир наш был
 любитель,
Это — память про него...

И с опушки отдалённой
Из-за тысячи колёс
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» —
 донеслось.

И опять увалы, взгорки.
Снег да ёлки с двух сторон...
Едет дальше Вася Тёркин, —
Это был, конечно, он...

А старик как будто ухом
По привычке не ведёт.
— Перелёт! Лежи,
 старуха. —

Или скажет:
— Недолёт...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка

С уважительным испугом
За повадкой старика,

С кем жила — не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого вдали держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит
губы —
Точит старую пилу.

— Вот не режет! Точишь,
точишь —
Не берёт, ну, что ты
хочешь!.. —

Тёркин встал:
— А может, дед,
У неё развода нет?
Сам пилу берёт:
— А ну-ка... —
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.
Тёркин щурится:
— Ну, вот.
Пощи-ка, дед, разводку¹.
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть — и то отрадно:
Завалившая пила
Так-то ладно, так-то складно
У него в руках прошла.

Обернулась — и готово.
— На-ко, дед, бери, смотри.

Будет резать лучше новой,
Зря инструмент не кори.

И хозяин виновато
У бойца берёт пилу.
— Вот что значит мы,
солдаты, —
Ставит бережно в углу.

А старуха:
— Слаб глазами,
Стар годами мой солдат.
Поглядел бы, что с часами,
С той войны ещё стоят...

Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, в пыли.
Паутинами пружины
Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой
Дед-солдат давным-давно:
На стене простой, сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально, —
Всё ж часы, а не пила, —
Мастер тихо и печально
Посвистел:
— Плохи дела...

Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутрь куда-то дунул,
плюнул, —
Что ты думаешь, — пошли!

Крутит стрелку, ставит
пятый,
Час — другой, вперёд — назад.

— Вот что значит мы,
солдаты, —
Прослезился дед-солдат.

Дед растроган, а старуха,
Отслонив ладонью ухо,
С печки слушает:
— Идут!
Ну и парень, ну и шут...

Удивляется. А парень
Услужить ещё не прочь.
— Может, сало надо
жарить?
Так опять могу помочь.

Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...

Тёркин:
— Бабка, сало здесь.
Не был немец — значит, есть!

И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно...
Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
— Вот что значит мы,
солдаты,
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.

— Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне.

Отвинтил у фляги крышку:
— Пей, отец, не будет лишку.

Поперхнулся дед-солдат.
Подтянулся:
— Виноват!..

Крошку хлебушка понюхал.
Пожевал — и сразу сыт.

А боец, тряхнув над ухом
Тою флягой, говорит:
— Рассуждая так ли, сяк ли,
Все равно такую каплей
Не согреть бойца в бою.
— Будьте живы!
— Пейте.
— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:
— Позволь, товарищ.
Что ты валенки мне
хвалишь?

Разреши-ка доложить.
Хороши? А где сушить?

Не просушишь их в землянке,
Нет, ты дай-ка мне сапог,

¹Разводка — инструмент для отгибания зубьев у пилы. Развод — наклон зубьев пилы в разные стороны.

С удивительной заботой
Предсказать тебе горазд:
— Вот сейчас он с разворота
И начнёт. И жизни даст.
Жизни даст!

Со страшным рёвом
Самолёт ныряет вниз,
И сильнее нету слова
Той команды, что готова
На устах у всех:
— Ложись!..

Смерть есть смерть.
Её прихода
Все мы ждём по старине.
А в какое время года
Легче гибнуть на войне?

Летом солнце греет жарко,
И вступает в полный цвет
Всё кругом. И жизни жалко
До зарезу. Летом — нет.

В осень смерть под стать
картине,
В сон идёт природа вся.
Но в грязи, в окопной глине
Вдруг загнуться? Нет,
друзья...

А зимой — земля как
камень,
На два метра глубиной,
Привалит тебя комками, —
Нет уж, ну её — зимой!

А весной, весной...
Да где там!
Лучше скажем наперёд:
Если горько гибнуть летом,
Если осенью — не мёд,
Если в зиму дрожь берёт,

То весной, друзья, от этой
Подлой штуки — душу рвёт.

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти чёрной
Только собственной спиной.

Ты лежишь ничком,
парнишка
Двадцати неполных лет.
Вот сейчас тебе и крышка,
Вот тебя уже и нет.

Ты прижал к вискам ладони.
Ты забыл, забыл, забыл,
Как траву щипали кони,
Что в ночное ты водил.

Смерть грохочет
в перепонках,
И далёк, далёк, далёк
Вечер тот и та девчонка,
Что любил ты и берёт.

И друзей, и близких лица,
Дом родной, сучок в стене...
Нет, боец, ничком молиться
Не годится на войне.

Нет, товарищ, зло и гордо,
Как закон велит бойцу,
Смерть встречай лицом
к лицу,
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если всё пришло к концу...

Ну-ка, что за перемена?
То не шутки — бой идёт.
Встал один и бьёт с колена
Из винтовки в самолёт.

Трёхлинейная винтовка
На брезентовом ремне,

Да патроны с той головкой,
Что страшна стальной броне.

Бой неравный, бой короткий.
Самолёт чужой, с крестом,
Покачнулся, точно лодка,
Зачерпнувшая бортом.

Накренься, пошёл по кругу,
Кувыркается над лугом, —
Не задерживай — давай,
В землю штопором въезжай!

Сам стрелок глядит
с испугом:
Что наделал невзначай.

Скоростной, военный,
чёрный,
Современный, двухмоторный
Самолёт — стальная снасть —
Ухнул в землю, завывая,
Шар земной пробить желая
И в Америку попасть.

— Не пробил, старался
слабо...

— Видно, место прогадал.
— Кто стрелял? — звонят из
штаба. —
Кто стрелял, куда попал?..

➤ В чём смысл сопоставления Василия Тёркина с его молодыми и, видимо, ещё не обстрелянными товарищами?

➤ Покажите, как незаметно трагические мотивы переходят в весёлую, жизнерадостную шутку.

СМЕРТЬ И ВОИН

За далёкие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Тёркин
Неподобранный лежал.

Снег под ним, набряклиши
кровью,
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась
к изголовью:

Адьютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал:
— Разыскать тотчас героя!
Кто стрелял? —
А кто стрелял?

Кто не спрятался в окопчик,
Поминая всех родных,
Кто он — свой среди своих —
Не зенитчик и не лётчик,
А герой — не хуже их?

Вот он сам стоит
с винтовкой,
Вот поздравили его.
И как будто всем неловко —
Неизвестно отчего.

Виноваты, что ль, отчасти?
И сказал сержант спроста:
— Вот что значит парню
счастье,
Глядь — и орден, как с куста!

Не промедливши с ответом,
Парень сдачу подаёт:
— Не горюй, у немца этот —
Не последний самолёт...

С этой шуткой-поговоркой,
Облетевшей батальон,
Перешёл в герои Тёркин, —
Это был, понятно, он.

— Ну, солдат, пойдём со
мною.

Я теперь твоя подруга,
Недалёко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.

Дрогнул Тёркин, замерзая
На постели снеговой.
— Я не звал тебя, Косая,
Я солдат ещё живой.

Смерть, смеясь, нагнулась
ниже:
— Полно, полно, молодец,
Я-то знаю, я-то вижу:
Ты живой, да не жилец.

Мимоходом тенью смертной
Я твоих коснулась щёк,
А тебе и незаметно,
Что на них сухой снежок.

Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь, не хуже дня...

— А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?

Смерть как будто бы
замаялась,
Отклонилась от него.
— Нужно мне... такую
малость,
Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласи,
Что устал беречь ты жизнь,
Что о смертном молишь часе...

— Сам, выходит,
подпишись? —

Смерть подумала.
— Ну что же, —
Подпишись, и на покой.
— Нет, уволь. Себе дороже.
— Не торгуйся, дорогой.

Все равно идёшь на убыль. —
Смерть подвинулась
к плечу. —
Все равно стянулись губы,
Стынут зубы...
— Не хочу.

— А смотри-ка, дело к ночи,
На мороз горит заря.
Я к тому, чтоб мне короче
И тебе не мёрзнуть зря...

— Потерплю.
— Ну, что ты, глупый!
Ведь лежишь, всего светло.
Я б тебя тотчас тулупом,
Чтоб уже навек тепло.

Видю, веришь. Вот и слёзы,
Вот уж я тебе милей.

— Врёшь, я плачу от мороза,
Не от жалости твоей.

— Что от счастья,
что от боли —
Всё равно. А холод лют.
Завилась позёмка в поле.
Нет, тебя уж не найдут...

И зачем тебе, подумай,
Если кто и подберёт.
Пожалеешь, что не умер
Здесь, на месте, без хлопот...

— Шутить, Смерть,
плетёшь тенета. —

Отвернул с трудом плечо. —
Мне как раз пожить охота,
Я и не жил-то ещё...

— А и встанешь, толку
мало, —
Продолжала Смерть,
смеясь. —

А и встанешь — всё сначала:
Холод, страх, усталость,
грязь...

Ну-ка, сладко ли, дружище,
Рассуди-ка в простоте.

— Что судить? С войны
не взыщешь
Ни в каком уже суде.

— А тоска, солдат,
в придачу:
Как там дома, что с семьёй?

— Вот уж выполняю задачу —
Кончу немца — и домой.

— Так. Допустим. Но тебе-то
И домой к чему прийти?
Догола земля раздета
И разграблена, учти.
Всё в забросе.

— Я работник,
Я бы дома в дело вник.
— Дом разрушен.
— Я и плотник...
— Печки нету.
— И печник...
Я от скуки — на все руки,
Буду жив — моё со мной.

— Дай ещё сказать старухе:
Вдруг придёшь с одной
рукой?

Иль ещё каким калекой, —
Сам себе и то постыл...

И со Смерью Человеку
Спорить стало свыше сил.
Истекал уже он кровью,
Коченел. Спускалась ночь...

— При одном моём условии,
Смерть, послушай...
я не прочь...

И, томим тоской жестокой,
Одинок, и слаб, и мал,
Он с мольбой,
не то с упрёком
Уговариваться стал:

— Я не худший и не
лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце её, послушай,
Дашь ты на день отпуск
мне?

Дашь ты мне в тот день
последний,
В праздник славы мировой,
Услышать салют победный,
Что раздастся над Москвой?
Дашь ты мне в тот день
немножко

Погулять среди живых?
Дашь ты мне в одно окошко
Постучать в краях родных?
И как выйдут на крылечко, —
Смерть, а Смерть, ещё мне там
Дашь сказать одно словечко?
Полсловечка?
— Нет. Не дам...

Дрогнул Тёркин, замерзая
На постели снеговой.

— Так пошла ты прочь,
Косая,
Я солдат ещё живой.

Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,
Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

— Погоди. Резон почище
Я найду, — подашь мне
знак...

— Стой! Идут за мною.
Ищут.
Из санбата.
— Где, чужак?
— Вон, по стёжке
занесённой...

Смерть хохочет во весь рот:
— Из команды похоронной.
— Всё равно: живой народ.

Снег шуршит, подходят
двое.
Об лопату звякнул лом.

— Вот ещё остался воин.
К ночи всех не уберём.

— А и то: устали за день,
Доставай кисет, земляк.
На покойничке присядем
Да покурим натошак.

— Кабы, знаешь,
до затыжки —
Щец горячих котелок.
— Кабы капельку из фляжки.

— Кабы так — один глоток.
— Или два...

И тут, хоть слабо,
Подав Тёркин голос свой:
— Прогоните эту бабу,
Я солдат ещё живой.

Смотрят люди: вот так штука!
Видят: верно, — жив солдат.

— Что ты думаешь!
— А ну-ка,
Понесём его в санбат.
— Ну и редкостное дело, —
Рассуждают не спеша. —
Одно дело — просто тело,
А тут — тело и душа.

— Еле-еле душа в теле...
— Шутки, что ль, зазяб
совсем.
А уж мы тебя хотели,
Понимаешь, в наркомзем...¹

— Не толкуй. Заждался
малый.
Вырубай шинель во льду.
Поднимай.

А Смерть сказала:
— Я, однако, вслед пойду.

Земляки — они к работе
Приспособлены к иной.
Врёте, мыслит,
растрясёте —
И ещё он будет мой.

Два ремня да две лопаты,

¹ Наркомзем — Народный комиссариат земледелия. Здесь шутка: собирались предать твоё тело земле.

Две шинели поперёк.
— Береги, солдат, солдата.
— Понесли. Терпи, дружок.

Норовят, чтоб меньше
тряски,
Чтоб ровнее как-нибудь,
Берегут, несут с опаской:
Смерть сторонкой держит
путь.

А дорога — не дорога, —
Целина, по пояс снег.
— Отдохнули б вы немного,
Хлопцы...
— Милый человек, —
Говорит земляк толково, —
Не тревожься, не жалея.
Потому несём живого,
Мёртвый вдвое тяжелей.

А другой:
— Оно известно.

~ В чём вы видите смысл столкновения героя поэмы со Смертью? Как в этом столкновении проявляется характер Василия Тёркина?

~ Почему Смерть всё-таки отстала от героя?

ОТ АВТОРА

По которой речке плыть, —
Той и славушку творить...

С первых дней години
горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Тёркин,
Подружились мы с тобой.

Но ещё не знал я, право,
Что с печатного столбца
Всем придёшься ты по нраву,
А иным войдёшь в сердца.

А ещё и то учесть,
Что живой спешит
до места, —
Мёртвый дома — где ни есть.

— Дело, стало быть,
в привычке, —
Заключают земляки. —
Что ж ты, друг,
без рукавички?
На-ко тёплую, с руки...

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
«До чего они, живые,
Меж собой свои — дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даёшь отсрочку».

И, вздохнув, отстала Смерть.

До войны едва в помине
Был ты, Тёркин, на Руси.
Тёркин? Кто такой? А ныне
Тёркин — кто такой? —
спроси.

— Тёркин, как же!
— Знаем.
— Дорог.
— Парень свой, как говорят.

— Словом, Тёркин тот,
который

На войне лихой солдат,
На гулянке гость
не лишний,
На работе — хоть куда...

Жаль, давно его не слышно,
Может, что худое вышло?
Может, с Тёркиным беда?

— Не могло того случиться.
— Не похоже.
— Враки.
— Вздор...

— Как же, если очевидца
Подвозил один шофёр!

В том бою лежали рядом,
Тёркин будто бы привстал,
В тот же миг его снарядам
Бронебойным — наповал.

— Нет, снаряд ударил мимо.
А слышали так, что мина...
— Пуля-дура.
— А у нас
Говорили, что фугас.

— Пуля, бомба или мина —
Всё равно, не в том вопрос.
А слова перед кончиной
Он какие произнёс?

— Говорил насчёт победы.
Мол, вперёд. Примерно так...

— Жаль, — сказал, —
что до обеда
Я убитый, натошак.
Неизвестно, мол, ребята,
Отправляясь на тот свет,

¹ *Аттестат* — здесь: документ о выдаче военнослужащему денег, питания, одежды.

Как там, что: без аттестата¹
Признают нас или нет?

— Нет, иное почему-то
Слышал раненый боец.
Молвил Тёркин в ту минуту:
«Мне — конец, войне —
конец».

Если так, тогда не верьте,
Разве это невдомёк:
Неподвержен Тёркин
смерти,
Коль войне не вышел срок...

Шутки, слухи в этом духе
Автор слышит не впервой.
Правда — правдой остаётся,
А молва себе — молвой.

Нет, товарищи, герою,
Столько лямку протацив,
Выходить теперь
из строя? —
Извините! Тёркин жив!
Жив-здоров. Бодрей,
чем прежде.

Помирать? Наоборот,
Я в такой теперь надежде:
Он меня переживёт.

Всё худое он изведаль.
Он терял родимый край
И одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.

С первых дней години
горькой
Мир слышал сквозь грозный
гром, —

Повторял Василий Тёркин:
— Перетерпим. Перетрём...

Нипочём труды и муки,
Горечь бедствий и потерь.
А кому же книги в руки,
Как не Тёркину теперь?!

Рассуди-ка, друг-товарищ,
Посмотри-ка, где ты вновь
На привалах кашу варишь,
В деревнях грызёшь
морковь.

Снова воду привелось
Из какой черпать реки!
Где стучат твои колёса,
Где ступают сапоги!

Оглянись, как встал
с рассвета
Или ночь не спал, солдат,
Был иль не был здесь два лета,
Две зимы тому назад.

Вся она — от Подмосковья
И от Волжского верховья
До Днепра и Заднепровья —
Вдаль на Запад сторона, —
Прежде отданная с кровью,
Кровью вновь возвращена.

Вновь отныне это свято:
Где ни свет — то наша хата,
Где ни дым — то наш костёр,
Где ни стук — то наш топор,

❧ Подведём итоги ❧

1. Какие строки главы «От автора» являются, по-вашему, ключевыми для понимания характера Василия Тёркина? Подтвердите вашу мысль примерами.

2. Как следует понимать слова А. Т. Твардовского о том, что Василий Тёркин — «обыкновенный парень», что «парень в этом роде» найдётся в любой роте, в любом взводе? Можно ли на-

Что ни груз идёт куда-то, —
Наш маршрут и наш мотор!

И такую-то махину,
Где гони, гони машину, —
Есть где ехать вдаль и вширь,
Он пешком, не вполовину,
Всю промерил, богатырь.

Богатырь не тот,
что в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной запояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.

Но покуда вздох в запасе,
Толку нет о смертном часе,
В муках твёрд и в горе горд,
Тёркин жив и весел, чёрт!

Праздник близок,
мать-Россия,
Оберни на запад взгляд:
Далеко ушёл Василий,
Вася Тёркин, твой солдат.

То серьёзный, то потешный,
Нипочём, что дождь,
что снег, —
В бой, вперёд, в огонь

кромешный
Он идёт, святой и грешный,
Русский чудо-человек...
1941—1945

звать героя поэмы заурядным, то есть ничем не примечательным человеком?

3. А. Т. Твардовский говорил: «Кроме смеха гневного, саркастического и непрощающего — есть ещё смех радости, дружеской благожелательности, весёлого и безобидного озорства». Как сочетается в поэме такой смех с серьёзными раздумьями о Родине? (Приведите примеры.)

4. Как вы понимаете заключительные строки главы «Переправа»:

Переправа, переправа...
Пушки бьют в кромешной мгле.
Бой идёт святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле?

5. Выучите наизусть понравившийся вам отрывок из поэмы и приготовьтесь к выразительному чтению его в классе.

СОВРЕМЕННОКИ О ПОЭМЕ А. ТВАРДОВСКОГО

... Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всём и какой необыкновенный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни одного фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!

И. Бунин

Когда ещё и какой писатель, едва закончив первую половину своего произведения, в начале второй уже имел возможность вот так же спокойно и уверенно говорить о своём герое с многомиллионным читателем, причём с читателем, у которого не так уж много было литературных интересов, по той простой причине, что он воевал?

Однако же Твардовский был уверен, что если его читатель ещё жив — значит, он читает Тёркина...

Вот и Тёркин — лет ему нынче уже немало, а сколько надо прочитать сегодня книг, чтобы узнать о войне всё то, что он один рассказал о ней? Чтобы узнать всё, что говорит он и о своём авторе?

С. Залыгин

Могучее лирическое начало в поэме. Полное слияние автора с героем, с солдатами. Потому разговор идёт то от имени Тёркина, то от имени автора, то от имени всей солдатской массы, России.

Ф. Абрамов¹

¹ Абрамов Ф. А. (1920—1983) — автор рассказов и романов о русской деревне 40—80-х годов XX века.

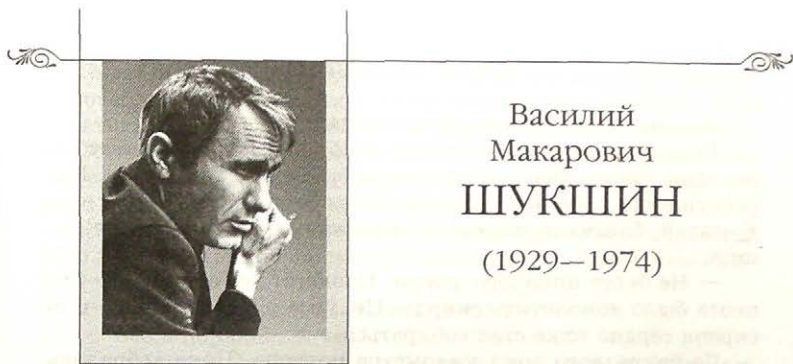
В жизни Тёркина чувствуешь свою жизнь... При чтении Вашей книги Вы могли бы, присутствуя, услышать и от безусого солдатика и от старого усатого «гвоздя войны» — ефрейтора: «Молодец Твардовский», «толково, просто», «по-солдатски», «наверно, этот самый Твардовский тоже живёт на переднем (крае)»...

Через всю войну, от снежных полей Подмосковья до развалин Берлина, пронёс я отдельные брошюры поэмы «Василий Тёркин»... Мои люди сотни раз собирались слушать её под свист вражеских мин и снарядов и старались быть в боях такими, как Василий.

Из писем фронтовиков А. Твардовскому

❧ Приглашаем в библиотеку ❧

Прочтите полное издание поэмы «Василий Тёркин», а также стихотворения А. Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом...», «Армейский сапожник», «В тот день, когда окончилась война...», «О Родине», «Жестокая память» и др.

Василий Макарович ШУКШИН

(1929—1974)

Писатель, кинорежиссёр, сценарист, актёр, Василий Макарович Шукшин родился в крестьянской семье на Алтае. После семилетней школы поступил в автомобильный техникум, но, не окончив его, стал работать в колхозе. Затем — переезды из города в город в средней полосе России, работа на разных производствах в качестве слесаря, служба на флоте. Экстерном (не обучаясь в школе) сдал экзамен на аттестат зрелости, некоторое время был директором вечерней школы в родном селе, затем переехал в Москву. Окончил режиссёрский факультет Всесоюзного института кинематографии.

В. М. Шукшин — автор двух романов, нескольких повестей, множества рассказов. В качестве актёра снялся в десятках фильмов, сам по своим сценариям поставил ряд фильмов, среди них такие шедевры, как «Печки-лавочки», «Калина красная».

Герои Шукшина — простые, «рядовые», обыкновенные люди — крестьяне, рабочие, студенты, продавцы магазинов, учителя, агрономы, служащие. Один из любимых героев писателя — «чудик», человек «странный» с виду, не похожий на других, но обладающий доброй душой, тянущийся к прекрасному, к знаниям, к искусству и потому чуждый и непонятный обывателям.

Глубокое знание народной жизни обусловило многообразие характеров в произведениях Шукшина, богатый, сочный разговорный язык автора и его героев. Особенность рассказов писателя — сочетание спокойного, не прикрашенного всякими словесными ухищрениями повествования с юмором, иногда весёлым, иногда подёрнутым грустью, за которым скрывается любовь к человеку, неприятие всего, что уродует нашу жизнь, и утверждение высоких норм нравственности, человеческого достоинства.

Ниже помещены три рассказа писателя для ваших самостоятельных раздумий.

ДЯДЯ ЕРМОЛАЙ

Вспоминаю из детства один случай.

Была страда. Отмолотились в тот день рано, потому что заходил дождь. Небо — синим-синё, и уж дёргал ветер. Мы, ребятишки, рады были дождю, рады были отдохнуть, а дядя Ермолай, бригадир, недовольно поглядывал на тучу и не спешил.

— Не будет никакого дождя. Пронесёт всё с бурей. — Ему охота было домолотить скирду. Но... все уж собирались, и он скрепя сердце тоже стал собираться.

До бригадного дома километра полтора. Пока добрались, пустили коней и поужинали, синева наполнила, но дождя, правда, не было. Налетел сильный ветер, поднялась пыль... Во тьме трепетно вспыхивали молнии и гремел гром. Ветер рвал, носил, а дождя не было.

— Самая воровская ночь, — сказал дядя Ермолай. — Ну-ка, Гришка... — дядя Ермолай поискал глазами, я попался ему. — Гришка с Васькой, идите на точок — там переночуете. А то как бы в такую-то ночь не подъехал кто да не нагрёб зерна. Ночь-то... самая такая.

Мы с Гришкой пошли на ток.

Полтора километра, которые мы давеча проскакали мигом, теперь показались нам долгими и опасными. Гроза разыгралась вовсю: вспыхивало и гремело со всех сторон! Прилетали редкие капли, больно били по лицу. Пахло пылью и чем-то вроде жжёным — резко, горько. Так пахнет, когда кресалом бьют по кремню, добывая огонь.

Когда вверху вспыхивало, всё на земле — скирды, деревья, снопы в суслонах, неподвижные кони, — всё как будто на миг повисало в воздухе, потом тьма проглатывала всё; сверху гремело гулко, уступами, как будто огромные капли срывались с горы в пропасть, сшибались.

Мы наконец заблудились. Сбились с дороги и потеряли ту скирду, у которой молотили. Их было много. Останавливались, ждали, когда осветит: опять всё вроде подскакивало, короткий миг висело в воздухе, в синем резком свете, и всё опять исчезало, и в кромешной тьме грохотали вниз огромные камни.

— Давай залезем в первую попавшую скирду и заночуем, — предложил Гришка.

— Давай, конечно.

— А утром скажем, что ночевали на точкё, кто узнает?!

Залезли в обмолоченную скирду, в тёплую пахучую солому. Поговорили малость, наказали себе проснуться пораньше... И не заметили, как и заснули, не слышали, как ночью шёл дождь.

Утро раскинулось ясное, умытое, тихое. Мы, конечно, проспали. Но так как ночью хорошо промочило, наши молотить рано не поедут, мы знали. Мы пошли в дом.

— Ну, караульщики, — спросил дядя Ермолай, увидев нас. Мне показалось, что он смотрит пытливо. — Как ночевали?

— Хорошо.

— Всё там в порядке? На точкё-то?

— Всё в порядке. А что?

— Ничего. Спрашиваю... Я посылал, я и спрашиваю. «А что?» — А сам всё смотрит. Мне стало не по себе. — Зерно-то целое?

— Целое. — У Гришки круглые, ясные глаза: он смотрит не мигая. — А что?

— Да вы были там?! На точкё-то?

У меня заныл кончик позвоночника, копчик. Гришка тоже растерялся... Хлоп-хлоп глазами.

— Как это «были»?..

— Ну да, были вы там?

— Были. А где же мы были?

Эх, тут дядя Ермолай взвился.

— Да не были вы там, сукины вы сыны! Вы где-то под суслоном ночевали, а говорите — на точкё! Сгребу вот сейчас обоих да носом в точок-то, носом, как котов пакостливых. Где ночевали?

— От... Ты что?

— Где ночевали?!

— На точкё. — Гришка, видно, решил стоять насмерть. Мне легче стало.

— Васька, где ночевали?

— На точкё.

— Да растудят вашу туда-сюда и в рёбра!.. — Дядя Ермолай аж за голову взялся и болезненно сморщился. — Ты гляди, что они вытворяют-то! Да не было вас на току, не было-о! Я ж был там! Ну?! Обормоты вы такие, обормоты! Я ж следом за вами пошёл туда — думаю, дошли ли они хоть? Не было вас там!

Это нас не смутило, что он, оказывается, был на току.

— Ну и что?

— Что?

— Ну и... мы тоже были. Мы, значит, маленько попозже... Мы блудили.

— Где попозже?! — взвизгнул дядя Ермолай. — Где попозже-то?! Я там весь дождь переждал! Я только к свету оттуда уехал. Не было вас там!

— Были...

Дядя Ермолай ошалел... Может быть, мы — в глазах его — тоже на миг подпрыгнули и повисли в воздухе, как вчерашние скирды и кони, отчего-то у него глаза сделались большие и удивлённые.

— Были?

— Были.

Он схватил узду... Мы — в разные стороны. Дядя Ермолай постоял с уздой, бросил, сморщился болезненно и пошёл прочь, вытирая ладошкой глаза. Он был не очень здоровый.

— Обормоты, — говорил он на ходу. — Не были же, не были — и в глаза врут стоят. Штыбы бы вам околеть, не доживая веку! Штыбы бы вам... Жёны злые попались!.. Обормоты. В глаза врут стоят — и хоть бы что! О!.. — Дядя Ермолай повернулся к нам. — Да ты скажи честно: испужались, может, не нашли — нет, в глаза смотрют и врут. Обормоты... По пять трудодней снимаю, раз вы такие.

Днём, когда молотили, дядя Ермолай ещё раз подошёл к нам.

— Гришка, Васёк... сознайтесь: не были на точкё? По пять трудодней не сниму. Не были же?

— Были.

Дядя Ермолай некоторое время смотрел на нас... Потом позвал с собой.

— Идите суда... Идите, идите. Вот тут вот я от дождя прятался. — Показал. И посмотрел на нас с мольбой. — А вы где же прятались?

— А мы — с той стороны.

— С какой?

— Ну, с той.

— Да где же с той-то?! Где с той-то? — Он опять стал терять терпение. — Я же шумел вас, звал!.. Я её кругом всю обошёл, скирду-то. А молонья такая резала, что тут не то что людей, иголку на земле найдёшь. Где были-то?

— Тут.

Дядя Ермолай из последних сил крепился, чтоб опять не взвиться. Опять сморщился...

— Ну ладно, ладно... Вы, может, боитесь, что я ругаться буду? Не буду. Только честно скажите: где ночевали? Не сниму по пять трудодней... Где ночевали!

— На току.

— Да где на току-то?! — сорвался дядя Ермолай. — Где на току-то?! Где, когда я... У-у, обормоты! — Он заискал глазами — чем бы огреть нас.

Мы убежали.

Дядя Ермолай ушёл за скирду... Опять, наверно, всплакнул.

Теперь, много-много лет спустя, когда я бываю дома и прихожу на кладбище помянуть покойных родных, я вижу на одном кресте: «Емельянов Ермолай ...вич».

Ермолай Григорьевич, дядя Ермолай. И его тоже помню — стою над могилой, думаю. И дума моя о нём простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я её не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что было в этом, в их жизни, какой-то большой смысл? В том именно, как они её прожили. Или — не было никакого смысла, а была одна работа, работа... Работали да детей рожали. Видел же я потом других людей... Вовсе не лодырей, нет, но... свою жизнь они понимают иначе. Да сам я её понимаю теперь иначе! Но только, когда смотрю на эти холмики, я не знаю: кто из нас прав, кто умнее? <...>

1. Почему дядя Ермолай настойчиво добивался, чтобы мальчики сознались в своём обмане?

2. Как бы вы ответили на вопрос, заданный писателем: был ли какой-то смысл в жизни Ермолая и ему подобных людей или не было никакого смысла, а была лишь работа, работа?

СОЛНЦЕ, СТАРИК И ДЕВУШКА

Дни горели белым огнём. Земля была горячая, деревья тоже были горячие. Сухая трава шуршала под ногами.

Только вечерами наступала прохлада.

И тогда на берег стремительной реки Катунь выходил древний старик, садился всегда на одно место — у коряги — и смотрел на солнце.

Солнце садилось за горы. Вечером оно было огромное, красное.

Старик сидел неподвижно. Руки лежали на коленях — коричневые, сухие, в ужасных морщинах. Лицо тоже морщинистое, глаза влажные, тусклые. Шея тонкая, голова маленькая, седая. Под синей ситцевой рубахой торчат острые лопатки.

Однажды старик, когда он сидел так, услышал сзади себя голос:

— Здравствуйте, дедушка!

Старик кивнул головой.

С ним рядом села девушка с плоским чемоданчиком в руках.

— Отдыхаете?

Старик опять кивнул головой. Сказал:

— Отдыхаю.

На девушку не посмотрел.

— Можно, я вас буду писать? — спросила девушка.

— Как это? — не понял старик.

— Рисовать вас.

Старик некоторое время молчал, смотрел на солнце, моргал красноватыми веками без ресниц.

— Я ж некрасивый теперь, — сказал он.

— Почему? — Девушка несколько растерялась. — Нет, вы красивый, дедушка.

— Вдобавок хворый.

Девушка долго смотрела на старика. Потом погладила мягкой ладошкой его сухую коричневую руку и сказала:

— Вы очень красивый, дедушка. Правда.

Старик слабо усмехнулся.

— Рисуй, раз такое дело.

Девушка раскрыла свой чемодан.

Старик покашлял в ладонь.

— Городская, наверно? — спросил он.

— Городская.

— Платют, видно, за это?

— Когда как вообще-то. Хорошо сделаю, заплатят.

— Надо стараться.

— Я стараюсь.

Замолчали.

Старик всё смотрел на солнце.

Девушка рисовала, всматриваясь в лицо старика сбоку.

— Вы здешний, дедушка?

— Здешний.

— И родились здесь?

— Здесь, здесь.

— Вам сколько сейчас?

— Годков-то? Восемьдесят.

— Ого!

— Много, — согласился старик и опять слабо усмехнулся. — А тебе?

— Двадцать пять.

Опять помолчали.

— Солнце-то какое! — негромко воскликнул старик.

— Какое? — не поняла девушка.

— Большое.

— А-а... Да. Вообще красиво здесь.

— А вода вона, вишь, какая... У того берега-то...

— Да, да.

— Ровно крови подбавили.

— Да. — Девушка посмотрела на тот берег. — Да.

Солнце коснулось вершин Алтая и стало медленно погружаться в далёкий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчётливее рисовались горы. Они как будто придвинулись. А в долине — между рекой и горами — тихо угасал красноватый сумрак. И надвигалась от гор задумчивая мягкая тень. Потом солнце совсем скрылось за острым хребтом Бубурхана, и тотчас оттуда вылетел в зеленоватое небо стремительный веер ярко-рыжих лучей. Он держался недолго — тоже тихо угас. А в небе в той стороне пошла полыхать заря.

— Ушло солнышко, — вздохнул старик.

Девушка сложила листы в ящик.

Некоторое время сидели просто так — слушали, как лопочут у берега маленькие торопливые волны.

В долине большими клочьями пополз туман.

В лесочке, неподалёку, робко вскрикнула какая-то ночная птица. Ей громко откликнулись с берега, с той стороны.

— Хорошо, — сказал негромко старик.

А девушка думала о том, как она вернётся скоро в далёкий милый город, привезёт много рисунков. Будет портрет и этого старика. А её друг, талантливый, настоящий художник, непременно будет сердиться: «Опять морщины!.. А для чего? Всем известно, что в Сибири суровый климат и люди там много работают. А что дальше? Что?..»

Девушка знала, что она не бог весть как даровита. Но ведь думает она о том, какую трудную жизнь прожил этот старик. Вон у него какие руки... Опять морщины! «Надо работать, работать, работать...»

— Вы завтра придёте сюда, дедушка? — спросила она старика.

— Приду, — откликнулся тот.

Девушка поднялась и пошла в деревню.

Старик посидел ещё немного и тоже пошёл.

Он пришёл домой, сел в своём уголочке, возле печки, и тихо сидел — ждал, когда придёт с работы сын и сядут ужинать.

Сын приходил всегда усталый, всем недовольный. Невестка тоже всегда чем-то была недовольна. Внуки выросли и уехали в город. Без них в доме было тоскливо.

Садись ужинать.

Старику крошили в молоко хлеб, он хлебал, сидя с краешку стола. Осторожно звякал ложкой о тарелку — старался не шуметь. Молчали.

Потом укладывались спать.

Старик лез на печку, а сын с невесткой уходили в горницу. Молчали. А о чём говорить? Все слова давно сказаны.

На другой вечер старик и девушка опять сидели на берегу, у коряги. Девушка торопливо рисовала, а старик смотрел на солнце и рассказывал:

— Жили мы всегда справно, грех жаловаться. Я плотничал, работы всегда хватало. И сыны у меня все плотники. Побило их на войне много — четырёх. Два осталось. Ну вот с одним-то я теперь и живу, со Степаном. А Ванька в городе живёт, в Бийске. Прорабом на новостройке. Пишет: ничего, справно живут.

Приезжали сюда, гостили. Внуков у меня много. Любят меня. По городам все теперь...

Девушка рисовала руки старика, торопилась, часто стирала.

— Трудно было жить? — невпопад спрашивала она.

— Чего ж трудно? — удивлялся старик. — Я ж тебе рассказываю: хорошо жили.

— Сыновой жалко?

— А как же? — опять удивлялся старик. — Четырёх таких положить — шутка нешто?

Девушка не понимала: то ли ей жаль старика, то ли она больше удивлена его странным спокойствием и умиротворённостью.

А солнце опять садилось за горы. Опять тихо горела заря.

— Ненастье завтра будет, — сказал старик.

Девушка посмотрела на ясное небо.

— Почему?

— Ломает меня всего.

— А небо совсем чистое.

Старик промолчал.

— Вы придёте завтра, дедушка?

— Не знаю, — не сразу откликнулся старик. — Ломает чего-то всего.

— Дедушка, как у вас называется вот такой камень? —

Девушка вынула из кармана жакета белый, с золотистым отливом камешек.

— Какой? — спросил старик, продолжая смотреть на горы.

Девушка протянула ему камень. Старик, не поворачиваясь, подставил ладонь.

— Такой? — спросил он, мельком глянув на камешек, и повертел его в сухих скрюченных пальцах. — Кремешок это. Это в войну, когда серянок не было, огонь из него добывали.

Девушку поразила странная догадка: ей показалось, что старик слепой. Она не нашлась сразу, о чём говорить, молчала, смотрела сбоку на старика. А он смотрел туда, где село солнце. Спокойно, задумчиво смотрел.

— На... камешек-то, — сказал он и протянул девушке камень. — Они ещё не такие бывают. Бывают: весь белый, аж просвечивает, а снутри какие-то пятнушки. А бывают: яичко и яичко — не отличишь. Бывают: на сорочье яичко похож — с крапинками по бокам, а бывают, как у скворцов, — синенькие, тоже с рябинкой с такой.

Девушка всё смотрела на старика. Не решалась спросить: правда ли, что он слепой.

— Вы где живёте, дедушка?

— А тут не шибко далеко. Это Ивана Колокольникова дом, — старик показал дом на берегу, — дальше — Бедаревы, потом Волокитины, потом Зиновьевы, а там уж, в переулочке, — наш. Заходи, если чего надо. Внуки-то были, дак у нас шибко весело было.

— Спасибо.

— Я пошёл. Ломает меня.

Старик поднялся и пошёл тропинкой в гору.

Девушка смотрела вслед ему до тех пор, пока он не свернул в переулок. Ни разу старик не споткнулся, ни разу не замешкался. Шёл медленно и смотрел под ноги.

«Нет, не слепой, — поняла девушка. — Просто слабое зрение».

На другой день старик не пришёл на берег. Девушка сидела одна, думала о старике.

Что-то было в его жизни, такой простой, такой обычной, что-то непростое, что-то большое, значительное. «Солнце — оно тоже просто встаёт и просто заходит, — думала девушка. — А разве это просто!» Она пристально посмотрела на свои рисунки. Ей было грустно.

Не пришёл старик и на третий день и на четвёртый.

Девушка пошла искать его дом.

Нашла.

В ограде большого пятистенного дома под железной крышей, в углу, под навесом, рослый мужик лет пятидесяти обстругивал на верстаке сосновую доску.

— Здравствуйте, — сказала девушка.

Мужик выпрямился, посмотрел на девушку, провёл большим пальцем по вспотевшему лбу, кивнул.

— Здорово.

— Скажите, пожалуйста, здесь живёт дедушка...

Мужик внимательно и как-то странно посмотрел на девушку. Та замолчала.

— Жил, — сказал мужик. — Вот домовину ему делаю.

Девушка приоткрыла рот.

— Он умер, да?

— Помер. — Мужик опять склонился к доске, шаркнул пару раз рубанком, потом посмотрел на девушку. — А тебе чего надо было?

— Так... я рисовала его.
— А-а. — Мужик резко зашаркал рубанком.
— Скажите, он слепой был? — спросила девушка после долгого молчания.
— Слепой.
— И давно?
— Лет десять уж. А что?
— Так...

Девушка пошла из ограды.

На улице прислонилась к плетню и заплакала. Ей было жалко дедушку. И жалко было, что она никак не сумела рассказать о нём. Но она чувствовала сейчас какой-то более глубокий смысл и тайну человеческой жизни и подвига и, сама об этом не догадываясь, становилась намного взрослей.

Обдумаем прочитанное

Много несчастий и бед испытал на своём веку старик. Откуда же у него такое «странное спокойствие» и «умиротворённость»? Может быть, от равнодушия к жизни? А может быть, от других причин? Почему девушка говорит о подвиге старика? Ваше мнение?

МИКРОСКОП

На это надо было решиться. Он решился.

Как-то пришёл домой — сам не свой — жёлтый; не глядя на жену, сказал:

— Это... я деньги потерял. — При этом ломаный его нос (кривой, с горбатинкой) из жёлтого стал красным. — Сто двадцать рублей.

У жены отвалилась челюсть, на лице появилось просительное выражение: может, это шутка? Да нет, этот кривоносик никогда не шутит, не умеет. Она глупо спросила:

— Где?

Тут он невольно хмыкнул.

— Дак если б я знал, я б пошёл и...

— Ну, не-ет!! — взревела она. — Ухмыляться ты теперь до-олго не будешь! — И побежала за сковородником. — Месяцев девять, гад!

Он схватил с кровати подушку — отражать удары. (Древние только форсировали своими сверкающими щитами. Подушка!) Они закружились по комнате...

— Подушку-то, подушку-то мараешь! Самой стирай!..

— Выстираю! Выстираю, кривоносик! А два ребра мои будут! Мои! Мои!..

— По рукам, слушай!..

— От-теньки-коротеньки!.. Кривенькие носики!

— По рукам, зараза! Я ж завтра на бюлительню сяду! Тебе же хуже!..

— Садись!

— Тебе же хуже...

— Пускай!

— Ой!

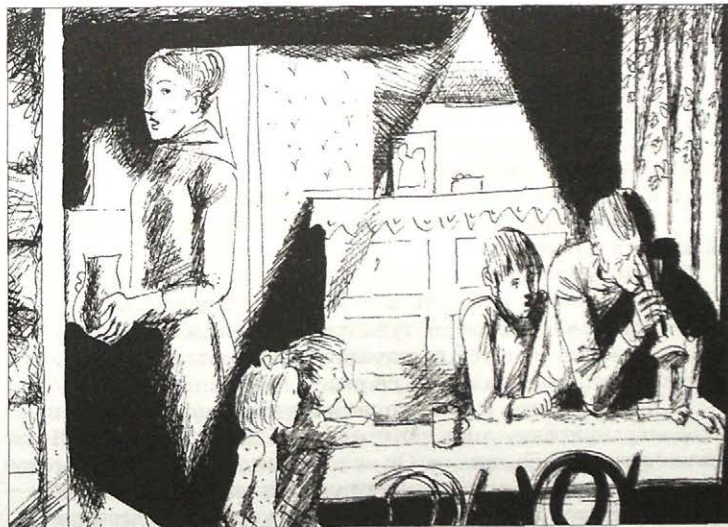
— От так!

— Ну, будет?

— Нет, дай я натешусь! Дай мне душеньку отвести, скважина ты кривоносая! Дятел... — Тут она изловчилась и больно достала его по голове. Немножко сама испугалась...

Он бросил подушку, схватился за голову, застонал. Она пылливо смотрела на него: притворяется или правда больно? Решила, что — правда. Поставила сковородник, села на табуретку и завывала. Да с причетом, с причетом:

— Ох, да за што мне долюшка така-ая-а?.. Да копила-то я их, копила!.. Ох, да лишний-то раз кусочка белого не ела-а!.. Ох, да и детушкам своим пряничка сладкого не покупала!..

Всё берегла-то я, берегла, скважина ты кривоноса-а!.. Ох-х!.. Каждую-то копейку откладывала да радовалась: будут у моих детушек к зиме шубки тёплые да нарядные!.. И будут-то они ходить в школу не рваные да не холодные!..

— Где это они у тебя рваные-то ходют? — не вытерпел он.

— Замолчи, скважина! Замолчи. Съел ты эти денюжки от своих же детей! Съел и не подавился... Хоть бы ты подавился ими, нам бы маленько легче было...

— Спасибо на добром слове, — ядовито прошептал он.

— М-хх, скважина!.. Где был-то? Может, вспомнишь?.. Может, на работе забыл где-нибудь? Может, под верстак положил да забыл?

— Где на работе!.. Я в сберкаассу-то с работы пошёл. На работе...

— Ну, может, заходил к кому, скважина?

— Ни к кому не заходил.

— Может, пиво в ларьке пил с алкоголиками?.. Вспомни. Может, выронил на пол... Беги, они пока ишо отдадут.

— Да не заходил я в ларёк!

— Да где ж ты их потерять-то мог, скважина?

— Откуда я знаю?

— Ждала егол!.. Счас бы пошли с ребятишками, примерили бы шубки... Я уж там подобрала — какие. А теперь их разберут. Ох, скважина ты, скважина...

— Да будет тебе! Заладила: скважина, скважина...

— Кто же ты?

— Што теперь сделаешь?

— Будешь в две смены работать, скважина! Ты у нас худой будешь... Ты у нас выпьешь теперь читушечку после бани, выпьешь! Сырой водички из колодца...

— Нужна она мне, читушечка. Без неё обойдусь.

— Ты у нас пешком на работу ходить будешь! Ты у нас покатаешься на автобусе.

Тут он удивился:

— В две смены работать и — пешком? Ловко...

— Пешком! Пешком — туда и назад, скважина! А где, так ишо побежишь — штоб не опоздать. Отольются они тебе, эти денежки, вспомнишь ты их не раз.

— В две не в две, а по полторы месячишко отломаю — ничего, — серьёзно сказал он, потирая ушибленное место. — Я уж с мастером договорился... — Он не сообразил сперва, что проговорился. А когда она недоумённо глянула на него, поправился: — Я, как хватился денег-то, на работу снова поехал и договорился.

— Ну-ка дай сберегательную книжку, — потребовала она. Посмотрела, вздохнула и ещё раз горько сказала: — Скважина.

С неделку Андрей Ерин, столяр маленькой мастерской при «Заготзерне», что в девяти километрах от села, чувствовал себя скверно. Жена всё злилась; он то и дело получал «скважину», сам тоже злился, но обзывать вслух не смел.

Однако дни шли... Жена успокаивалась. Андрей ждал. Наконец решил, что — можно.

И вот поздно вечером (он действительно «вламывал» по полторы смены) пришёл он домой, а в руках держал коробку, а в коробке, заметно, что-то тяжёленькое. Андрей тихо сиял.

Ему нередко случалось приносить какую-нибудь работу на дом, иногда это были небольшие какие-нибудь деревянные штучки, ящички, завёрнутые в бумагу, — никого не удивило, что он с чем-то пришёл. Но Андрей тихо сиял. Стоял у порога, ждал, когда на него обратят внимание... На него обратили внимание.

— Чего эт ты, как... голый зад при луне, светисся?

— Вот... дали за ударную работу... — Андрей прошёл к столу, долго распаковывал коробку... И, наконец, открыл. И выставил на стол... микроскоп. — Микроскоп.

— Для чего он тебе?

Тут Андрей Ерин засуетился. Но не виновато засуетился, как он всегда суетился, а как-то снисходительно засуетился.

— Луну будем разглядывать! — И захохотал. Сын-пятиклассник тоже засмеялся: луну в микроскоп!

— Чего вы? — обиделась мать.

Отец с сыном так и покатились.

Мать навела на Андрея строгий взгляд. Тот успокоился.

— Ты знаешь, что тебя на каждом шагу окружают микробы? Вот ты зачерпнула кружку воды... Так? — Андрей зачерпнул кружку воды. — Ты думаешь, ты воду пьёшь?

— Пошёл ты!!

— Нет, ты ответь.

— Воду пью.

Андрей посмотрел на сына и опять невольно захохотал.

— Воду она пьёт!.. Ну не дура?..

— Скважина! Счас сковородник возьму.

Андрей снова посерьёзnel.

— Микробов ты пьёшь, голубушка, микробов. С водой-то. Миллиончика два тяпнешь — и порядок. На закуску! — Отец и сын опять не могли удержаться от смеха. Зоя (жена) пошла в куть за сковородником.

— Гляди суда! — закричал Андрей. Побежал с кружкой к микроскопу, долго настраивал прибор, капнул на зеркальный кружок капельку воды, приложился к трубе и, наверно, минуты две, еле дыша, смотрел. Сын стоял за ним — смерть как хотелось тоже глянуть...

— Пап!..

— Вот они, собаки!.. — прошептал Андрей Ерин. С каким-то жутким восторгом прошептал: — Разгуливают...

— Ну, пап!

Отец дрыгнул ногой.

— Туда-суда, туда-суда!.. Ах, собаки!

— Папка!

— Дай ребёнку посмотреть! — строго велела мать, тоже явно заинтересованная.

Андрей с сожалением оторвался от трубки, уступил место сыну. И жадно и ревниво уставился ему в затылок. Нетерпеливо спросил:

— Ну?

Сын молчал.

— Ну?!

— Вот они! — заорал парнишка. — Беленькие...

Отец оттащил сына от микроскопа, дал место матери.

— Гляди! Воду она пьёт...

Мать долго смотрела... Одним глазом, другим...

— Да никого я тут не вижу.

Андрей прямо зашёлся весь, стал удивительно смелый.

— Оглазела! Любую копейку в кармане найдёт, а здесь микробов разглядеть не может. Они ж чуть не в глаз тебе прыгают, дура! Беленькие такие...

Мать, потому что не видела никаких беленьких, а отец с сыном видели, не осердилась.

— Вон, однако... — Может, соврала, у неё высказывало. Могла приврать.

Андрей решительно оттолкнул жену от микроскопа и прилип к трубке сам. И опять голос его перешёл на шёпот.

— Твою мать, что делают! Што делают!..

— Мутненькие такие? — расспрашивала сзади мать сына. — Вроде как жиринки в супу?.. Они, што ли?

— Ти-ха! — рывкнул Андрей, не отрываясь от микроскопа. — Жиринки... Сама ты жиринка. Ветчина целая. — Странно, Андрей Ерин становился крикливым хозяином в доме.

Старший сынишка-пятикласник засмеялся. Мать дала ему подзатыльник. Потом подвела к микроскопу младших.

— Ну-ка ты, доктор кислых щей!.. Дай детям посмотреть. Уставился...

Отец уступил место у микроскопа и взволнованно стал ходить по комнате. Думал о чём-то.

Когда ужинали, Андрей всё думал о чём-то, поглядывал на микроскоп и качал головой. Зачерпнул ложку супа, показал сыну:

— Сколько здесь?.. Приблизительно?

Сын наморщил лоб:

— С полмиллиончика есть.

Андрей Ерин прищурил глаз на ложку.

— Не меньше. А мы их — ам! — Он проглотил суп и хлопнул себе по груди. — И — нету. Сейчас их там сам организм начнёт колошматить. Он-то с имья управляется!

— Небось сам выпросил? — Жена с лёгким неудовольствием посмотрела на микроскоп. — Может, пылесос бы дали. А то пропылесосить — и нечем.

Нет, Бог, когда создавал женщину, что-то такое намудрил. Увлёкся творец, увлёкся. Как всякий художник, впрочем. Да ведь и то — не Мыслителя делал.

Ночью Андрей два раза вставал, зажигал свет, смотрел в микроскоп и шептал:

— От же ж собаки!.. Што вытворяют. Што они только вытворяют! И не спится им!

— Не помешайся, — сказала жена, — тебе ведь немного и надо-то — тронешься.

— Скоро начну открывать, — сказал Андрей, залезая в тепло к жене. — Ты с учёным спала когда-нибудь?

— Ещё чего!..

— Будешь. — И Андрей Ерин ласково похлопал супругу по мягкому плечу. — Будешь, дорогуша, с учёным спать...

Неделю, наверно, Андрей Ерин жил, как во сне. Приходил с работы, тщательно умывался, наскоро ужинал... Косился на микроскоп.

— Дело в том, — рассказывал он, — что человеку положено жить сто пятьдесят лет. Спрашивается, почему же он шестьдесят, от силы семьдесят — и протянул ноги! Микробы! Они, сволочи, укорачивают век человеку. Пролезают в организм и, как только он чуток ослабнет, они берут верх.

Вдвоём с сыном часами сидели они у микроскопа, исследовали. Рассматривали каплю воды из колодца, из питьевого ведра... Когда шёл дождик, рассматривали дождевую капельку. Ещё отец посылал сына взять для пробы воды из лужицы... И там этих беленьких кишмя кишело.

— Твою мать-то, што делают!.. Ну вот как с имя бороться? — У Андрея опускались руки. — Наступил человек в лужу, пришёл домой, наследил. Тут же прошёл и ребёнок босыми ногами, и пожалуйста, подцепил. А какой там организм у ребёнка!

— Поэтому всегда надо вытирать ноги, — заметил сын. — А ты не вытираешь.

— Не в этом дело. Их надо научиться прямо в луже уничтожать. А то — я вытру, знаю теперь, а Сенька вон Маров... докажи ему: как шлёпал, дурак, так и впредь будет.

Рассматривали также капельку пота, для чего сынишка до изнеможения бегал по улице, потом отец ложечкой соскрёб у него со лба влагу — получили капельку, склонились к микроскопу...

— Есть! — Андрей с досадой ударил себя кулаком по колену. — Иди проживи сто пятьдесят лет!.. В коже и то есть.

— Давай спробуем кровь? — предложил сын.

Отец уколол себе палец иголкой, выдалил ярко-красную ягодку крови, стяхнул на зеркальце... Склонился к трубке и застал.

— Хана, сынок, — в кровь пролезли! — Андрей Ерин распрямылся, удивлённо посмотрел вокруг. — Та-ак. А ведь знают, паразиты, лучше меня знают — и молчат!

— Кто? — не понял сын.

— Учёные. У их микроскопы-то получше нашего — всё видят. И молчат. Не хотят расстраивать народ. А чего бы не сказать? Может, все вместе-то и придумали бы, как их уничтожить. Нет, сговорились и молчат. Волнение, мол, начнётся.

Андрей Ерин сел на табуретку, закурил.

— От какой мелкой твари гибнут люди! — Вид у Андрея был убитый.

Сын смотрел в микроскоп.

— Друг за дружкой гоняются! Эти маленько другие... Кругленькие.

— Все они — кругленькие, длиненькие — все на одну масть. Матери не говори пока, што мы у меня их в крове видели.

— Давай у меня посмотрим?

Отец внимательно поглядел на сына... И любопытство и страх отразились в глазах у Ерина-старшего. Руки его, натруженные за много лет — большие, пропахшие смольём... чуть дрожали на коленях.

— Не надо. Может, хоть у маленьких-то... Эх, вы! — Андрей встал, пнул со зла табуретку. — Вшей, клопов, личинок

всяких — это научились выводить, а тут каких-то... меньше же гниды самой маленькой — и ничего сделать не можете! Где же ваша учёная степень?!

— Вшу видно, а этих... Как ты их?

Отец долго думал.

— Скипидаром?.. Не возьмёт. Водка-то небось покрепче... я ж пью, а вон видел, што делается в кровете!

— Водка в кровь, что ли, поступает?

— А куда же? С чего же дурее человек?

Как-то Андрей принёс с работы длинную тонкую иглу... Умылся, подмигнул сыну, и они ушли в горницу.

— Давай попробуем... Наточил проволочку — может, сумеем наколоть парочку.

Кончик проволочки был тонкий-тонкий — прямо волосок. Андрей долго ширял этим кончиком в капельку воды. Пыхтел... Вспотел даже.

— Разбегаются, заразы... Нет, толстая, не наколоть. Надо тоньше, а тоньше уже нельзя — не сделать. Ладно, счас поужинаем, попробуем их током... Я батарейку прихватил: два проводка подведём и законтачим. Посмотрим, как тогда будут...

И тут-то во время ужина нанесло неурочного: зашёл Сергей Куликов, который работал вместе с Андреем в «Заготзерне». По случаю субботы Сергей был под хмельком, потому, наверно, и забрёл к Андрею — просто так.

В последнее время Андрею было не до выпивок, и он с удивлением обнаружил, что брезгует пьяными. Очень уж они глупо ведут себя и говорят всякие несурзные слова.

— Садись с нами, — без всякого желания пригласил Андрей.

— Зачем? Мы вот тут... Нам што? Нам — в уголку!..

«Ну чего вот сдуру сиротой казанской прикинулся?»

— Как хочешь.

— Дай микробов посмотреть?

Андрей встревожился.

— Каких микробов? Иди проспись, Серёга... Никаких у меня микробов нету.

— Чего ты скрываешь-то? Оружью, што ли, прячешь? Научное дело... Мне мой парнишка все уши прожужжал: дядя Андрей всех микробов хочет уничтожить. Андрей!.. — Сергей стукнул себя в грудь кулаком, устремил свирепый взгляд на «учёного». — Золотой памятник отольём!.. На весь мир прославим! А я с тобой рядом работал!.. Андрюха!

Зое Ериной, хоть она тоже не выносила пьяных, тем не менее лестно было, что по селу говорят про её мужа — учёный. Скорей по привычке поворчать при случае, чем из истинного чувства, она заметила:

— Не могли уж чего-нибудь другое присудить? А то — микроскоп. Свихнётся теперь мужик — ночи не спит. Што бы — пылесос какой-нибудь присудить... А то пропылесосить — и нечем, не соберёмся никак купить.

— Кого присудить? — не понял Сергей.

Андрей Ерин похолодел.

— Да премию-то вам выдали... Микроскоп-то этот...

Андрей хотел было как-нибудь — глазами — дать понять Сергею, что... но куда там! Тот уставился на Зою как баран.

— Какую премию?

— Ну премию-то вам давали!

— Кому?

Зоя посмотрела на мужа, на Сергея...

— Вам премию выдавали?

— Жди, выдадут они премию! Догонят да ишо раз выдадут. Премию...

— А Андрею вон микроскоп выдали... за ударную работу... — Голос супруги Ериной упал до жути — она всё поняла.

— Они выдадут! — разорвался в углу пьяный Сергей. — Я в прошлом месяце на сто тридцать процентов нарядов назарывал... так? Вот Андрей на даст соврать...

Все рухнуло в один миг и страшно устремилось вниз, в пропасть.

Андрей встал... Взял Сергея за шкуру и вывел из избы. Во дворе стукнул его разок по затылку, потом спросил:

— У тебя три рубля есть? До получи...

— Есть... Ты за што меня ударил?

— Пошли в лавку. Кикимора ты болотная!.. Какого хрена пьяный болтаешься по дворам?.. Эх-х... Чурка ты с глазами.

В эту ночь Андрей Ерин ночевал у Сергея. Напились они с ним до соплей. Пропили свои деньги, у кого-то ещё занимали до полуночи.

Только на другой день, к обеду, заявился Андрей домой. Жены не было.

— Где она? — спросил сынишку.

— В город поехала, в эту... как её... в комиссионку.

Андрей сел к столу, склонился на руки. Долго сидел так.

— Ругалась?

— Нет. Так, маленько. Сколько пропил?

— Двенадцать рублей. Ах, Петька... сынок... — Андрей Ерин, не поднимая головы, горько сморщился, заскрипел зубами. — Разве же в этом дело?! Не поймёшь ты по малости своей... не поймёшь...

— Понимаю: она продаст его.

— Продаст... Да... Шубки надо. Ну ладно — шубки, ладно. Ничего... Надо, конечно...

1969

Обдумаем прочитанное

1. Почему Андрея Ерина можно отнести к любимым героям Шукшина — «чудикам»?

2. Кто, по-вашему, прав в семейном конфликте Андрея и его жены?

3. Чем, по-вашему, рассказ «Микроскоп» близок к драматическим сценкам?

➤ Приглашаем в библиотеку ➤

Прочтите рассказы Шукшина «Космос, нервная система и шмат сала» (из жизни подростка-ученика), «Волки», «Чудик», «Обида», «Стенька Разин» (о деревенском чудике-самоучке). Последний рассказ помещён в книге «Читаем вместе...: 8 класс». Там же — рассказ писателя начала XX века С. Скитальца «Икар». Сопоставьте этот рассказ не только со «Стенькой Разиным», но и с «Микроскопом». Что общего между ними?

➤ Проектное задание ➤

Проведите конкурс на выразительное чтение рассказов Шукшина (или их фрагментов). Некоторые рассказы (или отрывки из них) можно инсценировать. Исполнению рассказов может предшествовать короткое сообщение «Юмор Шукшина» (над чем смеётся и чему добродушно улыбается писатель). Выберите жюри. Пусть оно обосновывает свои решения. Желательно, чтобы в обсуждении качества исполнения рассказов участвовали слушатели.

К рассказам, названным выше (в разделе «Приглашаем в библиотеку»), можно добавить «Раскас», «Упорный», «Сельские жители» и другие произведения по вашему выбору.

Николай
Михайлович
РУБЦОВ
(1936—1971)

С творчеством и краткими сведениями о биографии поэта вы познакомились в 6-м классе.

Ранние свои годы будущий поэт провёл в Вологодской области, в детском доме, куда попал после ухода отца на фронт и смерти матери. Учился в школе, лесотехническом техникуме, четыре года служил на Северном флоте. Здесь, на военной службе, начал серьёзно заниматься поэзией. После демобилизации работал в Ленинграде кочегаром, слесарем, затем учился в Москве в Литературном институте имени А. М. Горького. Последние годы жизни провёл в Вологде, где общался с Виктором Астафьевым и другими писателями.

Основные мотивы творчества Рубцова — Родина, природа, русские люди, мир человеческой души.

РУССКИЙ ОГОНЁК

1

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо тёмное, без звёзд.
Какая глушь! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем мёртвом поле!
Вдруг тихий свет — пригрезившийся, что ли? —
Мелькнул в пустыне, как сторожевой...
Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу, — последняя надежда! —
И услышал, отряхивая снег:
— Вот печь для вас и тёплая одежда... —
Потом хозяйка слушала меня,

Но в тусклом взгляде жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

2

Как много жёлтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!
Огнём, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый, будет ли война? —
И я сказал:
— Наверное, не будет.
— Дай Бог, дай Бог... ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет... —
И вдруг опять:
— Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, — наверное, не будет.
— Дай Бог, дай Бог...
И долго на меня
Она смотрела, как глухонемая,
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей? Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?
Но я глухим брэнчанием монет
Прервал её старинные виденья...
— Господь с тобой! Мы денег не берём.
— Что ж, — говорю, — желаю вам здоровья!
За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

3

Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,
За то, что, с доброй верою друга,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...

1964

~ Сопоставьте метафору «русский огонёк» с образной строкой «Огнём, враждой земля полным полна...» и последней строкой стихотворения. В чём вы видите обобщающий смысл метафоры?

О МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе — о русская земля! —
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было всё: смиренность и гордыня —
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!

Мрачнее тучи грозный Иоанн
Под ледяными взглядами боярства
Здесь исцелял невзгоды государства,
Скрывая боль своих душевных ран.
И смутно мне далёкий слышен звон:
То скорбный он, то гневный и державный!
Бежал отсюда сам Наполеон,
Покрылся снегом путь его бесславный...

Да! Он земной! От пушек и ножа
Здесь кровь лилась...
Он грозной был твердыней!
Пред ним склонялись мысли и душа,
Как перед славной воинской святыней.
Но как, взгляните, чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный —
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит?

И я молюсь — о русская земля! —
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны...

1968

СТАРАЯ ДОРОГА

Всё облака над ней,
всё облака...
В пыли веков мгновены и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы¹,
И машет им прощальная рука.
Навстречу им июльские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам — качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые вечности глаза!
То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин-властелин.
То по холмам, как три богатыря,
Ещё порой проскачут верховые,
И снова — глушь, забывчивость, заря,
Всё пыль, всё пыль да знаки верстовые...
Здесь каждый славен —

мёртвый и живой!

И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаюсь
Со всей звенящей солнечной листвою,
Перекликаюсь с теми, кто прошёл,
Перекликаюсь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пройдёт через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...

1966

~ Какой смысл заключает в себе метафорический эпитет «старая дорога»? Чем это стихотворение близко к стихотворению «О Московском Кремле»? Как воплощается в них мысль о единстве истории и современности, временного и вечного?

¹ Пилигрим — странствующий богомолец.

ЖУРАВЛИ

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа и природа,
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...

1966

Обдумаем прочитанное

Журавли принадлежат к числу птиц, особенно любимых народом. Недаром, видя улетающий косяк журавлей, вслед им кричали: «Колесом дорога!» (то есть возвращайтесь обратно). Вспомните стихотворения, рассказы, сказки, героями которых являются журавли. Чем, по-вашему, печальный плач и «высокий полёт» «гордых птиц» тревожат душу русского человека?

Обратите внимание на торжественный, медлительный ритм стихотворения. Какой поэтический размер придаёт ему эту торжественность и медлительность?

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Замерзают мои георгины,
И последние ночи близки.
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...

Нет, меня не порадует — что ты! —
Одинокая странствий звезда.
Пролетели мои самолёты,
Просвистели мои поезда.

142

Прогудели мои пароходы,
Проскрипели телеги мои, —
Я пришёл к тебе в дни непогоды,
Так изволь, хоть водой напои!

Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачёвские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря.

Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...

Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!

1967

ДО КОНЦА

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!

Перед этой
Жёлтой, захолустной
Стороной берёзовой
Моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом

143

Я клянусь:
Душа моя чиста.
Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

1969

☞ Покажите, как в последних двух стихотворениях слиты патриотические чувства поэта, любовь к людям и чувство высокой ответственности за прожитые годы.

Обдумаем прочитанное

1. Рубцов писал о себе: «Особенно люблю темы родины и скитаний, жизни и смерти, любви и удачи. Думаю, что стихи сильны и долговечно тогда, когда они идут через личное, через частное, но при этом нужна масштабность и жизненная характерность настроений, переживаний, размышлений...» Подтвердите первую мысль примерами. А как вы понимаете вторую мысль (о соединении в поэзии личного и характерного)? Обоснуйте свои соображения примерами из лирики Н. Рубцова.

2. Прочитайте один из сборников стихотворений Н. Рубцова (например, «Видения на холме», «Лирика» и др.). Если бы вам самим нужно было составить сборник из восьми-десяти стихотворений, какие произведения поэта вы в него включили бы? Почему?

✦ Подведём итоги ✦

Критика отмечала, что Рубцов — «в лучшем смысле слова национальный поэт. Дело не только в проблематике его стихов, где регулярно поднимаются мотивы судеб России, русской природы, русской истории. <...> Дело в том, что герой Рубцова несёт в себе набор основных черт русского национального характера, национальной психологии» (Русские писатели XX века. Биографический словарь).

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бессмертная эпоха в жизни человечества — эпоха западноевропейского Возрождения (Ренессанса).

Две колоссальные фигуры возвышаются над этим временем — английский драматург Шекспир и испанский романист и новеллист Сервантес.

Оба писателя обогатили литературу художественными образами необычайной мощи, ставшими вечными спутниками человечества. У Шекспира это Гамлет, Отелло, король Лир, Ромео и Джульетта; у Сервантеса — Дон Кихот. Созданные на материале одной эпохи, эти образы вышли за её рамки и стали значимы для всего человечества. Читатели разных поколений открывали и открывают в них всё новые и новые пласты, по-своему истолковывая, а иногда и переосмысляя их.

Уильям
ШЕКСПИР¹
(1564—1616)

Пушкин говорил, что Шекспир стоит на высоте недостижимой и что его произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов.

В биографии Шекспира много белых пятен, и потому учёные до сих пор спорят по поводу некоторых фактов его жизни.

Доподлинно известно, что родился будущий великий драматург в небольшом английском городке Стратфорде в семье ремесленника и торговца, учился в грамматической школе, где осваивал латынь и древнегреческий язык. Уже в ранние годы познакомился с драматическим искусством: спектакли в Стратфорде давали проезжие актёры.

В Лондоне, где Шекспир обосновался в конце 1580-х годов, он стал играть в театре, который впоследствии, после переезда в специально построенное для него помещение, получил название «Глобус». Для этого театра Шекспир стал писать пьесы (среди них появились такие шедевры, как «Король Лир», «Макбет», «Гамлет»).

Мировая слава пришла к драматургу, к сожалению, после его смерти.

Известный кинорежиссёр Г. М. Козинцев (1905—1973), постановщик фильмов по пьесам Шекспира «Гамлет», «Король Лир», писал:

«Он умер в 1616 году. Завещание было подробным. Говорилось даже о какой-то кровати похуже; однако произведения не упоминались. Рукописи драматурга тогда редко представляли самостоятельный интерес. Пьесы являлись имуществом актёрской компании. Трагедии и комедии Шекспира принадлежали театральной группе. <...>

В 1670 году закончился род Шекспира. Прямых наследников имени больше не существовало. Дом и земельный участок перешли к чужим людям. <...> Больше половины драматических сочинений могли остаться неизвестными. Сберегли его искусство не меценаты¹ или учёные, но товарищи по нелёгкой актёрской работе, друзья, такие же труженики, каким был он.

Два актёра собрали тексты тридцати шести пьес. На главном листе Джон Хеминг и Генри Конделл написали, что издадут книгу по рукописям. Но учёные не доверяют этим словам. Вероятно, рукописи были неполными, многих листов уже не хватало, оставшиеся страницы, как обычно в театральных экземплярах, пестрели вымарками и вставками. Некоторые пьесы пришлось восстанавливать по отдельным ролям. Кто-то припоминал, кто-то подсказывал, отсебятины сходили за слова автора. Так образовался первый свод. В 1623 году вышла в свет эта книга. <...>

Хеминг и Конделл, объясняя цель издания, нашли достойные слова. Не стремление к выгоде увлекало составителей, писали они в предисловии, нет, им попросту хотелось «сохранить живую память о столь бесценном друге и товарище, каким был наш Шекспир».

Бесценный друг и товарищ, наш Шекспир. Это — ясное, хорошо определенное, даже если оно относится к человеку, близкому не только двум актёрам, но и человечеству.

Состарились и умерли Хеминг и Конделл; их погребли рядом. Пуритане² закрыли все театры в Англии. А книга только начинала свою жизнь.

Мы с ней наедине, с той книгой. Я раскрываю кожаный переплёт: потемневшая старинная бумага, бережно разглаженная величайшими специалистами библиотечного дела, глубокая чёрная печать, одно из первых тиснений.

“Господина Вильяма Шекспира
комедии,
хроники и
трагедии...”

Под заголовком гравюра голландского художника Друсхоута. На тёмном фоне лицо мужчины с большими спокойными глазами, лоб полысел, волосы закрывают уши. Кто же этот человек? Автор бессмертных произведений или попросту

¹ *Меценат* — богатый покровитель наук и искусств.

² *Пуритане* — участники религиозного движения в Англии, сторонники исключительной строгости нравов.

¹ В некоторых изданиях имя Шекспира пишется «Вильям».

вымысел художника? Бен Джонсон¹ в стихах, посвящённых памяти Шекспира, советовал смотреть не на черты портрета, но постичь свойства ума, души писателя».

Григорий Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир. 1966 г.

Следуя совету Бена Джонсона, обратимся к творчеству величайшего драматурга, к одной из его первых трагедий — «Ромео и Джульетта» (1595).

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

В начале учебного года вы познакомились с одним из основных драматических жанров — комедией («Ревизор» Гоголя). Теперь пришла пора подумать над тем, что представляет собой другой важнейший драматический жанр — трагедия.

В основе трагедии лежит непримиримый жизненный конфликт, ведущий к гибели героя (или героев). Если комедия казнит общественные и личные недостатки и пороки людей смехом, то трагедия, ставя перед зрителями и читателями сложнейшие жизненные проблемы и показывая необыкновенных героев с сильными страстями, борющихся с непреодолимыми препятствиями, заставляет глубоко сопереживать происходящему на сцене. Приобщая к страданиям героев, трагедия как бы очищает, возвышает душу читателя и зрителя.

В начале учебного года мы говорили также об условности искусства. Эта особенность искусства в полной мере сказалась и в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».

Условна, конечно, сама обстановка театрального действия. Как и во всех драматических произведениях, четвёртая стена помещения, изображённого на сцене, отсутствует, и зритель получает возможность наблюдать за самыми сокровенными поступками героев, слышать их речи, отнюдь не предназначенные для посторонних.

Условны время и место действия трагедии. Мы не можем с уверенностью приурочить конфликт трагедии к какой-то точной дате, даже к какому-то определённом десятилетию. Да, этот конфликт был актуален во времена Шекспира, но он был возможен и значительно раньше. Недаром новеллы², в которых изображался конфликт, близкий к тому, что избрал для трагедии Шекспир, стали появляться в Италии ещё в середине XVI века (очевидно, с некоторыми из этих новелл

¹ Джонсон Бен (1573—1637) — английский драматург, теоретик драмы.

² Новелла — рассказ с острым, захватывающим сюжетом.

Шекспир был знаком). Имена героев, названия городов (Верона и Мантуя) в трагедии как будто связаны с Италией, но в пьесе отразился и дух старой Англии. Не случайно одну из героинь Шекспир называет не синьора Капулетти (как в Италии), а на английский лад — *леди* Капулетти. Впрочем, конфликт пьесы, её герои давно перешагнули пространство и время, связанное с эпохой Возрождения, и стали общечеловеческими, в большой мере современными и для нас.

Наконец, говоря об особенностях трагедии Шекспира, об условности её формы, отметим, что пьеса написана стихами, причём стихами без рифм (так называемыми «белыми»), хотя в некоторых местах драматург переходит на рифмованный стих, а там, где диалог принимает бытовой характер, — на прозу. Стихотворная речь придаёт трагедии торжественность, а нерифмованный стих в какой-то мере приближает её к естественной, прозаической речи.

В пьесе Шекспира вы столкнётесь и с некоторыми деталями, непривычными для нашего времени. Джульетте всего 14 лет, а она выходит замуж, и монах (брат Лоренцо) скрепляет этот брак. Подобный факт — не произвол драматурга. Ранние браки нередко встречались и в XIX веке, и — особенно в южных странах — даже в веке XX; тем более они были распространены в эпоху Возрождения.

Может вызвать удивление краткость времени, в которое развивается чувство героев, и быстрое, почти молниеносное согласие юной героини на брак. Опять-таки Шекспир не погрешил против истины: как говорят исследователи, в жилах людей этой эпохи текла горячая кровь, наполняя сердца мужчин и женщин могучими страстями.

О ТЕАТРЕ ВРЕМЁН ШЕКСПИРА

Представьте себе, что нам удалось попасть на спектакль в театр «Глобус».

Полдень. По узким улицам без тротуаров, держась подалеже от вонючих водосточков, мимо лавок, складов, садов с аренами для медвежьей травли тянется толпа людей разного звания и положения. Уже издали видно круглое здание с башней, на которой поднят флаг, означающий, что представление начнётся ровно в два часа. У входа установлено панно¹, изображающее Геркулеса, он держит на плечах небесную сферу. Назвав свой театр «Глобусом», устроители давали понять, что на сцене его будут показывать жизнь всего земного шара.

¹ Панно — здесь: картина.

Публики много; скоро она заполнит галереи и скамьи под открытым небом — для тех, кто небогат. Сцена, с трёх сторон окружённая зрителями, выступает далеко в зал. Декорации практически отсутствуют, их заменяют два-три бутафорских предмета да старые ковры, а то и просто холсты, наспех раскрашенные художником. Пол устлан камышом до самого навеса на двух столбах, красующихся в глубине сцены; сбоку идёт стена с альковом¹, который прикрыт занавесом. В нужных местах действия занавес поднимается, и альков предстаёт то комнатой замка, то кладбищенским склепом, то кельей учёного монаха.

Иллюзия правдоподобия исключена: поля сражений, залитые солнцем площади итальянских городов, датские равнины, венецианские каналы — всё это зрители должны вообразить без подсказок. Убеждают только сама пьеса и актёрская игра.

Перед спектаклем стоит шум и гвалт — обсуждают драгоценности посетителей лож, запасаются пудингом и яблоками, которые можно купить у спящих между рядами торговых. Но вот ударил гонг, прозвучала флейта, появился актёр, который кратко поясняет, о чём будет рассказано со сцены. И всё стихло. Зрители будут с напряжением следить за каждым поворотом судьбы героев, ловить каждую фразу. Быстро тускнеет серое лондонское небо, становится прохладно, сыро — действие не прерывается, и внимание публики не ослабевает. Шекспировский гений покорила её.

Сегодня дают «Ромео и Джульетту».

Эту трагедию поставили ещё в 1595 году, в старом помещении театра, но затем она шла в «Глобусе», пользуясь неизменным успехом. В ней блистал Бербедж (сын строителя театра), лучший актёр театра. Мальчики, исполнявшие роль заглавной героини, — а в те времена труппы были чисто мужскими, актёр просто не существовало — вырастали, осваивали другие амплуа², но пьеса продолжала жить...

(По ст.: *Зверев А.* Меж выпадов и пламенных клинков... // Уильям Шекспир. — М., 1989.)

¹ *Альков* — ниша в стене.

² *Амплуа* — роли, соответствующие дарованию актёра.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

(В сокращении)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эскал, князь Веронский.
Граф Парис, молодой человек, родственник князя.
Монтекки } главы двух враждующих домов.
Капулетти }
Дядя Капулетти.
Ромео, сын Монтекки.
Меркуцио, родственник князя, друг Ромео.
Бенволио, племянник Монтекки, друг Ромео.
Тибальт, племянник леди Капулетти.
Брат Лоренцо } францисканские монахи.
Брат Джованни }
Балтазар, слуга Ромео.
Самсон } слуги Капулетти.
Грегорио }
Пётр, слуга Джульеттиной кормилицы.
Абрам, слуга Монтекки.
Аптекарь.
Три музыканта.
Паж Париса.
Первый горожанин.
Леди Монтекки, жена Монтекки.
Леди Капулетти, жена Капулетти.
Джульетта, дочь Капулетти.
Кормилица Джульетты.
Горожане Вероны,
мужская и женская родня обоих домов,
ряженые, стража, слуги и хор.

Место действия — Верона и Мантуя.

ПРОЛОГ

Входит хор.

Хор

Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречаются нас соби́тья,
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролитья.

Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни,
И гибель их у гробовых дверей
Кладёт конец непримиримой розни.
Их жизнь, и страсть, и смерти торжество,
И поздний мир родни на их могиле
На два часа составят существо
Разыгрываемой пред вами были.
Помилостивей к слабостям пера:
Грехи поэта выправит игра.

ДЕЙСТВИЕ I

Ромео под видом монаха проникает на бал в дом своих врагов Капулетти, чтобы увидеть их красавицу-дочь Джульетту. Происходит первое свидание молодых людей, во время которого Ромео остаётся неузнанным.

Второе свидание происходит в саду Капулетти.

ДЕЙСТВИЕ II СЦЕНА ВТОРАЯ

Сад Капулетти.
Входит Ромео.

Ромео

<...> Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
Стань у окна. Убей луну соседством;
Она и так от зависти больна,
Что ты её затмила белизною.

На балконе показывается Джульетта.

Оставь служить богине чистоты.
Плат девственницы жалок и невзрачен.
Он не к лицу тебе. Сними его.
О милая! О жизнь моя! О радость!
Стоит, сама не зная, кто она.
Губами шевелит, но слов не слышно.
Пустое, существует взглядов речь!
О, как я глуп! С ней говорят другие.
Две самых ярких звездочки, спеша
По делу с неба отлучиться, просят
Её глаза покамест посверкать.
Ах, если бы глаза её на деле

Переместились на небесный свод!
При их сиянье птицы бы запели,
Принявши ночь за солнечный восход.
Стоит одна, прижав ладонь к щеке.
О чём она задумалась украдкой?
О, быть бы на её руке перчаткой,
Перчаткой на руке!

Джульетта

О, горе мне!

Ромео

Проговорила что-то. Светлый ангел,
Во мраке на балконе надо мной
Ты решишь, как крылатый вестник неба
Над головами поражённых толп,
Которые рассматривают снизу,
Как он над ними по небу плывёт.

Джульетта

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отринь отца да имя измени,
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.

Ромео

Прислушиваться дальше иль ответить?

Джульетта

Лишь это имя мне желает зла.
Ты был бы ты, не будучи Монтекки.
Что есть Монтекки? Разве так зовут
Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?
Неужто больше нет других имён?
Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови её, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен.

Ромео

О, по рукам! Теперь я твой избранник.
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.

Джульетта

Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

Ромео

Не смею

Назвать себя по имени. Оно
Благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попало мне в письмо,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.

Джульетта

Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?

Ромео

Ни тот, ни этот: имена запретны.

Джульетта

Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высока и неприступна.
Тебе здесь неминуемая смерть,
Когда тебя найдут мои родные.

Ромео

Меня перенесла сюда любовь,
Её не останавливают стены.
В нужде она решается на всё.
И потому — что мне твои родные?

Джульетта

Они тебя увидят и убьют.

Ромео

Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.
Взгляни с балкона дружелюбней вниз,
И это будет мне от них кольчугой.

Джульетта

Не попадись им только на глаза.

Ромео

Меня плащом укроет ночь. Была бы
Лишь ты тепла со мною. Если ж нет,
Предпочитаю смерть от их ударов,
Чем долгий век без нежности твоей.

Джульетта

Кто показал тебе сюда дорогу?

Ромео

Её нашла любовь. Я не моряк,
Но, если б ты была на крае света,
Не медля мига, я бы, не страшась,
Пустился в море за таким товаром.

Джульетта

Моё лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличье,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Не ставит ни во что любовных клятв.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковерной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатление
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупою должна тебе казаться.
Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц.
Мне следовало б сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за лёгкость и доступность.

Ромео

Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...

Джульетта

О, не клянись луною, в месяц раз
Меняющейся, — это путь к изменам.

Ромео

Так чем мне клясться?

Джульетта

Не клянись ничем

Или клянись собой, как высшим благом,
Которого достаточно для клятв.

Ромео

Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...

Джульетта

Не надо, верю. Как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.
Всё слишком второпях и стгоряча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц».
Спокойной ночи! Эта почка счастья
Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи! Я тебе желаю
Такого же пленительного сна,
Как светлый мир, которым я полна.

Ромео

Но как оставить мне тебя так скоро?

Джульетта

А что прибавить к нашему сговору?

Ромео

Клянись и ты, как клялся я тебе.

Джульетта

Я первая клялась и сожалею,
Что дело в прошлом, а не впереди.

Ромео

Ты б эту клятву взять назад хотела?

Джульетта

Да, для того, чтоб дать её опять.
Мне не подвластно то, чем я владею.
Моя любовь без дна, а доброта,
Как ширь морская. Чем я больше трачу,
Тем становлюсь безбрежней и богаче.

Голос кормилицы за сценой.

Меня зовут. Я ухожу. Прощай.
Иду, иду! — Прости, не забывай.
Я, может быть, вернусь ещё. Постой-ка.

(Уходит.)

Ромео

Святая ночь, святая ночь! А вдруг
Всё это сон, так непомерно счастье,
Так сказочно и чудно это всё!

На балкон возвращается Джульетта.

Джульетта

Ещё два слова. Если ты, Ромео,
Решил на мне жениться не шутя,
Дай завтра знать, когда и где венчанье.
С утра к тебе придёт мой человек
Узнать на этот счёт твоё решенье.
Я всё добро сложу к твоим ногам
И за тобой последую повсюду.

Кормилица

(за сценой)

Голубонька!

Джульетта

Иду! Сию минуту! —
А если у тебя в уме обман,
Тогда, тогда...

Кормилица

(за сценой)

Голубонька!

Джульетта

Немедля

Оставь меня и больше не ходи.
Я завтра справлюсь.

Ромео

Я клянусь спасеньем...

Джульетта

Сто тысяч раз прощай.

(Уходит.)

Ромео

Сто тысяч раз

Вздохну с тоской вдали от милых глаз.
К подругам мы — как школьники домой,
А от подруг — как с сумкой в класс зимой.

(Направляется к выходу.)

На балкон возвращается Джульетта.

Джульетта

Ромео, где ты? Дудочку бы мне,
Чтоб эту птичку приманить обратно!
Но я в неволе, мне кричать нельзя,
А то б я эхо довела до хрипа
Немолчным повтореньем этих слов:
Ромео, где ты? Где же ты, Ромео?

Ромео

Моя душа зовёт меня опять.
Как звонки ночью голоса влюблённых!

Джульетта

Ромео!

Ромео

Милая!

Джульетта

В каком часу
Послать мне завтра за ответом?

Ромео

В девять.

Джульетта

До этого ведь целых двадцать лет!
Я изождусь... Что я сказать хотела?

Ромео

Припомни, я покамест постою.

Джульетта

Постой, покамест я опять забуду,
Чтоб только удержать тебя опять.

Ромео

Припоминай и забывай, покуда,
Себя не помня, буду я стоять.

Джульетта

Почти рассвет. Пора тебе исчезнуть.
А как, скажи, расстаться мне с тобой?
Ты, как ручная птичка щеголихи,
Прикованная ниткою к руке.

Ей то дают взлететь на весь подвесок,
То тащат вниз на шёлковом шнурке.
Вот так и мы с тобой.

Ромео

Я был бы счастлив
Быть этой птицей.

Джульетта

Рада бы и я,
Да я б тебя убила частой лаской.
Однако окончательно прощай.
Прощай, прощай, а разойтись нет мочи!
Так и твердить бы век «Спокойной ночи».

(Уходит.)

Ромео

Прощай. Спокойный сон к тебе приди
И сладкий мир разлей в твоей груди!
А я пойду к отцу Лоренцо в келью
За помощью в сердечном нашем деле.

(Уходит.)

Монах Лоренцо тайно обвенчивает Ромео и Джульетту.

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Площадь.

Входят Меркуцио, Бенволио, паж и слуги.

Бенволио

Прошу тебя, Меркуцио, уйдём.
Сегодня жарко. Всюду Капулетти.
Нам неприятностей не избежать,
И в жилах закипает кровь от зноя.

Меркуцио

Ты похож на тех, кто, входя в трактир, кладёт шпагу на стол со словами: «Пронеси, Господи», — и хватается за неё при второй чарке без надобности.

Бенволио

Разве я таков?

Меркуцио

Милый мой, ты горяч, как все в Италии, и так же склонен к безрассудствам и безрассуден в склонностях.

Бенволио

Неужто?

Меркуцио

А то нет? Он ещё сомневается! Ведь ты готов лезть с кулаками на всякого, у кого на один волос больше или меньше в бороде, чем у тебя, или только за то, что человек ест каштаны, в то время как у тебя глаза каштанового цвета. Голова у тебя набита кулачными соображениями, как яйцо здоровою пищей, и, совершенно как яйцо, сбита всмятку вечными потасовками. Разве ты не поколотил человека за то, что он кашлянул на улице и разбудил твою собаку, лежавшую на солнце? Разве ты не набросился на портного, осмелившегося надеть новую пару до Пасхи, или на кого-то другого за то, что он новые башмаки подвязал старыми лентами? И такой-то хочет научить меня миролюбию!

Бенволио

Если бы я любил ссоры, как ты, я дал бы застраховать себя с гарантией на час с четвертью.

Меркуцио

Застраховать себя. Эх ты, гарантия!

Входит Тибальт и другие.

Бенволио

Ручаюсь головой, вот Капулетти.

Меркуцио

Ручаюсь пяткой, мне и дела нет.

Тибальт

За мной, друзья! Я потолкую с ними.
Словечко-два, не больше, господа.

Меркуцио

Словечко-два? Скажите, какая важность! Я думал, удар другой.

Тибальт

Я всегда готов к вашим услугам, дайте мне только повод.

Меркуцио
Его ещё надо давать?
Тибальт
Меркуцио, ты в компании с Ромео?

Меркуцио
В компании? Это ещё что за выраженьё? Что, мы в артели бродячих музыкантов? Если так, то не прогневайтесь. Вот мой смычок, которым я вас заставлю попрыгать. Это мне нравится! В компании!

Бенволио
Напрасно мы шумим среди толпы.
Одно из двух: уединимся — либо
Обсудим спор с холодной душой
И разойдёмся. Отовсюду смотрят.

Меркуцио
И на здоровье. Для того глаза.
Пускай их смотрят. Я не сдвинусь с места.

Входит Ромео.

Тибальт
Отстаньте, вот мне нужный человек.

Меркуцио
Ваш человек? К чему же он приставлен?
По-видимому, состоять при вас
Противником на вашем поединке.

Тибальт
Ромео, сущность чувств моих к тебе
Вся выразима в слове: ты мерзавец.

Ромео
Тибальт, природа чувств моих к тебе
Велит простить твою тупую злобу.
Я вовсе не мерзавец. Будь здоров.
Я вижу, ты меня совсем не знаешь.

Тибальт
Словами раздраженья не унять,
Которое всегда ты возбуждаешь.

Ромео
Неправда, я тебя не обижал.

А скоро до тебя дойдёт известье,
Которое нас близко породнит.
Расстанемся друзьями, Капулетти!
Едва ли знаешь ты, как дорог мне.

Меркуцио
Трусливая, презренная покорность!
Я кровью должен смыть её позор.
Как, крысолов Тибальт, ты прочь уходишь?
(*Вынимает шпагу.*)

Тибальт
Что, собственно, ты хочешь от меня?

Меркуцио
Одну из твоих девяти жизней, кошачий царь, в ожидании
восьми остальных, которые я выколочу следом. Тащи за уши
свою шпагу, пока я не схватил тебя за твои собственные.

Тибальт
(*вынимает шпагу*)
Не промедлю ни минуты.

Ромео
Меркуцио, оставь!
Меркуцио
Ну, сударь мой, а где *passado*¹ ваше?
(*Бьются.*)

Ромео
Вынь меч, Бенвольо! Выбивай из рук
У них оружие. Господа, стыдитесь!
Тибальт! Меркуцио! Князь ведь запретил
Побоища на улицах Вероны.
Постой, Тибальт! Меркуцио!

Из-под руки Ромео Тибальт ранит Меркуцио и скрывается
со своими сообщниками.

Меркуцио
Заколол!
Чума возьми семейства ваши оба!
А сам ушёл и цел?

¹ Выпад в дуэли на шпагах.

Бенволио

Большой укол?

Меркуцио

Царапина. Но и такой довольно.
Где паж мой? Сбегай, мальчик, за врачом.

Паж уходит.

Ромео

Мужайся, рана ведь не из глубоких.

Меркуцио

Ну, конечно, колодцы глубже и церковные двери шире.
Но довольно и этой. Кликни меня завтра, и тебе скажут, что я отбегался. Для этого света я переперчён, дело ясное. Чума возьми семейства ваши оба! Ах, собака, и крыса, и кошка! Зацарапать человека до смерти! Подлец бессовестный! Выучился драться по книжке! Какого чёрта затесались вы между нами? Меня ранили из-под вашей руки.

Ромео

Я вас хотел разнять.

Меркуцио

Веди, Бенволио,
Куда-нибудь. Я чувств сейчас лишусь.
Чума возьми семейства ваши оба!
Прекрасных ради глаз кормить червей!
Что ж, по заслугам!

Бенволио уходит с Меркуцио.

Ромео

Он мой друг и ранен
Из-за меня. Меня задел Тибальт,
Тибальт, который скоро больше часу
Стал мне родным. Благодаря тебе,
Джюльетта, становлюсь я слишком мягким.

Бенволио возвращается.

Бенволио

Ромео, наш Меркуцио угас.
Его бесстрашный дух вознёсся к небу,
С презреньем отвернувшись от земли.

Ромео

Недобрый день! Одно убийство это —
Грядущего недобрая примета.

Возвращается Тибальт.

Бенволио

Ты видишь, вот опять Тибальт кровавый.

Ромео

Как, невредим и на вершине славы?
А тот убит? Умолкни, доброта!
Огненноокий гнев, я твой отныне!
Тибальт, возьми обратно подлеца,
Которого сказал мне. Дух Меркуцио
Ещё не отлетел так далеко,
Чтобы тебя в попутчики не жаждать.
Ты или я разделим этот путь.

Тибальт

Нет, только ты. Ты в жизни с ним якшался,
Ты и ступай.

Ромео

Ещё посмотрим, кто.

Бьются. Тибальт падает.

Бенволио

Беги, Ромео! Живо! Горожане
В движенье. Ты Тибальта заколол.
Тебя осудят насмерть за убийство.
Что ты стоишь? Немедленно беги.

Ромео

Насмешница судьба!

Бенволио

Зачем ты медлишь?

Ромео уходит. Входят горожане.

Первый горожанин

Куда удрал головорез Тибальт?
Меркуцио мёртв. Держите негодяя!

Бенволио

Вот ваш Тибальт.

Первый горожанин

Я вас предупреждаю:
Вы арестованы. За мной, синор.

Входят князь со свитой, Монтекки, Капулетти, их жены и другие.

Князь

Кто подал поножовщины пример?

Бенволио

Светлейший князь, восстановить велите
Причину этого кровопролитья.
Рукой Ромео умерщвлён и нем
Убивший сам Меркуцио пред тем.

Леди Капулетти

Тибальт! Тибальт! Дитя родного брата!
О муж! О князь! О страшная утрата!
Кровь родственная наша пролилась.
Взыщи её с Монтекки, добрый князь!
Вот он стоит, убийца и мерзавец.

Князь

Я спрашиваю, кто самоуправец?

Бенволио

Виной Тибальт, который здесь простёрт.
Он оскорбил Ромео. Оскорблённый
Стерпел обиду и, наоборот,
Как мог, старался охладить Тибальта.
Но всё Тибальту было нипочём,
Он продолжал буянить. Тут вмешался
Меркуцио, сцепились, и пошло.
Они сражались долго с равной силой.
Вертясь почти всё время между шпаг,
Ромео их просил остановиться,
Но сам приблизил роковой исход.
Из-под его руки был ранен насмерть
Храбрец Меркуцио. Тибальт бежал
И думал скрыться, но потом вернулся.
Тогда Ромео вышел из себя,
И, прежде чем успел я разобраться,
Лежал Тибальт без жизни на земле
И от последствий убежал Ромео.
Вот поединка достоверный ход —
Я жизнью отвечаю за отчёт.

Леди Капулетти

Он из семьи Монтекки. Для него
Не истина важнее, а родство.
Их было двадцать человек и еле
Всем скопищем Тибальта одолели.
Схвати Ромео, князь. Убийца он
И по закону должен быть казнён.

Князь

Ромео был возмездия орудьем.
Кого мы за Меркуцио осудим?

Монтекки

Ромео меньше всех. Он с ним дружил
И мстил убийце, как и ты б отмстил.

Князь

И за поступок этот самочинный
Немедля будет выслан на чужбину.
А ваш раздор мне надоел вдвойне,
С тех пор как жизни близких стоит мне.
Я наложу на вас такую пеню,
Что вы оцените моё терпенье.
Я ваших жалоб не хочу читать
И больше вас не буду разнимать.
Но помните, чтобы остаться целым,
Ромео выедет к чужим пределам.
Очистить площадь! Уберите труп.
Кто друг убийцам — тоже душегуб.

(Уходят.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сад Капулетти.

Входит Джульетта.

Джульетта

Неситесь шибче, огненные кони,
К вечерней цели. Если б Фаэтон¹
Был вам возницей, вы б давно домчались.
И на земле настала б темнота.
О ночь любви, раскинь свой тёмный полог,
Чтоб укрывающиеся могли

¹ Фаэтон — герой греческой мифологии, управлявший солнечной колесницей.

Тайком переглянуться и Ромео
Вошёл ко мне неслышим и незрим.
Ведь любящие видят всё при свете
Волненьем загорающихся лиц.
Любовь и ночь живут чутьем слепого.
Прабабка в чёрном, чопорная ночь,
Приди и научи меня забаве,
В которой проигравший в барыше,
А ставка — непорочность двух созданий.
Скрой, как горит стыдом и страхом кровь,
Покамест вдруг она не осмелеет
И не поймёт, как чисто всё в любви.
Приди же, ночь! Приди, приди, Ромео.
Мой день, мой снег, светящийся во тьме,
Как иней на вороньем оперенье!
Приди, святая, любящая ночь!
Приди и приведи ко мне Ромео!
Дай мне его, когда же он умрёт,
Изрежь его на маленькие звёзды,
И все так влюбятся в ночную твердь,
Что бросят без вниманья день и солнце.
Я дом любви купила, но в права
Не введена, и я сама другому
Запродана, но в руки не сдана,
И день тосклив, как накануне празднеств.
Когда обновка сшита, а надеть
Не велено ещё. Но вот и няня
С вестями от Ромео, а тогда
Любой язык красноречив, как небо.

Входит кормилица с верёвками.

Какие вести, няня? Это что —
Верёвки для Ромео?

Кормилица

Да, верёвки.

(Бросает их наземь.)

Джульетта

Что ты ломаешь руки? Что с тобой?

Кормилица

Погибель наша! Светопреставление!
Убит, убит, родимая, убит,
Убит, болезный, отдал Богу душу.

Джульетта

Ужель так бессердечны небеса?

Кормилица

Не небеса, а милый твой Ромео.
А я-то, дура! Кто ж мог ожидать?

Джульетта

Зачем ты мучаешь меня, чертовка?
От этой пытки взвыли бы в аду.
Итак, Ромео сам с собой покончил?
Да или нет? Одно такое «да»
Убьёт меня, как око василиска¹.
Одно такое «да», и я не я,
И больше никогда собой не буду.
Ответь мне: да или нет, и слов не трать,
Чтоб осчастливить или доконать.

Кормилица

Сама видала рану. Вот такая.
Здесь, на груди. Не приведи Господь!
А крови сколько, крови! Лужа крови!
Сам белый-белый, точно полотно.
Я прямо обмерла, как увидала.

Джульетта

О сердце! Разорившийся банкрот!
В тюрьму, глаза! Закройтесь для свободы.
Стань снова прахом прах. В одном гробу
Ромео и тебя я погребу.

Кормилица

Тибальт, Тибальт! Сердечный друг Тибальт!
Какая речь! Какое обхожденье!
Зачем тебя должна я пережить!

Джульетта

Как, этот вихрь меняет направление?
Убит Ромео, и Тибальт убит?
Лишилась мужа я? Лишилась брата?
Что ж не трубит архангела труба?
Кто жив ещё, когда таких не стало?

Кормилица

Убит один Тибальт. Ромео жив.

¹ *Василиск* — сказочное существо, дракон, несущий гибель живому.

Он заколол Тибальта и в изгнание.

Джульетта

Ромео пролил кровь Тибальта?

Кормилица

Да.

Хоть верь, хотя не верь, а пролил, пролил!

Джульетта

О куст цветов с таящейся змеей!
Дракон в обворожительном обличе!
Исчадь ада с ангельским лицом!
Поддельный голубь! Волк в овечьей шкуре!
Ничтожество с чертами божества!
Пустая видимость! Противоречье!
Святой и негодяй в одной плоти!
Чем занята природа в преисподней,
Когда она вселяет сатану
В такую покоряющую внешность?
Зачем негодный текст переплетён
Так хорошо? Откуда самозванец
В таком дворце?

Кормилица

В мужчинах нет ни в ком

Ни совести, ни чести. Всё притворство,
Пустое обольщенье и обман.
Глоток наливки! Эти огорченья
Меня, старуху, скоро вгонят в гроб.
Ромео опозорен.

Джульетта

Что ты мелешь?

Ромео для позора не рождён.
Позор стыдится лба его коснуться.
На этом незапятнанном лице
Могла бы честь короноваться. Низость,
Что я осмелилась его бранить.

Кормилица

А что ж тебе хвалить убийцу брата?

Джульетта

Супруга ль осуждать мне? Бедный муж,
Где доброе тебе услышать слово,

Когда его не скажет и жена
На третьем часе брака? Ах, разбойник,
Двоюродного брата умертвил!
Но разве было б лучше, если б в драке
Тебя убил разбойник этот, брат?
Вернитесь вспять к своим истокам, слёзы!
Вы не у места. Данники тоски,
Вы счастьем дань несёте по ошибке.
Супруг мой жив, которого Тибальт
Хотел убить. Убит Тибальт, который
Хотел его убить. Всё обошлось.
Так что ж я плачу? Слово я слыхала.
Тибальта жалко, но оно страшней.
Я рада бы забыть его, но память
Полна им, как раскаяньем злодей.
«Тибальт убит, а твой Ромео изгнан».
Вот это слово: «Изгнан». Этот звук
Страшнее смерти тысячи Тибальтов.
Достаточно Тибальтова конца.
Но если горю скучно в одиночку
И требуется общество, скажи
Вслед за известьем о конце Тибальта
Про гибель матери или отца,
Или обоих, если очень нужно.
Но на Тибальтов труп нагромождать
Слова: «Ромео изгнан» — это слишком,
И значит — уничтожить мать, отца,
Тибальта, и Ромео, и Джульетту.
«Ромео изгнан» — это глубина
Отчаянья без края и без дна.
Где мой отец и мать, скажи мне, няня?

Кормилица

Рыдают над Тибальтом без скончанья.
Не хочешь ли ты к ним? Я отведу.

Джульетта

Не надо, няня. Пусть поплачут сами.
Ромео я не ворочу слезами.
Но вот всё время, к моему стыду,
Верёвочная лестница в виду.
Зачем она валяется без цели?
Тут и без лестниц в девках овдовели.
Возьми её. Я лягу на кровать,

Не жениха, а скорой смерти ждать.
Кормилица
Ну, так и быть. Я знаю, где Ромео.
Утешься, детка. Я его найду
И к вечеру доставлю непременно.
Сейчас отправлюсь. Он в монастыре.

Джульетта
Надень ему кольцо на безымянный,
И пусть придёт проститься на заре.
(Уходят.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Комната Джульетты.
Ромео и Джульетта.

Джульетта
Уходишь ты? Ещё не рассвело.
Нас оглушил не жаворонка голос,
А пенье соловья. Он по ночам
Поёт вон там на дереве граната.
Поверь, мой милый, это соловей!

Ромео
Нет, это были жаворонка клики,
Глашатая зари. Её лучи
Румянят облака. Светильник ночи
Сгорел дотла. В горах родился день
И тянется на цыпочках к вершинам.
Мне надо удалиться, чтобы жить,
Или остаться и проститься с жизнью.

Джульетта
Та полоса совсем не свет зари,
А зарево какого-то светила,
Взошедшего, чтоб осветить твой путь
До Мантуи огнём факелоносца.
Побудь ещё. Куда тебе спешить?

Ромео
Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна,
Я и подавно остаюсь с тобой.
Пусть будет так. Та мгла — не мгла рассвета,

А блеск луны. Не жаворонка песнь
Над нами оглашает своды неба.
Мне легче оставаться, чем уйти.
Что ж, смерть так смерти! Так хочется Джульетте.
Поговорим. Ещё не рассвело.

Джульетта
Нельзя. Нельзя. Скорей беги: светает.
Светает. Жаворонок-горлодёр
Своей нескладицей нам режет уши.
А мастер трели будто разводит.
Не трели он, а любящих разводит.
И жабы будто у него глаза.
Нет, против жаворонков жабы — прелесть!
Он пеньем нам напомнил, что светло
И что расстаться время нам пришло.
Теперь беги: блеск утра всё румяней.

Ромео
Румяней день, и всё черней прощанье.
В комнату входит кормилица.

Кормилица
Джульетта!

Джульетта
Няня?

Кормилица
Матушка идёт.
Светает. Осторожнее немножко.

(Уходит.)
Джульетта
В окошко день, а радость из окошка.

Ромео
Обнимемся. Прощай! Я спрыгну в сад.

Джульетта
Ты так уйдёшь, мой друг, мой муж, мой клад?
Давай мне всякий час всё это время
Знать о себе. В минуте столько дней,
Что, верно, я на сотни лет состарюсь,
Пока с моим Ромео свижусь вновь.

Ромео

Я буду посылать с чужбины весть
Со всяким, кто её возьмётся свезть.

Джульетта

Увидимся ль когда-нибудь мы снова?

Ромео

Наверное. А беды эти все
Послужат нам потом воспоминаньем.

Джульетта

О Боже, у меня недобрый глаз!
Ты показался мне отсюда, сверху,
Опущенным на гробовое дно
И, если верить глазу, страшно бледен.

Ромео

Мне кажется, и ты бледна, как труп.
Печаль всю кровь согнала с наших губ.
Прощай, прощай!

(Уходит.)

Джульетта

Судьба, тебя считают
Изменчивою. Если так, судьба,
То в самом деле будь непостоянной
И вдалеке не век его держи.

Леди Капулетти

(за сценой)

Ты встала, дочь?

Джульетта

Кто говорит со мною?

Вы, матушка? Ещё вы не легли
Иль поднялись? Что надо вам так рано?

Леди Капулетти

Ну как, Джульетта?

Джульетта

Мне не по себе.

Леди Капулетти

Всё плачешь об убитом? Но слезами

Его не выполощешь из земли,
А вымоешь — не оживить. Довольно.
Поплакать в меру — знак большой любви,
А плач без меры — признак тупоумья.

Джульетта

А если так утрата велика?

Леди Капулетти

Ведь слёз твоих утраченный не видит.

Джульетта

Да я ж их по своей охоте лью.

Леди Капулетти

Ты плачешь не о том, что нет Тибальта,
А что подлец, его убивший, жив.

Джульетта

Какой подлец?

Леди Капулетти

Ромео!

Джульетта

(в сторону)

Он и подлость
Удалены безмерно. — Видит Бог,
Ещё никто так не терзал мне сердца!

Леди Капулетти

Всё потому, что он ещё живёт.

Джульетта

Живёт и для меня недосыгаем.
Я за Тибальта отомщу сама.

Леди Капулетти

Отмстим и мы, ты можешь быть покойна:
Я в Мантую пошлю, где, говорят,
Скрывается преступник. Там сумеют
Отравы подмешать ему в еду.
Он в гости поторопится к Тибальту,
И это восстановит твой покой.

Джульетта

Я, правда, никогда не успокоюсь,
Пока Ромео не в моих руках.

Найдите человека для посылки,
А яд Ромео я сама същу.
О, что за мука слышать это имя
И быть не в силах броситься к нему,
Чтоб из любви к несчастному Тибальту
Его в объятьях насмерть задушить!

Леди Капулетти

Составь мне смесь, а я гонца достану.
Теперь тебе я радость сообщу.

Джульетта

В такое время радость очень кстати.
Итак, в чём радость эта состоит?

Леди Капулетти

Отец твой полон о тебе заботы.
Чтобы тебя развлечь, он выбрал день
Для праздника. Нам и во сне не снилось
Нежданное такое торжество.

Джульетта

Что ж, в добрый час. Когда назначен праздник?

Леди Капулетти

В четверг, моя хорошая. В четверг
Прекрасный граф Парис, твой наречённый,
С утра нас приглашает в храм Петра,
Чтобы с тобою сочетаться браком.

Джульетта

Клянусь Петровым храмом и Петром,
Ничем с Парисом я не сочетаюсь!
Какая спешка! Гонят под венец
Когда жених и глаз ещё не кажет.
Благодарю! Уведомьте отца,
Что замуж рано мне, а если надо,
Скорее за Ромео я пойду,
Чем выйду за Париса. Вот так радость!

Леди Капулетти

Вот он идёт. Скажи ему сама.
Посмотрим, как он примет эти речи.

Входят Капулетти и кормилица.

Капулетти

Закат сопровождается росой,
Племянника ж закат отмечен ливнем.
Опять потоки? Всё ещё в слезах?
На взгляд такое щупленькое тельце,
А борется, как на море корабль,
С пучиной слёз и ураганом вздохов
До воцаренья новой тишины.
Ну, как дела? Уже ты сообщила
Ей наше повеление, жена?

Леди Капулетти

Сказала, но она не хочет слушать,
Отказывается. Благодарит.

Капулетти

Что? Что? Не слышу. Повтори. Не хочет?
Благодарит? Она не поняла
Всей этой чести? Ей не очевидно,
Во сколько раз жених знатнее нас?
Она находкой нашей не гордится?

Джульетта

Должна благодарить, но не горжусь.
Какая гордость в том, что ненавистно?
Но и напрасный труд ваш дорог мне.

Капулетти

Вот логика! Прости, не понимаю.
Где связь? То «благодарна» и «горда»,
То «не горда» вдруг и «не благодарна».
Брось эти штуки, маменькина дочь!
Что гордость мне твоя и благодарность?
А вот в четверг, пожалуйста, изволь
Пойти венчаться в храм с Парисом или
Тебя я на верёвке притащу.
В чём держится душа, холера, падаль!
Разважничалась!

Леди Капулетти

Вы с ума сошли!

Джульетта

Отец, прошу вас слёзно на коленях,
Позвольте только слово мне сказать!

Капулетти

Ни звука! Всё заранее известно.
В четверг будь в церкви или на глаза
Мне больше никогда не попадайся.
Молчать, молчать! Роптали, дураки,
Что дочь у нас одна, а на поверку
И этой много, так нас допекла!
У, подлая!

Кормилица

Избави Боже, сударь!
О дочке отзываться так нельзя.

Капулетти

А почему, наставница с указкой?
К соседкам шли бы языком трепать!

Кормилица

Я зря не вру.

Капулетти

Проваливайте к Богу!

Кормилица

Нельзя и рта открыть?

Капулетти

Вам говорят,
С соседками за кружкой судачьте.
Тут не кабак.

Леди Капулетти

Вы слишком горячи.

Капулетти

Меня с ума всё это сводит. Боже!
Где б ни был я и что б ни затевал,
В гостях ли, дома ль, вечно, днём и ночью,
Моею мыслью было подыскать
Ей жениха. И, наконец, он найден.
Богач, красавец, знатный человек,
Воспитан, воплощенье всех достоинств,
Мечта и сон, а эта тварь пищит:
«Я не хочу. Я не могу. Мне рано.
Простите». Ты не можешь? Хорошо.
Прощаю. Но изволь вперёд кормиться

Где хочешь, только больше не со мной.
Имей в виду, я даром слов не трачу.
На размышленья у тебя два дня,
И если ты мне дочь, то выйдешь замуж,
А если нет, скитайся, голодай
И можешь удавиться: Бог свидетель,
Тебе тогда я больше не отец.
Так вот подумай. Это ведь не шутки.

(Уходит.)

Джульетта

Ужель нет состраданья в небесах?
Им видно ведь насквозь моё несчастье.
Ах, матушка, не выгоняйте вон!
Отсрочьте брак на месяц, на неделю
Или с Тибальтом положите в склеп!

Леди Капулетти

Всё обсудили. Поступай как знаешь.
Молчи. Я слова больше не скажу.

(Уходит.)

Джульетта

О Господи! О нянюшка! Что делать?
Обет мой в небе, у меня есть муж.
Как клятву мне вернуть с небес на землю,
Пока мой муж не улетел с земли?
Зачем судьба куёт такие ковы
Столь беззащитным существам, как я?
Ну, что ты скажешь, няня? Неужели
Нет утешенья?

Кормилица

Утешенье есть.

Ромео в ссылке. Он остережётся
Соваться к нам и требовать тебя.
Поэтому я вышла бы за графа.
Он — милочка. Ромео — мелюзга
В сравненье с ним. Такой грозы во взоре
Не сыщешь у орлов. Твой новый брак
Затмит своими выгодами первый.
А нынешний твой муж в такой дали,
Что это — как покойник, та же польза.

Джульетта

Ты говоришь от сердца?

Кормилица
От души.

Джульетта
Аминь!

Кормилица
Что?

Джульетта
Ты меня переродила.
Спустись-ка вниз и матушке скажи:
Я принесу Лоренцо покаянье
В грехе непослушания отцу.

Кормилица
Пойду скажу. Вот это шаг похвальный.
(Уходит.)

Джульетта
Ведь вот он, вот он, первородный грех.
О демон-соблазнитель! Что подлее?
Толкать меня на ложь или хулить
Ромео тем же языком, которым
Она его хвалила столько раз?
Разрыв, разрыв! Меж нами пропасть, няня.
И если не поможет мне монах,
Есть средство умереть в моих руках.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Келья брата Лоренцо.
Входят брат Лоренцо и Парис.

Брат Лоренцо
До четверга короткий слишком срок.

Парис
Так хочет тесть, и спешки Капулетти
Ничем я не намерен ослаблять.

Брат Лоренцо
Невестин образ мыслей вам неведом?
Не нравится мне что-то это всё.

Парис
Она всё время плачет о Тибальте.
Я ни о чём не мог с ней говорить.
Любовь не ко двору в домах, где траур,
Но против этих слёз её отец,
Они вредят здоровью. Он считает,
Что брак остановил бы их поток,
Который разлился в уединенье
И в обществе вошёл бы в берега.
Вы поняли причину нашей спешки?

Брат Лоренцо (в сторону)
К несчастью!

(громко)
А вот она сама.

Входит Джульетта.
Парис
Счастливы миг, прекрасная супруга!

Джульетта
Мы не принадлежим ещё друг другу.

Парис
В четверг вы станете моей женой.

Джульетта
Всё в воле Божьей!

Брат Лоренцо
Только в ней одной.

Парис
Вы к брату исповедаться явились?

Джульетта
Ответить — было б исповедью вам.

Парис
Как вы от слёз заметно похудели!

Джульетта
Я не была и раньше хороша.

Парис

Зачем наружность портите вы ложью?

Джульетта

Я на своё лицо не клеветцу
И, думаю, своим чертам — хозяйка.

Парис

Они мои, а вы черните их.

Джульетта

За то их, видно, и черню, что ваши.
Свободны ль вы теперь, святой отец,
Иль лучше мне прийти перед вечерней?

Брат Лоренцо

Нет, у меня сейчас как раз досуг.
Нам надо с ней одним остаться, сударь.

Парис

Избави Бог молитве помешать.
В четверг приду вас поднимать, Джульетта,
Пока ж позвольте вас поцеловать.

(Уходит.)

Джульетта

Запри за ним. Поплачь со мной немного.
Всеми конец! Надежды больше нет!

Брат Лоренцо

Джульетта, мне твоя печаль известна.
Как быть тебе — ума не приложу.
В четверг, слышал, твоё венчанье с графом
И будто отложить его нельзя.

Джульетта

Не говори, раз выхода не видишь.
И если ты не можешь мне помочь,
То оправдай меня по крайней мере,
И мне в беде поможет этот нож.
Бог нам сердца связал, ты сплёл нам руки.
Я отдана Ромео. Прежде чем
Я руку с сердцем передам другому,
Я сердца жизнь рукою пресеку.
Итак, перебери свой долгий опыт
И вспомни, нет ли случая, как мой.

А то кинжал посредником мне будет
И с честью отстоит мой правый иск.
Будь короток, не говори пространно.
Дай умереть иль залечи мне рану.

Брат Лоренцо

Стой, дочка. Я обдумываю шаг,
Такой же, впрочем, страшный, как опасность,
Которую хотим мы отворотить.
Ты говоришь, что вместо свадьбы с графом
В себе нашла бы силу умереть?
Что ж, если так, есть средство вроде смерти
От этого позора и беды.
Я дам его, но тут нужна решимость.

Джульетта

Чтоб замуж за Париса не идти,
Я лучше брошусь с башни, присосежусь
К разбойникам, в змеятник заберусь
И дам себя сковать вдвоём с медведем.
Я вместо свадьбы лучше соглашусь
Заночевать в мертвецкой или лягу
В разрытую могилу. Всё, о чём
Я прежде слышать не могла без дрожи,
Теперь я, не колеблясь, совершу,
Чтоб не нарушить верности Ромео.

Брат Лоренцо

Тогда ступай уверенно домой.
Будь весела и дай отцу согласие
На свадьбу с графом. Завтра среда.
Ляг завтра спать одна. Устрой, чтоб няня
Не оставалась на ночь наверху.
Пред сном откупори бутылку эту.
Когда ты выпьешь весь раствор до дна,
Тебя скуёт внезапный холод. В жилах
Должна остановиться будет кровь.
Ты обомрёшь. В тебе не выдаст жизни
Ничто: ни слабый вздох, ни след тепла.
Со щёк сойдёт румянец. Точно ставни,
Захлопнутся вглухую веки глаз.
Конечности, лишившись управления,
Закоченеют, как у мертвецов.
В полуумершем этом состоянии
Ты будешь полных сорок два часа

И после них очнёшься освежённой.
Когда тебя придёт будить Парис,
Ты будешь мёртвой. Как у нас обычай,
Тебя в гробу без крышки отнесут
В фамильную гробницу Капулетти.
Я вызову Ромео. До того,
Как ты проснёшься, мы с ним будем в склепе.
Вы сможете уехать в ту же ночь.
Вот выход, если ты не оробеешь
Или не спутаешь чего-нибудь.

Джульетта

Дай склянку мне. Не говори о страхе.

Брат Лоренцо

Возьми её. Я напишу письмо
И в Мантую отправлю с ним монаха.
Мужайся и решимость прояви!

Джульетта

Решимость эту я найду в любви.
Прощай, отец.

(Уходят.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната Джульетты.

Входят Джульетта и кормилица.

Джульетта

Да, это платье лучше всех. Но, няня,
Оставь меня на эту ночь одну.
Мне надо облегчить пред свадьбой душу.
Ты знаешь, сколько в ней греховных тайн,
И я должна их отмолить пред небом.

Входит леди Капулетти.

Леди Капулетти

Вы заняты? Быть может, вам помочь?

Джульетта

Нет, матушка. Мы всё, что нужно завтра,
Собрали сами. Если вы не прочь,
Пожалуйста, меня одну оставьте,
А няня вам поможет в беготне.
У вас хлопот немало нынче ночью.

Леди Капулетти

Спокойной ночи. Ляг и отдохни.
Тебе необходимо.

Леди Капулетти и кормилица уходят.

Джульетта

Все прощайте.

Бог весть, когда мы встретимся опять.
Меня пронизывает лёгкий холод,
И ужас останавливает кровь.
Я позову их. Мне без них тоскливо.
Кормилица! Нет, здесь ей дела нет.
Одна должна сыграть я эту сцену.
Где склянка?
Что, если не подействует питьё?
Тогда я, значит, выйду завтра замуж?
Нет. Вот защита. Рядом ляг, кинжал.

(Кладёт кинжал на постель.)

Что, если это яд? Ведь для монаха
Грозит разоблачением этот брак.
А если я умру, то не узнают,
Что он меня с Ромео обвенчал.
Да, это так. Нет, это невозможно!
Он праведником слыл до этих пор.
Что, если я очнусь до появления
Ромео? Вот что может напугать!
Не задохнусь ли я тогда в гробнице
Без воздуха, задолго до того,
Как он придёт ко мне на избавленье?
А если и останусь я жива,
Смогу ль я целым сохранить рассудок
Средь царства смерти и полночной тьмы
В соединенье с ужасами места
Под сводами, где долгие века
Покоятся останки наших предков
И труп Тибальта начинает гнить,
Едва зарытый в свежую могилу?
Где временами, как передают,
Выходят мертвецы в ночную пору.
Увы, увы, кто поручится мне,
Что ежели я встану слишком рано,
То трупный смрад и резкость голосов,

Чудовищных, как стоны мандрагоры¹,
Немедля не сведут меня с ума,
Как сводят всех, кто слышал эти крики?
Как поручусь, что рук не запыщу
В сыпучий прах и савана с Тибальта
Не стану рвать и что, вооружась
Берцовой костью предка как дубиной,
Я головы себе не размозжу?
Гляди, гляди! Мне кажется, я вижу
Двоюродного брата. Он бежит
На поиски Ромео. Он кричит,
Как смел тот насадить его на шпагу.
Остановись, Тибальт! Иду к тебе
И за твоё здоровье пью, Ромео!

(Падает на постель за занавески.)

• СЦЕНА ПЯТАЯ

Комната Джульетты.
Входит кормилица.

Кормилица

Сударыня! Сударыня! Вставай!
Пора вставать! Ай-ай, какая соня!
Ну, погоди! Вот я её, козу,
Вот я её! Как, так-таки ни слова?
Да ладно, ладно. Спи, пока дают.
Спи про запас. Твой граф себя забудет,
А спать тебе не даст. Вот крепкий сон!
Однако разбужу её. Джульетта!
Джульетта! Разве будет хорошо,
Когда тебя застанет граф в постели?
Ему-то что. Небось, он будет рад.

(Отдёргивает занавеску.)

Никак, одета? Встала, нарядилась
И снова бух? Уж это извини!
Сударыня! Сударыня! А ну-ка...
Не может быть... Сюда! Она мертва!
О Господи! О Господи! На помощь!
Глоток наливки! Не перенесу.

Входит леди Капулетти

¹ *Мандрагора* — растение, которому в древности приписывали магическую силу.

Леди Капулетти
Что ты шумишь?

Кормилица

Ужасное несчастье.

Леди Капулетти

Какое?

Кормилица

Посмотрите. Не могу...

Леди Капулетти

Ах жизнь моя, дитя моё родное!
Взгляни, очнись, иль я умру с тобой.
На помощь! Помогите!

Входит Капулетти.

Капулетти

Безобразье!

Жених внизу, а этой нет как нет.

Кормилица

Джульетта померла. Она скончалась.

Леди Капулетти

Джульетты нет! Джульетта умерла!

Капулетти

Пустите! Быть не может! Ни кровинки.
Окоченела. Холодна как лёд.
О Господи, она давно без жизни!
Всё кончено! Как на поле мороз,
Смерть пеленой лежит на этом теле.

Кормилица

О, горе, горе!

Леди Капулетти

О, беда, беда!

Капулетти

Смерть, взявшая её без сожаленья,
Сжимает рот мне и лишает слов.

Входят брат Лоренцо, Парис и музыканты.

Брат Лоренцо

Ну как? Готова в храм идти невеста?

Капулетти

Идти — пойдёт, но не придёт назад.
О сын мой, накануне обрученья
Твоей невестой овладела смерть!
Вон, как цветок со сломанной головкой,
Лежит она. Её в супруги взял
Подземный царь. Он зять мой и наследник.
Я жить устал и умереть хочу
И всё ему добро и жизнь оставлю.

Парис

Как долго ждал я нынешнего дня
И как ужасно он меня встречает!

Леди Капулетти

Проклятый, страшный, несчастливый день!
Тягчайший, самый страшный и несчастный
Из всех, какие только видел свет.
Одна была надежда и богатство,
Одна, одна-единственная дочь,
И даже той судьба не пощадила!

Кормилица

О Боже, не глядели бы глаза!
Какой проклятый день! Какой проклятый!
Какой проклятый, проклятущий день!
О Господи, глаза бы не глядели!

Парис

Я разведён, обманут, втоптан в грязь.
Как низко, смерть, меня ты обманула,
Как превратила в полное ничто!
О жизнь моя! О прелесть!

Капулетти

Я оплёван,
Осмеян, искалечен, умерщвлён.
Зачем пришло ты, бедственное время,
Наш долгожданный праздник убивать?
Дитя мое! Душа, а не ребёнок!
Ты умерла. Душа моя мертва.
А без тебя что все мои отрады?

Брат Лоренцо

Стыдитесь! Тише! Слёзы не исход
В несчастии. Она принадлежала

Семье и небу. Ныне лишь оно
Владеет ей, и там ей будет лучше.
Её от смерти не уберёгли,
А небо ей сияет вечной жизнью.
В своих заботах о её судьбе
Мечтали вы её возвысить в свете.
Что ж плачете вы, видя вашу дочь
Так высоко за облаками в небе?
Знать, мало вы любили дочь свою,
Когда не рады, что она в раю.
Вы строили для дочки счастья планы?
Счастливейшие умирают рано.
Уймём свой плач и, как заведено,
Осыпем это тело розмарином
И вынесем в венчальном платье в храм.
Природа слабодушна и рыдает,
Но разум твёрд, и разум побеждает.

Капулетти

Что только было шуму и хлопот —
Всё наизнанку и наоборот.
Не пир, а погребенье. Вместо скрипок
Церковный хор и звон колоколов.
Накрытый стол послужит для поминок.
Венчальные цветы пойдут на гроб.
Всё обратилось в противоположность.

Брат Лоренцо

Отправимся. Сударыня, и вы.
Вы тоже, граф. Пойдите приготовьтесь.
Её пора на кладбище нести.
Наверно, в вышних не довольны вами.
Не гневайте их лишними слезами.

Капулетти, леди Капулетти, Парис и монах уходят. <...>

ДЕЙСТВИЕ V

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Мантуя. Улица.
Входит Ромео.

Ромео

Когда я вправе доверяться сну,
Он обещает мне большую новость.

Я возбуждён и весел целый день.
Какие-то живительные силы
Меня как будто носят над землёй.
Я видел сон. Ко мне жена явилась.
А я был мёртв и, мёртвый, наблюдал.
И вдруг от жарких губ её я ожил
И был провозглашён царём земли.
Как много значит страсть на самом деле,
Когда так много значит мысль о ней!

Входит Балтазар.

А, Балтазар! С вестями из Вероны?
От моего монаха писем нет?
Ну, как жена? Что дома? Как Джульетта?
Скажи скорее. Дело только в ней,
И всё в порядке, если ей не плохо.

Балтазар

Да, дело в ней. Джульетте хорошо.
Её останки в склепе Капулетти.
Её душа среди ангелов небес.
Я видел, как её похоронили,
И выехал вас тотчас известить.
Помилуйте меня за эту новость.
Я утаить от вас её не смел.

Ромео

Нет, что ты говоришь! Святое небо!
Беги в мой дом. Бумаги и чернил.
Достанем лошадей и выезжаем.

Балтазар

Не надо падать духом, господин.
У вас горят глаза, и ваша бледность
Добра не предвещает!

Ромео

Пустяки.
Оставь меня и делай, что велели.
Мне, значит, от монаха писем нет?

Балтазар

Нет, сударь!

Ромео

Всё равно. Так отправляйся
За лошадьми. Я скоро сам приду.

Балтазар уходит.

Джульетта, мы сегодня будем вместе.
Обдумаю, как это совершить.
Как ты изобретательно, несчастье!
Аптекаря я вспомнил. Он живёт
Поблизости. На днях его я видел.
Он травы разбирал. Худой старик,
Весь отощавший от нужды, в лохмотьях.
В аптеке черепаха, крокодил
И чучела иных морских уродов¹.
Кругом на полках нищенский набор
Горшечных черепков, пустых коробок,
Верёвочных обрывков, трав, семян.
И отсыревших розовых лепёшек.
Плачевный хлам, которому с трудом
Придать старались видимость товара.
Тогда же мысль мне в голову пришла:
Когда б у вас нужда явилась в яде,
Который запрещают продавать
Законы Мантуи под страхом смерти,
Несчастный этот вам его продаст.
Как кстати я тогда о нём подумал!
Сейчас он должен будет мне помочь.
Вот, кажется, как раз его лачуга.
Сегодня праздник, лавка заперта.
Аптекарь! Эй, аптекарь!

Входит аптекарь.

Аптекарь

Что угодно?

Ромео

Поди сюда. Я вижу, ты бедняк.
Вот пятьдесят дукатов. Дай мне яду.
Мне надобно такое вещество,
Чтоб через миг давало полный отдых
От жизни и с такой же быстротой
Освобождало тело от дыханья,
С какой из орудийного жерла
Молниеносно вылетают ядра.

¹ В средневековых аптеках были представлены высушенные части животных, имевшие, по поверьям, лечебную силу.

Аптекарь

Составы есть. Но в Мантуе казнят
Торгующих такими веществами.

Ромео

Ты так убог и жизнью дорожишь?
Провалы щёк твоих — живая повесть
О голоде, горящие глаза —
Об униженьях, ницета согнула
Тебя в дугу. Свет не в ладах с тобой.
Его закон — не твой. Его обычай
Не даст тебе богатства. Ну так что ж?
Рассорься с миром, сделай беззаконье,
Спрячь эти деньги и разбогатеи.

Аптекарь

Не я — моя нужда даёт согласие.

Ромео

И я плачу нужде, а не тебе.

Аптекарь

Вот порошок. В любую жидкость всыпьте,
И, будь в вас силы за двадцатерых,
Один глоток уложит вас мгновенно.

Ромео

Вот золото, гораздо больший яд
И корень пущих зол и преступлений,
Чем этот безобидный порошок.
Не ты, а я всучил тебе отраву.
Купи себе еды и откормись.
Тебя ж, моё спасительное зелье,
Я захвачу к Джульетте в подземелье.

(Уходят.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Джованни.

Брат Джованни

Брат во святом Франциске! Здравствуй, брат.

Входит брат Лоренцо.

Брат Лоренцо

Ах, это брат Джованни. Ты вернулся?
Что говорит Ромео? Может быть,
Есть от него из Мантуи записка?

Брат Джованни

Я в путь с собой хотел монаха взять,
Ухаживающего за больными.
Когда я был у брата, нашу дверь
Замкнули сторожа из карантина,
Решив, что мы из дома, где чума,
И не пускали, наложив печати.
Я в Мантую никак не мог попасть.

Брат Лоренцо

А кто ж отвёз моё письмо к Ромео?

Брат Джованни

Я никому не мог его отдать,
Так велика была боязнь заразы.
Возьми его обратно. Вот оно.

Брат Лоренцо

Какое горе! Дело-то не шутка.
Письмо имело очень важный смысл.
Задержка этих строк грозит несчастьем.
Поди достань-ка мне железный лом
И возвращайся с ним, Джованни, в келью.

Брат Джованни

Сейчас схожу.

(Уходит.)

Брат Лоренцо

Придётся одному
К гробнице мне... С минуты на минуту
Джюльетта может встать и не простит,
Что я ещё не известил Ромео.
Но я ему ещё раз напишу.
А в промежутке узнице гробницы
Позволю в келье у себя укрыться.

(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Кладбище. Гробница семьи Капулетти.
Входят Парис и паж с цветами и факелом.

Парис

Дай факел и ступай. Пожалуй, нет:
Задуй его. Я не хочу быть видим.
Вон два-три вяза. Ляг у их корней,
Прижмись к земле и слушай чутким ухом.
Земля внутри на кладбище пуста.
Нельзя ступить, чтобы не отдавалось.
Едва услышишь шорох, свистни мне.
Давай цветы и делай, что сказали.

Паж

(в сторону)

Мне страшно оставаться одному.
Кругом могилы. Надо поневоле.

(Уходит.)

Парис

Лежи в цветах — сама, как сад в цвету.
Твоя постель из пепла и гранита.
Я руки над тобой переплету
И окроплю слезами эти плиты.
А завтра снова принесу цветов
И забросаю ими твой покров.

Паж свистит.

Мальчишка свищет. Кто-нибудь идёт.
Кого ещё нелёгкая приносит
И мне побыть в раздумье не даёт?
Как, с факелом? Я спрячусь за кустами.

(Прячется.)

Входят Ромео и Балтазар с факелом, киркою и пр.

Ромео

Дай мне кирку и лом. Возьми письмо,
Оно к отцу. Ты должен завтра утром
Снести его. Теперь дай факел мне.
Стань в стороне и, что бы ни случилось,
Не вмешивайся и держись вдали.
Я вот зачем спускаюсь в подземелье:
Отчасти, чтоб взглянуть в лицо жены,

Но, главное, чтоб снять с покойной перстень
Большой цены, в котором мне нужна.
Итак, ступай отсюда и не вздумай
Ходить назад подсматривать за мной,
А то я разорву тебя на клочья
И разбросаю по всему двору.
Я сам неукротим сейчас и страшен,
Как эта ночь. Нас лучше не дразнить,
Как море в бурю и голодных тигров.

Балтазар

Немедленно уйду, чтоб не мешать.

Ромео

И будешь другом. Вот тебе награда,
Прощай. Ты славный малый. Будь здоров.

Балтазар

(в сторону)

А всё-таки я спрячусь здесь в кустах:
Его слова и вид внушают страх.

(Уходит.)

Ромео

О смерть с ненасытимой утробой,
Ты съела лучший из плодов земли,
Но вот тебе я челюсти раздвину
И брюхо новой пищею набью.

(Открывает склеп.)

Парис

Монтекки это, шурина убийца,
Виновник слёз, которые свели
Джульетту в гроб. Но негодяю мало,
И он пришёл тела их осквернять.

(Выходит вперёд.)

Монтекки, стой! Не подходи к святыне.
Неужто и умершим можно мстить?
Сбежавший осуждённый, подчиняйся!
Идём. Ты арестован и умрёшь.

Ромео

Да, я умру, за этим и явился.
Но ты-то, друг мой, уходи добром.

Не искушай безумного. Подумай
Об этих двух. Они тебе пример.
Не делай сызнова меня убийцей.
Тебя люблю я больше, чем себя.
Я здесь готовлю над собой расправу.
Беги, мой друг! Беги, куда цел.
Тебя больной в горячке пожалел.

Парис

Твои слова встречаю я презреньем
И по закону задержу тебя.

Ромео

Ты так настойчив? Ну так защищайся.

(Бьются.)

Паж

У них дуэль. Я кликну караул.

(Уходит.)

Парис

Я умираю.

(Падает.)

Если ты не камень,

Прошу, внеси меня к Джульетте в склеп.

(Умирает.)

Ромео

Внесу. Кто это? Надобно взглядеться.
Родня Меркуцьо, бедный граф Парис!
О чём, когда мы ехали верхами,
Дорогой говорил мой человек?
Не о предполагаемом ли браке
Джульетты и Париса? Или нет?
Быть может, это мне во сне приснилось?
Быть может, это я с тоски прочёл
В его предсмертной просьбе? Дай мне руку.
Мы в книге рока на одной строке.
Ты ляжешь в величавую могилу.
В могилу? Нет, в сияющий чертог.
Среди него покоится Джульетта
И наполняет светом этот склеп.
Лежи, мертвец, похоронённый мёртвым.

(Кладёт Париса в гробницу.)

Пред смертью на иных находит смех.
Свидетели зовут веселье это
Прощальными зарницами. Теперь
Проверю я, зарницы ль эти вспышки.
Любовь моя! Жена моя! Конец,
Хоть высосал, как мел, твоё дыханье,
Не справился с твоею красотой.
Тебя не победили: знамя жизни
Горит в губах твоих и на щеках,
И смерти бледный стяг ещё не поднят.
И ты тут в красном саване, Тибальт?
Какую радость я тебе доставлю!
Смотри: сразившею тебя рукой
Сейчас сразу я твоего убийцу.
Прости меня! Джульетта, для чего
Ты так прекрасна? Я могу подумать,
Что ангел смерти взял тебя живьём
И взаперти любовницею держит.
Под страхом этой мысли остаюсь
И никогда из этой тьмы не выйду.
Здесь поселюсь я, в обществе червей,
Твоих служанок новых. Здесь оставлю
Свою неумирающую суть
И бремя рока с плеч усталых сброшу.
Любуйтесь ей в последний раз, глаза!
В последний раз её обвейте, руки!
И губы, вы, преддверия души,
Запечатлейте долгим поцелуем
Бессрочный договор с небытием.
Сюда, сюда, угрюмый перевозчик!¹
Пора разбить потрёпанный паром
С разбега о береговые скалы.
Пью за тебя, любовь!

(Выпивает яд.)

Ты не солгал,
Аптекарь! С поцелуем умираю.

(Умирает.)

С другого конца кладбища входит брат Лоренцо с фонарём,
ломом и лопатой.

Брат Лоренцо
Будь мне опорой, святой Франциск,
Чтоб в яму не свалиться. Кто ты, малый?

Балтазар
Не бойтесь, я вас знаю хорошо.

Брат Лоренцо
Благослови Господь! Скажи, приятель,
Чей факел льёт там бесполезный свет
Червям и черепам? Он за решёткой
У Капулетти, кажется.

Балтазар
Он там,
Святой отец. В гробнице мой хозяин,
Ваш друг.

Брат Лоренцо
Какой?

Балтазар
Ромео.

Брат Лоренцо
И давно?

Балтазар
Да с полчаса!

Брат Лоренцо
Пойдём со мной в гробницу.

Балтазар
Нельзя. Хозяин мой не должен знать,
Что я был тут. Он мне под страхом смерти
Велел уйти и не смотреть за ним.

Брат Лоренцо
Ну, не ходи. Я сам пойду. Мне страшно
И чудится какая-то беда.

Балтазар
Когда я спал в кустах, мне показалось,
Что в споре с незнакомцем господин
Убил его у входа в склеп.

¹ В греческой мифологии — Харон, перевозчик душ умерших в Аид (подземное царство мёртвых).

Брат Лоренцо

Ромео!

(Подходит к склепу.)

О Господи! Чьей это крови след
На плитах пред решёткою? А это?
Чьи это обгащённые мечи
У входа в усыпальницу?

(Входит в гробницу.)

Ромео!

Как бледен! А другой? Как, граф Парис?
И весь в крови? Где ключ к загадке этой?
Но спящая проснулась.

Джульетта пробуждается.

Джульетта

О монах,

Где мой супруг? Я сознаю отлично,
Где быть должна. Я там и нахожусь.
Где ж мой Ромео?

Шум за сценой.

Брат Лоренцо

Слышишь, кто-то ходит.

Уйдём скорей из этого гнезда
Заразы, смерти и оцепененья.
Другая сила, больше, чем моя,
Предупредила нас. Идём отсюда.
У ног твоих лежит твой мёртвый муж,
И с ним Парис. Поторопись. Ты вступишь
Монахиней в обитель. Поспешим.
Не спрашивай меня. Подходит стража.
Джульетта, торопись! Мы на виду.

Джульетта

Ступай один, отец. Я не пойду.

Брат Лоренцо уходит.

Что он в руке сжимает? Это склянка.
Он, значит, отравился? Ах, злодей,
Всё выпил сам, а мне и не оставил!
Но, верно, яд есть на его губах.
Тогда его я в губы поцелую
И в этом подкрепленье смерти найду.

(Целует Ромео.)

Какие тёплые!

Первый сторож

Где это место?

Веди, любезный.

Джульетта

Чьи-то голоса!

Пора кончать. Но вот кинжал, по счастью.

(Схватывает кинжал Ромео.)

Сиди в чехле!

(Вонзает его в себя.)

Будь здесь, а я умру.

(Падает на труп Ромео и умирает.)

Входит стража с пажом Париса.

Паж

Вот это место. Там, где воткнут факел.

Первый сторож

Тут кровь. Могилы надо обыскать.
Кого кругом ни встретите, хватайте.
Печальный вид! Вот мёртвый граф Парис.
Вот тёплая и вся в крови Джульетта,
Хотя два дня уж как схоронена.
Сходить за князем! Вызвать Капулетти!
Поднять Монтеки! Окружите склеп.
Мы видим лишь последствия несчастья,
А розыск основанья их найдёт.

Несколько сторожей возвращаются с Балтазаром.

Второй сторож

На кладбище нашли слугу Ромео.

Первый сторож

Покамест князь придёт, не отпускать.

Входит брат Лоренцо в сопровождении других сторожей.

Третий сторож

Монах задержан. Плачет и рыдает.
При нём мотыга и железный лом.
Он взят у дальнего конца ограды.

Первый сторож

Ввиду больших улик — не отпускать.

Входит князь со свитой.

Князь

Какая неурочная невзгода
Так рано поднимает нас от сна?

Входят Капулетти, леди Капулетти и другие.

Капулетти

О чём кричат, сбегаясь отовсюду?

Леди Капулетти

Народ бежит по улицам бегом,
Крича: «Парис», «Ромео» и «Джульетта»,
И окружает наш фамильный склеп.

Князь

Что тут случилось?

Первый сторож

Вот лежит Ромео,
А вот Парис. А вот, светлейший князь,
Скончавшаяся перед тем Джульетта —
Опять тепла и вновь умерщвлена.

Князь

Ищите, кто виновник изуверства.

Первый сторож

Вот тут слуга Ромео и монах.
При них орудье взлома. Ими вскрыта
Могила эта.

Капулетти

Боже! Глянь, жена,
Как наша дочка истекает кровью?
Кинжал ошибся местом. Вот ремень
С его ножнами на боку Монтекки,
А он торчит у дочери в груди.

Леди Капулетти

Ах, это всё, как колокольный звон,
Мне мысль о близкой смерти навевает!

Входят Монтекки и другие.

Князь

Монтекки, ты сегодня рано встал,
Но до восхода сын твой закатился.

Монтекки

Жена моя сегодня умерла:
Она не вынесла разлуки с сыном.
Какая скорбь ещё готова мне?

Князь

Вгляни и сам увидишь!

Монтекки

О невежа!

Тесниться к гробу впереди отца!

Князь

Сдержите восклицанья огорченья,
Пока не разъяснили этих тайн.
Когда я буду знать их смысл и корень,
То я, как предводитель ваших бед,
Не буду вас удерживать от смерти.
Пока пусть пострадавшие молчат.
Где эти подозрительные лица?

Брат Лоренцо

Хоть без вины, как будто главный я.
Так говорят, на первый взгляд, улики.
Итак, я тут стою в двойном лице —
Как обвиняемый и обвинитель,
Чтоб осудить себя и оправдать.

Князь

Рассказывай, что ты об этом знаешь.

Брат Лоренцо

Я буду краток, коротко и так
Для длинной повести моё дыханье.
Простёртый на земле Ромео — муж
Джульетты, и она — жена Ромео.
Я тайно их венчал, и в этот день
Убит Тибальт, и смерть его — причина
Изгнанья новобрачного. О нём,
А не о брате плакала Джульетта.
Тогда для прекращения этих слёз
Вы ей велели выйти замуж за Париса.
Она пришла ко мне, чтоб я помог
Избавиться ей от второго брака.
А то б она покончила с собой.
Тогда я дал ей, пользуясь познанием,

Снотворное. Как я и полагал,
Она уснула сном, подобным смерти,
А я Ромео написал письмо,
Чтоб он за ней приехал этой ночью,
Когда ослабнет действие питья,
И взял с собой. К несчастью, брат Джованни,
Посыльный мой, не мог отвезть письма
И мне его вернул, застряв в Вероне.
Тогда за бедной узницей, к поре,
Когда она должна была очнуться,
Пошёл я сам и думал приютить
Её, до вызова Ромео, в келье.
Однако же, когда я к ней вошёл
За несколько минут до пробужденья,
Я тут уж натолкнулся на тела
Погибшего Париса и Ромео.
Но вот она встаёт. Я, как могу,
Зову её с собой и убеждаю
Смириться пред судьбой, но шум извне
Меня внезапно вынуждает скрыться.
Она не пожелала уходить
И, видимо, покончила с собою.
Вот всё, что знаю я. Их тайный брак
Известен няне. Если в происшедшем
Я виноват хоть сколько, пусть мой век
Укоротят в угоду правосудью
За несколько часов перед концом.

Князь

Мы праведным всегда тебя считали.
Слуга Ромео, что ты скажешь нам?

Балтазар

Я свёз Ромео весть про смерть Джульетты,
И мы пустились вскачь на лошадях
Из Мантуи сюда, к ограде склепа.
Он дал письмо для своего отца,
Которое при мне, и под угрозой
Велел его оставить одного.

Князь

Дай мне письмо. Посмотрим содержанье.
Где графов паж, позвавший караул?
Что делал господин твой в этом месте?

Паж

Он возлагал цветы на гроб жены
И приказал мне отойти подальше.
Вдруг входит кто-то с факелом в руках,
И господин выхватывает шпагу.
Тут я за стражею и побежал.

Князь

В письме подтверждены слова монаха.
Рассказывая, как он встретил весть
Про смерть жены, Ромео прибавляет,
Что добыл яду в лавке бедняка,
Чтоб отравиться в склепе у Джульетты.
Где вы, непримиримые враги,
И спор ваш, Капулетти и Монтекки?
Какой для ненавистников урок,
Что небо убивает вас любовью!
Я тоже родственника потерял
За то, что потакал вам. Всем досталось.

Капулетти

Монтекки, руку дай тебе пожму.
Лишь этим возмести мне вдовью долю
Джульетты.

Монтекки

За неё я больше дам.
Я памятник ей в золоте воздвигну.
Пока Вероной город наш зовут,
Не будет в нём великолепней статуй,
Чем в честь Джульетты и её заката.

Капулетти

А рядом изваяньем золотым
Ромео по достоинству почтим.

Князь

Сближенье ваше сумраком объято.
Сквозь толщу туч не кажет солнце глаз.
Пойдём обсудим сообща утраты
И обвиним иль оправдаем вас.
Но не было судьбы грустней на свете,
Чем выпала Ромео и Джульетте.

(Уходят.)

1. Прочитайте пьесу целиком. Кратко перескажите её сюжет (в этом вам поможет монолог одного из героев трагедии; найдите его).

2. Почему «Ромео и Джульетта» называют трагедией?

3. В литературе о Шекспире можно встретить такое высказывание: «В трагедии Шекспира герои вообще погибают не из-за роковой ошибки или слабости, а в силу своих достоинств, благородства натуры, силы характера. Они слишком могучи, честны, умны, прекрасны, стремления этих необыкновенных людей приходят в противоречия с миром пошлости, корысти, посредственности, жестоких чувств» (Краткая литературная энциклопедия). Применима ли эта мысль (и если применима, то в какой мере) к пьесе «Ромео и Джульетта», в частности к её молодым героям? Почему имена Ромео и Джульетты стали нарицательными?

4. Какое социальное явление, послужившее причиной гибели героев, осуждается в пьесе Шекспира? Как вы определите главный конфликт трагедии?

Для любознательных

Вспомните, что Чернышевский называл героя повести Тургенева «Ася» господина Н. Н. именем Ромео. В каком смысле он употреблял это имя? Что различает тургеневского героя и Ромео Шекспира?

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ШЕКСПИРЕ

Многие из трагедий, приписываемых Шекспиру, ему не принадлежат, а только им поправлены. Трагедия «Ромео и Джульетта», хотя слогом своим и совершенно отделяется от известных его приёмов, но она так явно входит в его драматическую основу и носит на себе так много следов вольной и широкой его кисти, что её должно почтить сочинением Шекспира. В ней отразилась Италия, современная поэту, с её климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами¹, с её роскошным языком, исполненным блеска и sonetti². <...> После Джульетты, после Ромео, сих двух очаровательных созданий шекспировской грации, Меркутио³, образец молодого кавалера этого времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутио есть замечательнейшее лицо изо всей трагедии.

А. С. Пушкин

¹ Сонет — стихотворение из четырнадцати строк с определённым порядком рифмовки.

² Sonetti — с блеском выраженные тонкие мысли (итал.).

³ Современное написание — Меркуцио.

Мы, русские, празднуем память Шекспира, и мы имеем право её праздновать. Для нас Шекспир не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются лишь изредка и издали: он сделался нашим достоянием, он вошёл в нашу плоть и кровь. Ступайте в театр, когда даются его пьесы <...> ступайте в театр, пробегите все ряды собравшейся толпы, приглядитесь к лицам, прислушайтесь к суждениям — и вы убедитесь, что перед вашими глазами совершается живое, тесное общение поэта с его слушателями, что каждому знакомы и дороги созданные им образы, понятны и близки мудрые и правдивые слова, вытекшие из сокровищницы его всеобъемлющей души!

И. С. Тургенев

Ему (Шекспиру) открыто было всё сердце человеческое. Он среди своей суровой, трудовой жизни — а жизнь его была нелегка, потому что он был писателем и актёром вместе — сумел понять и показать всему миру, чем живёт человек на земле: все его страдания и радости, любовь и злобу, слёзы и смех, пороки и добродетели.

Когда мы смотрим, как другие представляют, чем жив человек, мы как будто смотрим на самих себя в зеркало; оттого каждый из нас может лучше присмотреться к себе самому, увидеть, что есть в душе у него и грешного и что есть светлого и радостного.

Когда такой гениальный писатель открывает передо мной всю душу человеческую, я вижу все самые тёмные и грязные углы в этой душе и все самые чистые и светлые её комнаты. Тогда мне хочется плакать и смеяться. А ведь и то и другое — и смех и слёзы — очищает мою душу, дарит её светлым праздником, освобождает от тяжёлых будничных забот. Выходит, будто я каюсь и исповедуюсь перед всем миром, и оттого у меня на душе становится легко и радостно.

А. А. Блок

Шекспир всегда будет любимцем поколений, исторически зрелых и много переживших. <...> Ни у кого сведения о человеке не достигают такой правильности, никто не излагает их так своевольно.

Б. Пастернак

❧ Вопросы ❧

1. Какие произведения Шекспира вам довелось читать, видеть на сцене или в кино?
2. Перечитайте высказывание Гоголя о театре (ч. 1 учебника, с. 223). Что роднит мысли Гоголя о театре с приведёнными выше высказываниями Тургенева и Блока?

❧ Приглашаем в библиотеку ❧

Прочитайте комедию Шекспира «Двенадцатая ночь, или Как пожелаете» — одну из лучших комедий драматурга, написанную в 1600 году. В ней забавные приключения, связанные с переодеваниями, весёлые проделки, запутанная интрига, приводящая всё же к благополучному концу.

Мигель де СЕРВАНТЕС СААВЕДРА

(1547—1616)

Биография прославленного испанского писателя Сервантеса сама подобна захватывающему роману.

Родился Сервантес в 1547 году в семье обедневшего дворянина. Учился в школе. В 22-летнем возрасте, очевидно, из-за трудного материального положения поступил в солдаты. Участвовал в морском сражении объединённого испано-итальянского флота с турками, был трижды ранен, в результате левой рукой перестал владеть навсегда. Некоторое время с полком переезжал по разным местам Италии, познакомился с жизнью народа, с реликвиями античной культуры.

В 1575 году, оставив военную службу, отбыл на родину. Галера, на которой он плыл, была захвачена алжирскими пиратами. Несколько раз Сервантес пытался бежать из плена, и каждый раз, закованный в наручники, попадал в строгое одиночное заключение. Только через пять лет он был, наконец, выкуплен семьёй и получил возможность вернуться на родину.

Там, однако, его ожидала бедность и неустроенная личная жизнь. Поменяв множество занятий, он стал сборщиком недоимок по налогам. Но и здесь Сервантеса постигла неудача: банкир, которому он доверил казённые деньги, разорился, и деньги пропали. За это Сервантес дважды подвергался тюремному заключению в Севилье. Выйдя из тюрьмы, он навсегда простился с государственной службой. Зато он достиг успеха в литературном творчестве. Ещё на военной службе Сервантес стал писать стихи, новеллы, пьесы, а находясь в тюрьме, начал свой бессмертный роман «Дон Кихот». Первый том романа вышел в 1605, второй — в 1615 году. Несмотря на громкую славу и колоссальный успех романа, Сервантес оставался почти нищим. Он умер в бедности в 1616 году и был похоронен в общей могиле для бедняков.

Герой романа Сервантеса, начитавшись рыцарских средневековых романов, сам вообразил себя рыцарем. В невероятных, а то и фантастических приключениях проявляется и его безумие, и страстное стремление к справедливости, желание помочь людям в их трудной жизни. Мудростью отмечены советы Дон Кихота своему оруженосцу Санчо Пансе и его рассуждения о прошлом. Именно за эту гуманность, душевную доброту, высокое представление о человеческом долге героя Сервантеса полюбили многие поколения читателей.

В. Г. Белинский писал о «Дон Кихоте»:

«Великое создание Сервантеса вполне достойно своей великой славы. “Дон Кихотом” началась новая эра искусства — нашего, новейшего искусства. Он нанёс решительный удар идеальному [оторванному от жизни] направлению романа и обратил его к действительности. Это сделано Сервантесом не только сатирическим тоном его произведения, но и высоким художественным его достоинством».

ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ

(Избранные главы¹)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I,

повествующая о нраве и образе жизни славного идальго
Дон Кихота Ламанчского

В некоем селе Ламанчском, название которого у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идальго, чьё имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке... При нём находилась ключница, коей перевалило за сорок, племянница, коей не исполнилось и двадцати, и слуга для домашних дел и полевых работ, умевший и лошадь седлать и с садовыми ножницами обращаться. Возраст нашего идальго приближался к пятидесяти годам; был он крепкого сложения, телом сухопар, лицом худощав, любитель вставать спозаранку и заядлый охотник...

Надобно знать, что вышеупомянутый идальго в часы досуга — а досуг длился у него чуть ли не весь год — отдавался чтению рыцарских романов с таким жаром и увлечением, что почти совсем забросил не только охоту, но даже своё хозяйство; и так

¹ Монтаж М. А. Снежневской.

далеко зашли его любознательность и помешательство на этих книгах, что, дабы приобрести их, он продал несколько десятин пахотной земли и таким образом собрал у себя все романы, какие только ему удалось достать.

Одним словом, идальго наш с головой ушёл в чтение и сидел он над книгами с утра до ночи и с ночи до утра... Воображение его было поглощено всем тем, о чём он читал в книгах: чародейством, распрямами, битвами, вызовами на поединок, ранениями, объяснениями в любви, сердечными муками и разной невероятной чепухой; и до того прочно засела у него в голове мысль, будто всё это нагромождение вздорных небылиц — истинная правда, что для него в целом мире не было уже ничего более достоверного...

И вот, когда он уже окончательно свихнулся, в голову ему пришла такая странная мысль, какая ещё не приходила ни одному безумцу на свете, а именно: он почёл благоразумным и даже необходимым как для собственной славы, так и для пользы отечества сделаться странствующим рыцарем, сесть на коня и, с оружием в руках отправившись на поиски приключений, начать заниматься тем же, чем, как это ему было известно из книг, все странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать¹ себе бессмертное имя и почёт... Первым делом принялся он за чистку принадлежавших его предкам доспехов, некогда сваленных как попало в угол и покрывшихся ржавчиной и плесенью. Когда же он тщательнейшим образом вычистил их и привёл в исправность, то заметил, что недостаёт одной весьма важной вещи, а именно: вместо шлема с забралом он обнаружил обыкновенный пишак; но тут ему пришла на выручку его изобретательность: смастерив из картона полшлем, он прикрепил его к пишаку, и получилось нечто вроде закрытого шлема. Не скроем, однако ж, что когда он, намереваясь испытать его прочность и устойчивость, выхватил меч и нанёс два удара, то первым же ударом в одно мгновение уничтожил труд целой недели. Лёгкость, с какою забрало разлетелось на куски, особого удовольствия ему не доставила; чтобы предотвратить подобную опасность, он сделал его заново, подложив внутри железные пластинки, так что в конце концов остался доволен его прочностью, и, найдя дальнейшие испытания излишними, признал его вполне годным к употреблению и решил, что это настоящий шлем с забралом, удивительно тонкой работы.

¹ Стяжать — приобрести.

Затем он осмотрел своего коня... это была настоящая кляча, что называется — кожа да кости... Несколько дней раздумывал он, как его назвать, ибо, говорил он себе, коню столь доблестного рыцаря, да ещё такому доброму коню, нельзя не дать какого-нибудь достойного имени. Наш идальго твёрдо держался того мнения, что если произошла перемена в положении хозяина, то и конь должен переменить имя и получить новое, славное и громкое, соответствующее новому сану и новому поприщу хозяина, — вот он и старался найти такое, которое само показывало бы, что представлял собой этот конь до того, как стал конём странствующего рыцаря, и что он представляет собой теперь. Итак, он долго придумывал разные имена, роаясь в памяти и напрягая воображение, — отвергал, отметал, переделывал, сызнава принимался составлять, — и в конце концов остановился на Росинанте, имени, по его мнению, благородном и звучном, поясняющем, что прежде конь этот был обыкновенной клячей, ныне же, опередив всех остальных, стал первой клячей в мире.

Столь удачно, как ему казалось, назвав своего коня, решил он подыскать имя и для себя самого и, потратив на это ещё неделю, назвался наконец *Дон Кихотом*... Однако ж, вспомнив, что доблестный Амадис¹ не пожелал именоваться просто Амадисом, но присовокупил к этому имени название своего королевства и отечества, дабы тем прославить его, и назвался Амадисом Галльским, решил он, что и ему, как истинному рыцарю, надлежит присовокупить к своему имени название своей родины и стать *Дон Кихотом Ламанчским*, чем, по его мнению, он сразу даст понять, из какого он рода и из какого края, и при этом окажет честь своей отчизне.

Вычистив же доспехи, сделав из шишака настоящий шлем, выбрав имя для своей лошадки и окрестив самого себя, он пришёл к заключению, что ему остаётся лишь найти даму, в которую он мог бы влюбиться, ибо странствующий рыцарь без любви — это всё равно что дерево без плодов и листьев или же тело без души... Должно заметить, что, сколько нам известно, в ближайшем селении жила весьма миловидная деревенская девушка, в которую он одно время был влюблён, хотя она, само собою разумеется, об этом не подозревала и не обращала на него никакого внимания. Звали её Альдонсою Лоренсо, а вот она-то и показалась ему достойною титула владычицы его помыслов; и, выбирая для неё имя, которое не слишком резко отличалось бы от её собственного и в то же время напоминало и приближалось бы к имени какой-нибудь принцессы или знат-

¹ *Амадис* — герой рыцарского романа.

ной сеньоры, положил он назвать её Дульсинеей¹ Тобоскою, ибо родом она была из Тобосо², — именем, по его мнению, приятным для слуха, изысканным и глубокомысленным, как и все ранее придуманные им имена...

ГЛАВА II,

повествующая о первом выезде хитроумного Дон Кихота из его владений

Покончив со всеми этими приготовлениями, наш идальго решил тотчас же осуществить свой замысел, ибо он полагал, что всякое промедление с его стороны может пагубно отозваться на человеческом роде: сколько беззаконий предстоит ему устранить, сколько кривды выпрямить, несправедливостей заглазить, злоупотреблений искоренить, скольких обездоленных удовлетворить! И вот чуть свет в один из июльских дней, обещавший быть весьма жарким, никому ни слова не сказав о своём намерении и оставшись незамеченным, облачился он во все свои доспехи, сел на Росинанта, кое-как приладил нескладный свой шлем, взял щит, прихватил копьё и, безмерно счастливый и довольный тем, что никто не помешал ему приступить к исполнению благих его желаний, через ворота скотного двора выехал в поле. Но как скоро он очутился за воротами, в голову ему пришла страшная мысль, до того страшная, что он уже готов был отказаться от задуманного предприятия, и вот почему: он вспомнил, что ещё не посвящён в рыцари и что, следовательно, по законам рыцарства, ему нельзя и не должно вступать в бой ни с одним рыцарем. Эти размышления поколебали его решимость, однако ж безумие взяло верх над всеми доводами, и, по примеру многих рыцарей, о которых он читал в тех самых романах, что довели его до такого состояния, вознамерился он обратиться с просьбой о посвящении к первому встречному; и, порешив на том, продолжал свой путь — вернее, путь, который избрал его конь, ибо Дон Кихот полагал, что именно так и надлежит искать приключений. Весь этот день Дон Кихот провёл в пути, а к вечеру он и его кляча устали и сильно проголодались. Тогда, оглянувшись по сторонам, в надежде обнаружить какой-нибудь замок, то есть шалаш пастуха, где бы можно было подкрепиться и расправить усталые члены, заметил он неподалёку от дороги постоялый двор. Он тронул поводья и поехал туда, как раз когда стало смеркаться...

¹ *Дульсинёя* — от исп. *dulce* (сладкая, нежная).

² *Тобосо* — местечко в Ламанче.

в коей рассказывается о том, каким забавным способом
Дон Кихот был посвящён в рыцари

...Дон Кихот, быстро покончив со своим скудным трактирным ужином, подозвал хозяина, удалился с ним в конюшню, пал на колени и сказал:

— Доблестный рыцарь, я не сдвинулся с места до тех пор, пока ваша любезность не соизволит исполнить мою просьбу. Исполнение же того, о чем я прошу, покроет вас неувядаемой славой, а также послужит на пользу всему человеческому роду.

Увидев, что гость опустил перед ним на колени, и услышав такие речи, хозяин оторопел: он не знал, что делать и что говорить, а затем стал убеждать его подняться с колен, но тот поднялся лишь после того, как хозяин дал слово исполнить его просьбу.

— Меньшего, государь мой, я и не ожидал от вашего несказанного великодушия, — заметил Дон Кихот. — Итак, да будет вам известно, что просьба, с которой я к вам обратился и которую ваше человеколюбие обещало исполнить, состоит в том, чтобы завтра утром вы посвятили меня в рыцари. Ночь я проведу в часовне вашего замка в бдении над оружием, а завтра, повторяю, сбудется то, чего я так жажду, и я обрету законное право объезжать все четыре стороны света, искать приключений и защищать обиженных, тем самым исполняя долг всего рыцарства, а также долг рыцаря странствующего...

Хозяин, будучи изрядной шельмой, отчасти догадался, что гость не в своём уме, при этих же словах он совершенно в том уверился и, решившись потакать всем его прихотям, дабы весело провести ночь, сказал Дон Кихоту, что у него в замке нет часовни, где бы можно было бодрствовать над оружием. Но что, сколько ему известно, в крайнем случае бодрствовать над оружием дозволяется где угодно, так что Дон Кихот может провести эту ночь на дворе, а завтра, Бог даст, все приличествующие случаю церемонии будут совершены, и он станет настоящим рыцарем, да ещё таким, какого свет не производил...

Дон Кихот начал готовиться к ночи, которую ему надлежало провести на обширном скотном дворе в бдении над оружием. Он собрал свои доспехи, разложил их на водопоёмном корыте, стоявшем возле колодца, и, схватив копьё и щит, с крайне независимым видом стал ходить взад и вперёд; и только он начал прогуливаться, как наступила ночь.

Хозяин рассказал своим постояльцам о сумасшествии Дон Кихота, о его намерении провести ночь в бдении над оружием и о предстоящей возне с посвящением его в рыцари. Присутствовавшие подивились и пошли посмотреть на Дон Кихота издали. А Дон Кихот между тем то чинно прохаживался, то, опершись на копьё, впивался глазами в свои доспехи и долго потом не отводил их. Дело было глухою ночью, однако ясный месяц вполне заменял дневное светило, коему он обязан своим сиянием, так что все движения новоиспечённого рыцаря хорошо видны были зрителям. В это время одному из погонщиков, ночевавших на постоялом дворе, вздумалось напоить мулов, для чего надлежало снять с водопоёмного корыта доспехи нашего рыцаря; и, едва увидев погонщика, Дон Кихот тотчас же заговорил громким голосом:

— Кто бы ни был ты, о дерзкий рыцарь, осмеливающийся прикасаться к оружию самого доблестного из всех странствующих рыцарей, какие когда-либо опоясывались мечом, помысли о том, что ты делаешь, и не прикасайся к нему, не то жизнью заплатишься ты за свою продерзость!

Погонщик и в ус себе не дул, — а между тем лучше было бы, если бы он дул: по крайней мере его самого тогда бы не вздули, — он схватил доспехи и постарался зашвырнуть их как можно дальше. Тогда Дон Кихот возвёл к небу очи и, по-видимому обращаясь мысленно к госпоже своей Дульсине, сказал:

— Помогите мне, госпожа моя, отомстить за оскорбление, впервые нанесённое моему сердцу. Ныне предстоит мне первое испытание — не лишайте же защиты меня своей и покрова.

Продолжая взывать к своей даме, Дон Кихот отложил в сторону щит, обеими руками поднял копьё и с такой силой опустил его на голову погонщика, что тот упал замертво, так что если б за этим ударом последовал второй, то ему уж незачем было бы обращаться к врачу. Засим Дон Кихот подобрал свои доспехи и как ни в чём не бывало снова стал прогуливаться...

Хозяину надоели выходки гостя, и, чтобы положить им конец, вознамерился он сей же час, пока не стряслось горшей беды, совершить над ним этот треклятый обряд посвящения. Он тотчас сбегал за книгой, где записывал, сколько овса и соломы выдан погонщикам, и вместе со слугой, державшим в руке огарок свечи, и двумя девицами подошёл к Дон Кихоту, велел ему преклонить колена, сделал вид, что читает некую священную молитву, и тут же изо всех сил треснул его по затылку, а затем, всё ещё бормоча себе под нос что-то вроде молитвы,

славно огрел рыцаря по спине его собственным мечом. После этого он велел одной из девиц препоясать этим мечом рыцаря, что та и исполнила, выказав при этом чрезвычайную ловкость и деликатность. В самом деле, немало искусства требовалось для того, чтобы во время этой церемонии в любую минуту не лопнуть от смеха...

Дон Кихот не чаял, как дождаться минуты, когда можно будет снова сесть на коня и отправиться на поиски приключений, и, после того, как были закончены все эти доселе невиданные церемонии, совершенные с такою быстротою и поспешностью, он тот же час оседлал Росинанта, сел верхом и, обняв хозяина, в столь мудрёных выражениях изъясил ему свою благодарность за посвящение в рыцари, что передать их нам было бы не под силу. В ответ хозяин на радостях, что отделался от него, произнёс не менее высокопарную, хотя и не столь пространную речь и, ничего не взяв за ночлег, отпустил его с миром.

ГЛАВА IV.

О том, что случилось с рыцарем нашим,
когда он выехал с постоянного двора

Уже занималась заря, когда Дон Кихот, ликующий, счастливый и гордый сознанием, что его посвятили в рыцари, от радости подскакивая в седле, выехал с постоянного двора. Но как скоро пришли ему на память наставления хозяина, порешил он возвратиться домой, чтобы запастись всем необходимым, главное — деньгами и сорочками; в оруженосцы же себе прочил он одного хлебопашца, своего односельчанина, бедного, многодетного, однако ж для исполнения таковых обязанностей как нельзя более подходившего. С этой целью он поворотил Росинанта в сторону своей деревни, и Росинант, словно почуяв родное стойло, обнаружил такую резвость, что казался, будто копыта его не касаются земли.

Только успел Дон Кихот немного отъехать, как вдруг справа, из чащи леса, до него донесли тихие жалобы, точно кто-то стонал, и, едва заслышав их, он тотчас воскликнул:

— Хвала небесам за ту милость, какую они мне явили, за то, что так скоро предоставили они мне возможность исполнить мой рыцарский долг и пожать плоды моих благих желаний. Не подлежит сомнению, что это стонет какой-нибудь беззащитный или же беззащитная, нуждающиеся в помощи моей и защите.

С этими словами он дёрнул поводья и устремился туда, откуда долетали стоны. Проехав несколько шагов по лесу, уви-

дел он лошадь, привязанную к дубу, а рядом, к другому дубу, привязан был голый до пояса мальчуган лет пятнадцати, и вот этот-то мальчуган и стонал, и стонал не зря, ибо некий дюжий сельчанин нещадно стегал его ремнём, сопровождая каждый удар пощёками и правочучениями.

— Смотри в оба, а язык держи за зубами! — приговаривал он.

А мальчуган причитал:

— Больше не буду, хозяин, Христом Богом клянусь, не буду! Обещаю вам глаз не спускать со стада!

Увидев, что здесь происходит, Дон Кихот грозно воскликнул:

— Неучтивый рыцарь, как вам не стыдно нападать на того, кто не в силах себя защитить! Садитесь на коня, возьмите копьё (надобно заметить, что у сельчанина тоже было копьё: он прислонил его к тому дубу, к коему была привязана лошадь), и я вам докажу всю низость вашего поступка.

Сельчанин, обнаружив у себя над головой увешанную доспехами фигуру, перед самым его носом размахивавшую копьём, подумал, что пришла его смерть.

— Сеньор кавальеро¹, — вкрадчивым голосом заговорил он, — я наказываю мальчишку, моего слугу, который пасёт здесь отару моих овец: из-за этого ротозея я каждый день не досчитываюсь овцы. И наказываю я его за разгильдяйство, вернее — за плутовство, а он говорит, что я из скупоности возвожу на него напраслину — чтобы не платить ему жалованья, но я клянусь Богом и спасением души, что он врёт.

— Мерзкий грубиян! — воскликнул Дон Кихот. — Клянусь солнцем, всех нас освещающим, что я сию минуту вот этим самым копьём проткну вас насквозь! Без всяких разговоров уплатите ему, не то, да будет мне свидетелем Всевышний, я с вами разделаюсь и уложу на месте! Ну, отвязывайте его, живо!

Сельчанин, понурив голову, молча отвязал своего слугу. Тогда Дон Кихот спросил мальчика, сколько ему должен хозяин. Мальчик ответил, что всего за девять месяцев, считая по семи реалов² за месяц. Дон Кихот высчитал, что в сумме это составляет шестьдесят три реала, и сказал сельчанину, чтобы он немедленно раскошелился, если только ему дорога жизнь. На это испуганный сельчанин возразил, что долг его вовсе не так велик, ибо надлежит принять в расчёт и сбросить со сче-

¹ Кавальеро — рыцарь (исп.).

² Реал — старинная испанская серебряная монета.

тов стоимость трёх пар обуви, которые износил пастух, да ещё один реал за два кровопускания, которые были ему сделаны, когда он занемог.

— Это всё так, — возразил Дон Кихот, — однако вы ни за что ни про что отхлестали его ремнём, — пусть же это пойдёт в уплату за обувь и кровопускание: ведь если он порвал кожу на башмаках, которые вы ему купили, то вы, в свою очередь, порвали ему собственную его кожу. И если цирюльник¹ пускал ему кровь, когда он был болен, то вы пускаете ему кровь, когда он находится в добром здравии. Таким образом, тут вы с ним в расчёте.

— Беда в том, сеньор кавалеро, что я не взял с собой денег, — придется Андресу пойти со мной, и дома я уплачу ему всё до последнего реала.

— Чтобы я с ним пошёл? — воскликнул мальчуган. — Час от часу не легче! Нет, сеньор, ни за что на свете! Если я останусь с ним наедине, то он сдерёт с меня кожу вроде как со святого Варфоломея или с кого-то там ещё.

— Он этого не сделает, — возразил Дон Кихот: — я ему прикажу, и он не посмеет меня послушаться. Пусть только он поклонится тем рыцарским орденом, к которому он принадлежит, и я отпущу его на все четыре стороны и поручусь, что он тебе заплатит.

— Помилуйте, сеньор, что вы говорите! — воскликнул мальчуган. — Мой хозяин вовсе не рыцарь и ни к какому рыцарскому ордену не принадлежит! Это Хуан Альдудо, богатый крестьянин из деревни Кинтанар.

— Это ничего не значит, — возразил Дон Кихот, — и Альдудо могут быть рыцарями. Тем более что каждого человека должно судить по его делам.

— Это верно, — согласился Андрес, — но в таком случае, как же прикажете судить моего хозяина, коли он отказывается платить мне жалованье, которое я заработал в поте лица?

— Брат мой Андрес, да разве я отказываюсь? — снова заговорил сельчанин. — Сделай милость, пойдём со мной! Клянусь всеми рыцарскими орденами, сколько их ни развелось на свете, что уплачу тебе, как я уже сказал, всё до последнего реала, с радостью уплачу!

— Можно и без радости, — сказал Дон Кихот. — Уплатите лишь ту сумму, которую вы ему задолжали, это всё, что от вас требуется. Но бойтесь нарушить клятву, иначе, клянусь тою

¹ Цирюльник (устар.) — парикмахер, выполнявший также некоторые обязанности лекаря, врача.

же самой клятвою, я разыщу вас и накажу. Будь вы проворнее ящерицы, я всё равно вас найду, куда бы вы ни спрятались. Если же вы хотите знать, от кого получили вы этот приказ, дабы тем ревностнее приняться за его исполнение, то знайте, что я — доблестный Дон Кихот Ламанчский, заступник обиженных и угнетённых. Засим оставайтесь с Богом и под страхом грозящей вам страшной кары не забывайте обещанного...

С этими словами он пришпорил Росинанта и стал быстро удаляться. Сельчанин посмотрел ему вслед и, удостоверившись, что он миновал рощу и скрылся из виду, повернулся к слуге своему Андресу и сказал:

— Поди-ка сюда, сынок! Сейчас я исполню повеление этого заступника обиженных и уплачу тебе долг.

— Я в этом нимало не сомневаюсь, ваша милость, — заметил Андрес. — В ваших же интересах исполнить повеление доброго рыцаря, дай Бог ему прожить тысячу лет: он такой храбрый и такой справедливый, что если вы мне не уплатите, клянусь святым Роке, он непременно вернётся и приведёт угрозу свою в исполнение.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — сказал сельчанин, — но я так люблю тебя, желанный мой, что желаю ещё больше тебе задолжать, чтобы затем побольше заплатить.

Тут он схватил мальчугана за руку и, снова привязав его к дубу, всыпал ему столько горячих, что тот остался чуть жив.

— Теперь зовите заступника обиженных, сеньор Андрес, — посмотрим, как он за вас заступится, — сказал сельчанин. — Полагаю, впрочем, что я вас ещё недостаточно обидел, — у меня чешутся руки спустить с вас шкуру, чего вы как раз опасались...

ГЛАВА VI.

О втором выезде доброго нашего рыцаря Дон Кихота Ламанчского

...Дон Кихот вступил в переговоры с одним своим односельчанином. Это был человек добропорядочный (если только подобное определение применимо к людям, которые не могут похвастаться изрядным количеством всякого добра), однако ж мозги у него были сильно набекрень. Дон Кихот такого ему наговорил, такого наобещал и так сумел его убедить, что в конце концов бедный хлебопашец дал слово отправиться вместе с ним в качестве его оруженосца. Между прочим, Дон Кихот советовал ему особенно не мешкать, ибо вполне, дескать, может случиться, что он, Дон Кихот, в мгновение ока завоюет

какой-нибудь остров и сделает его губернатором такового. Подобные обещания соблазнили Санчо Пансу, — так звали нашего хлебопашца, — и он согласился покинуть жену и детей и стать оруженосцем своего односельчанина.

Затем Дон Кихот принялся раздобывать деньги: кое-что продал, кое-что заложил с большим для себя убытком и в конце концов собрал значительную сумму. Кроме того, он взял на время у одного из своих приятелей круглый щит и, починив как мог разбитый свой шлем, предупредил оруженосца Санчо о дне и часе выезда, чтобы тот успел запастись всем необходимым, а главное, не забыл взять с собой дорожную суму. Санчо дал слово, что не забудет, но, сославшись на то, что он не мастак¹ ходить пешком, объявил, что у него есть очень хороший осёл и что он поедет на нём. Это обстоятельство слегка озадачило Дон Кихота: он перебирал в памяти, был ли у кого-нибудь из странствующих рыцарей такой оруженосец, который прибегал к ослиному способу передвижения, но так и не припомнил; однако в надежде, что ему не замедлит представиться случай отбить коня у первого же неучтивого рыцаря, который встретится ему на пути, и передать это куда более почётное четвероное во владение своему оруженосцу, он позволил Санчо Пансе взять осла... Когда же всё было готово и приведено в надлежащий вид, Дон Кихот, не простившись ни с племянницей, ни с ключницей, в сопровождении Санчо Пансы, который тоже не простился ни с женой, ни с детьми, однажды ночью тайком выехал из деревни; и за ночь им удалось отъехать на весьма значительное расстояние, так что, когда рассвело, они почувствовали себя в полной безопасности: если б и снарядили за ними погоню, то всё равно уже не настигли бы их.

Санчо Панса не забыл приторочить² суму и бурдюк³, и теперь он, горя желанием сделаться губернатором обещанного острова, как некий патриарх⁴ восседал на осле. Между тем Дон Кихот избрал тот же самый путь и двинулся по той же самой дороге, по какой ехал он в прошлый раз, то есть по Монтельской равнине, только теперь он чувствовал себя несравненно бодрее, ибо время было ещё раннее и косые лучи солнца не очень его беспокоили. Тут-то и обратился Санчо Панса к своему господину:

¹ *Мастак* — мастер своего дела, искусный и опытный в каком-нибудь деле, ремесле.

² *Приторочить* — привязать ремнями.

³ *Бурдюк* — мешок, спитый из шкуры животного и служащий для хранения вина и других жидкостей.

⁴ *Патриарх* — лицо, обладающее высшей духовной властью.

— Смотрите же, ваша милость, сеньор странствующий рыцарь, не забудьте, что вы мне обещали насчет острова, а уж я с каким угодно островом управлюсь.

Дон Кихот ему на это сказал:

— Надобно тебе знать, друг мой Санчо Панса, что в былые времена странствующие рыцари имели обыкновение назначать правителями завоёванных ими островов и королевств своих же собственных оруженосцев, а уж за мной дело не станет, ибо я положил восстановить похвальный этот обычай...

ГЛАВА VII.

О славной победе, одержанной доблестным Дон Кихотом в страшной и доселе неслыханной битве с ветряными мельницами, равно как и о других событиях, о которых мы не без приятности упомянем

Тут глазам их открылось не то тридцать, не то сорок ветряных мельниц, стоявших среди поля, и как скоро увидел их Дон Кихот, то обратился к своему оруженосцу с такими словами:

— Судьба руководит нами как нельзя лучше. Посмотри, друг Санчо Панса: вот там виднеется тридцать, если не больше, чудовищных великанов, — я намерен вступить с ними в бой и перебить их всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, явятся основой нашего благосостояния. Эта война справедливая: стереть дурное семя с лица земли — значит верой и правдой послужить Богу.

— Где вы видите великанов? — спросил Санчо Панса.

— Да вон они, с громадными руками, — отвечал его господин. — У некоторых из них длина рук достигает почти двух миль.

— Помилуйте, сеньор, — возразил Санчо, — то, что там виднеется, вовсе не великаны, а ветряные мельницы, то же, что вы принимаете за их руки, — это крылья: они кружатся от ветра и приводят в движение мельничные жернова.

— Сейчас видно неопытного искателя приключений! — заметил Дон Кихот. — Это великаны. И если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись, а я тем временем вступлю с ними в жестокий и неравный бой.

С последним словом, не внемля голосу Санчо, который предупреждал его, что не с великанами едет он сражаться, а, вне всякого сомнения, с ветряными мельницами, Дон Кихот дал Росинанту шпоры. Он был совершенно уверен, что это великаны, а потому, не обращая внимания на крики оруже-

носа и не видя, что перед ним, хотя находился совсем близко от мельниц, громко воскликнул:

— Стойте, трусливые и подлые твари! Ведь на вас нападает только один рыцарь!

В это время подул лёгкий ветерок, и, заметив, что огромные крылья мельниц начинают кружиться, Дон Кихот воскликнул:

— Машите, машите руками! Если б у вас их было больше, чем у великана Бриарей¹, и тогда пришлось бы вам поплатиться!

Сказавши это, он всецело отдался под покровительство госпожи своей Дульсины, обратился к ней с мольбою помочь ему выдержать столь тяжёлое испытание и, заградившись щитом и пустив Росинанта в галоп, вонзил копьё в крыло ближайшей мельницы; но в это время ветер с такой бешеной силой повернул крыло, что от копьё остались одни щепки, а крыло, подхватив и коня и всадника, оказавшегося в весьма жалком положении, сбросило Дон Кихота на землю. На помощь ему во весь ослиный мах поскакал Санчо Панса и, приблизившись, удостоверился, что он не может пошевелиться — так тяжело упал он с Росинанта.

— Ах ты Господи! — воскликнул Санчо. — Не говорил ли я вашей милости, чтобы вы были осторожнее и что это всего-навсего ветряные мельницы? Их никто бы не спутал, разве тот, у кого ветряные мельницы кружатся в голове.

— Помолчи, друг Санчо, — сказал Дон Кихот. — Должно заметить, что нет ничего изменчивее военных обстоятельств. К тому же, я полагаю, и не без основания, что мудрый Фрестон² превратил великанов в ветряные мельницы, чтобы лишить меня плодов победы, — так он меня ненавидит. Но рано или поздно злые его чары не устоят перед силою моего меча.

— Это уж как Бог даст, — заметил Санчо Панса.

Он помог Дон Кихоту встать и усадил его на Росинанта, который тоже был чуть жив. Продолжая обсуждать недавнее происшествие, они поехали по дороге к Ущелью Ляписе, ибо Дон Кихот не мог упустить множество разнообразных приключений, какое, по его словам, на этом людном месте их ожидало; одно лишь огорчало его — то, что он лишился копьё, и, поведав горе своё оруженосцу, он сказал:

— Помнится, я читал, что один испанский рыцарь, по имени Дьего Перес де Вáргас¹, утратив в бою свой меч, отломил от дуба громадный сук и отдубасил и перебил в этот день столько мавров, что ему потом дали прозвище Дубáс, и с тех пор он и его потомки именуются Вáргас-Дубас. Все это я говорю к тому, что я тоже намерен отломить сук от первого же дуба, который попадётся мне по дороге, такой же величины, какой, я себе представляю, должен был быть у Вáргаса, и при помощи этого сука совершить такие подвиги, что ты почтёшь себя избранником судьбы, ибо удостоился чести быть очевидцем и свидетелем деяний, которые впоследствии могут показаться невероятными.

— Всё в руках Божьих, — заметил Санчо. — Я верю всему, что говорит ваша милость. Только сядьте прямее, а то вы всё как будто съезжаете набок — верно, оттого, что ушиблись, когда падали.

— Твоя правда, — сказал Дон Кихот, — и если я не стону от боли, то единственно потому, что странствующим рыцарям в случае какого-либо ранения стонать не положено, хотя бы у них вывалились кишки.

— Коли так, то мне возразить нечего, — сказал Санчо, — но доведись до меня, так я начну стонать от самой пустячной боли, если только этот закон не распространяется и на оруженосцев странствующих рыцарей.

Дон Кихот не мог не помяться простодушию своего оруженосца, а затем объявил, что тот волен стонать, когда и сколько ему вздумается, как по необходимости, так и без всякой необходимости, ибо в рыцарском уставе ничего на сей предмет не сказано.

Эту ночь они провели под деревьями. От одного из них Дон Кихот отломил засохший сук и приставил к нему железный наконечник — таким образом у него получилось нечто вроде копьё...

ГЛАВА IX.

О том, что произошло между Дон Кихотом и козопасами (В сокращении)

<...> Козопасы не имели понятия о том, что такое оруженосцы и странствующие рыцари, — все это было для них тарбарщиной, они молча ели и поглядывали на гостей,

¹ Дьего Пéрес де Вáргас (XIII век) — прославленный воин, воспет в народных романсах.

¹ Бриарéй — герой мифа, сторукий великан, обладавший невероятной силой и изрыгавший пламя.

² Фрестóн — один из героев рыцарского романа.

с превеликой охотой и вкусом засовывавших в рот куски козлятины величиною с кулак. После того как с мясным блюдом было покончено, хозяева высыпали на овчины уйму желудей и поставили полголовы сыру, такого твёрдого, точно он был сделан из извести. <...> Наевшись досыта, Дон Кихот взял пригоршню желудей и, внимательно их разглядывая, пустился в рассуждения:

— Блаженны времена и блажен тот век, который древние называли золотым, — и не потому, чтобы золото, в наш железный век представляющее собой такую огромную ценность, в ту счастливую пору доставалось даром, потому, что жившие тогда люди не знали двух слов: твоё и моё. В те благословенные времена всё было общее. Для того чтоб добыть себе дневное пропитание, человеку стоило лишь протянуть руку к могучим дубам, и ветви их тянулись к нему и сладкими и спелыми своими плодами щедро его одаряли. Быстрые реки и светлые родники утоляли его жажду роскошным изобилием приятных на вкус и прозрачных вод. Мудрые и трудолюбивые пчёлы основывали свои государства в расселинах скал и в дуплах деревьев и безвозмездно потчевали любого просителя обильными плодами сладчайших своих трудов. Кряжистые пробковые дубы снимали с себя широкую свою и лёгкую кору не из каких-либо корыстных целей, но единственно из доброжелательности, и люди покрывали ею свои хижины, державшиеся на неотёсанных столбах, — покрывали не для чего-либо, а лишь для того, чтобы защитить себя от непогоды. Тогда всюду царили дружба, мир и согласие. <...> Правдивость и откровенность свободны были от примеси лжи, лицемерия и лукавства. Корысть и пристрастие не были столь сильны, чтобы посметь оскорбить или же совратить тогда ещё всесильное правосудие, которое они так унижают, преследуют и insultуют ныне. Закон личного произвола не тяготел над помыслами судьи, ибо тогда ещё некого и не за что было судить. Однако с течением времени мир всё более и более наполнился злом — вот почему и учредили наконец орден странствующих рыцарей, в обязанности коего входит помогать сирым и неимущим. К этому ордену принадлежу и я, братья пастухи, и теперь я от своего имени и от имени моего оруженосца не могу не поблагодарить вас за угощение и гостеприимство. Правда, оказывать содействие странствующим рыцарям есть прямой долг всех живущих на свете, однако же, зная заведомо, что вы, и не зная этой своей обязанности, всё же приютили меня и угостили, я непритворную воздаю вам хвалу за непритворное ваше радушие. <...>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА XVI.

из коей явствует, каких вершин и пределов могло достигнуть и достигло неслыханное мужество Дон Кихота, и в коей речь идёт о приключении со львами, которое Дон Кихоту удалось счастливо завершить

Радостный, счастливый и гордый... продолжал Дон Кихот свой путь... Немного погодя Санчо свернул с дороги, чтобы попросить молока у пастухов, доивших неподалёку овец, а Дон Кихот между тем поднял голову и увидел, что навстречу едет повозка, расцвеченная королевскими флагами, и, решив, что это, уж верно, какое-нибудь новое приключение, он громко стал кричать Санчо, чтобы тот подал ему шлем... Санчо направился к Дон Кихоту, дабы узнать, что ему требуется, а тот при его приближении молвил:

— Друг мой, подай мне шлем. Или я мало смыслю в приключениях, или же то, что там виднеется, представляет собою такое приключение, которое должно принудить меня и уже принуждает взяться за оружие... А теперь будь что будет, у меня достанет мужества схватиться с самим сатаню.

Тем временем повозка с флажками подъехала ближе, и тут оказалось, что, кроме помощника верхом на одном из мулов и ещё одного человека на передке повозки, никто больше её не сопровождал. Дон Кихот выехал вперёд и молвил:

— Куда, братцы, путь держите? Что это за повозка, что вы в ней везёте и что это за стяги?

Помощник же ему ответил на это так:

— Повозка — моя, а везу я клетку с двумя свирепыми львами, которых губернатор Оранский отсылает ко двору в подарок его величеству, флаги же — государя нашего короля в знак того, что везём мы его достояние.

— А как велики эти львы? — осведомился Дон Кихот.

— Столь велики, — отвечал человек, сидевший на передке, — что крупнее их или даже таких, как они, ещё ни разу из Африки в Испанию не привозили. Я львиный сторож, много львов перевёз на своём веку, но таких, как эти, ещё не приходилось. Это лев и львица; лев в передней клетке, а львица в задней, и сейчас они голодные, потому с утра ещё ничего не ели, так что, ваша милость, уж вы нас пропустите, нам надобно поскорее добраться до какого-нибудь селения и покормить их.

Дон Кихот же, чуть заметно усмехнувшись, ему на это сказал:

— Львят — против меня? Теперь против меня — львят? Ну, так эти сеньоры, пославшие их сюда, вот как перед Богом говорю, сейчас увидят, такой ли я человек, чтобы устрашиться львов! Слезай с повозки, добрый человек, и если ты сторож, то открой клетки и выпусти зверей — назло и наперекор тем волшебникам, которые их на меня натравили, я сейчас покажу, кто таков Дон Кихот Ламанчский!

Возница, видя, что это вооружённое пугало преисполнено решимости, молвил:

— Государь мой, будьте настолько любезны, сжальтесь вы надо мной и велите выпустить львов не прежде, чем я распрягу мулов и отведу их в безопасное место, а то если львы их растерзают, то мне тогда всю жизнь придётся терзаться: ведь мулы и повозка — это всё моё достояние.

— О маловер! — вскричал Дон Кихот. — Слезай, распрягай мулов, словом, поступай как знаешь, — сейчас ты увидишь, что напрасно хлопочешь и что все старания твои ни к чему.

Возница спешил и, нимало не медля, распряг мулов, а сторож между тем заговорил громким голосом:

— Призываю во свидетели всех здесь присутствующих, что я против воли и по принуждению открываю клетки и выпускаю львов, и объявляю этому сеньору, что за весь вред и ущерб от этих зверей отвечает он, и он же возместит мне моё жалованье и то, что я имею сверх жалованья. Вы, сеньоры, спасайтесь бегством, прежде нежели я открою, а насчёт себя я уверен, что звери меня не тронут.

Тут Санчо со слезами на глазах взмолился к Дон Кихоту, чтобы он отказался от этого предприятия, в сравнении с коим приключение с ветряными мельницами... и все подвиги, которые он на своём веку совершил, — это, дескать, только цветочки.

— Поймите, сеньор, — говорил Санчо, — тут нет колдовства, ничего похожего тут нет: сквозь решётку я разглядел коготь всамделишного льва и заключил, что ежели у этого льва такой коготь, то сам лев, уж верно, больше горы.

— Со страху он тебе и с полмира мог показаться, — возразил Дон Кихот. — Удались, Санчо, и оставь меня. Если же я погибну, то ведь тебе известен прежний наш уговор: поспеши к Дульсине, — всё прочее делается само собой.

К этому Дон Кихот прибавил много такого, что отняло у окружающих всякую надежду отговорить его от столь нелепой затеи. Санчо прищипил своего серого, возница — своих мулов, и оба они старались как можно дальше отъехать от по-

возки, прежде чем львы выйдут из заточения. Санчо заранее оплакивал гибель своего господина, ибо на сей раз нимало не сомневался, что быть ему в когтях львиных; он проклинал свою судьбу и тот час, когда ему вспало на ум снова поступить на службу к Дон Кихоту; впрочем, жалобы и слёзы не мешали ему нахлёстывать серого, чтобы он быстрее удалялся от повозки. Когда же сторож наконец уверился, что беглецы далеко, он начал молить и заклинать Дон Кихота, но Дон Кихот ему сказал, что пусть, дескать, сторож не утруждает себя просьбами и заклинаниями, ибо всё это напрасно, а пусть лучше, мол, поторопится.

Пока сторож возился с первой клеткой, Дон Кихот обдумывал, как благоразумнее вести сражение — пешим или же на коне, и, поразмыслив, решил, что пешим, ибо львы могли испугать Росинанта. Он соскочил с коня, бросил копьё, схватил щит, обнажил меч и, исполненный изумительной отваги и бесстрашия, важною поступью двинулся прямо к повозке, всецело поручая себя сначала Богу, а потом госпоже своей Дульсине.

Едва сторож увидел, что Дон Кихот уже наготове и что из боязни навлечь на себя гнев вспыльчивого и дерзкого кавальеро ему не миновать выпустить львов, он настежь распахнул дверцу первой клетки, где, повторяем, находился лев величины, как оказалось, непомерной, — чудовищный и страшовидный лев. Прежде всего лев повернулся в своей клетке, выставил лапы и потянулся всем телом, засим разинул пасть, сладко зевнул и языком почти в две пяди длиною протёр себе глаза и облизал морду; после этого он высунулся из клетки и горящими, как угли, глазами повёл во все стороны; при этом вид его и движения могли бы, кажется, навести страх на самую смелость. Однако Дон Кихот смотрел на него в упор, — он с нетерпением ждал, когда же наконец лев спрыгнет с повозки и вступит с ним в рукопашную, а он изрубит льва на куски.

Вот до какой крайности дошло его доселе невиданное безумие. Однако благородный лев, не столь дерзновенный, сколь учтивый, оглядевшись, как уже было сказано, по сторонам и не обращая внимания на Дон-Кихотово ребячество и молодечество, повернулся и, показав Дон Кихоту зад, прехладнокровно и не торопясь снова вытянулся в клетке; тогда Дон Кихот велел сторожу ударить его, чтобы разозлить и выгнать из клетки.

— Этого я делать не стану, — возразил сторож: — ведь коли я его раздражаю, так он первым делом разорвёт в клочки меня. Пусть ваша милость, сеньор кавальеро, удовольствуется

уже сделанным, ибо по части храбрости лучшего и желать невозможно, испытывать же судьбу дважды не годится. В клетке у льва дверца отворена: он волен выходить или не выходить, но ежели он до сей поры не вышел, стало быть, и до вечера не выйдет. Твёрдость духа вашей милости уже доказана, — от самого храброго бойца, сколько я понимаю, требуется лишь вызвать недруга на поединок и ожидать его на поле брани, если же неприятель не явился, то позор на нём, а победный веноч достанется ожидавшему.

— И то правда, — молвил Дон Кихот. — Закрой, приятель, дверцу и в наилучшей форме засвидетельствуй всё, что здесь на твоих глазах произошло, а именно: как ты открыл льву, как я его ждал, а он не вышел, как я его снова стал ждать, а он опять не вышел и снова улёгся. Мой долг исполнен, прочь колдовские чары, и да поможет Господь разуму, истине и истинному рыцарству, ты же закрой, повторяю, клетку, а я тем временем знаками подзову бежавших и отсутствовавших, дабы они услышали из твоих уст о моём подвиге.

Сторож так и сделал, а Дон Кихот, нацепив на остриё копья платок... стал звать беглецов, которые всё ещё мчались и по минутно оборачивались; когда же Санчо увидел, что Дон Кихот машет белым платком, то сказал:

— Убей меня, если мой господин не одолел этих диких зверей, — ведь он нас кличет!

Беглецы остановились и уверились, что делал знаки не кто иной, как сам Дон Кихот; это их несколько ободрило. Они осторожно двинулись обратнo, и вскоре до них явственно донеслись крики Дон Кихота, который их звал. В конце концов они приблизились к повозке, и тогда Дон Кихот сказал вознице:

— Запрягай, братец, своих мулов и трогайся в путь, а ты, Санчо, выдай ему два золотых — один для него, другой для сторожа — за то, что я у них отнял время.

— Выдать-то я им с великим удовольствием выдам, — сказал Санчо, — но, однако же, что случилось со львами? Живы они или мертвы?

Тут сторож обстоятельно и с расстановкой принял рассказывать об исходе схватки, преувеличивая как мог и умел доблесть Дон Кихота, при одном виде которого лев якобы струхнул и не пожелал и не посмел выйти из клетки, хотя дверца долгое время оставалась открытою; и только после того как он, сторож, сказал этому кавалеро, что дразнить льва и силком гнать из клетки — значит испытывать долготерпение

Божие, а кавалеро, дескать, именно добивался, чтобы льва раздразили, он неохотно и скрепя сердце позволил запереть клетку.

— Что ты на это скажешь, Санчо? — спросил Дон Кихот. — Какое чародейство устоит против истинной отваги? Чародеи вольны обречь меня на неудачи, но сломить моё упрямство и мужество они не властны.

Санчо выдал деньги, возница запряг мулов, а сторож поцеловал Дон Кихоту руку за оказанное благодеяние и пообещал рассказать о славном этом подвиге самому королю, когда приедет в столицу.

— Буде же его величество спросит, кто этот подвиг совершил, скажите, что Рыцарь Львов, ибо я хочу, чтобы прежнее моё прозвание Рыцарь Печального Образа изменили, переменяли, заменили и сменили на это, и тут я следую старинному обычаю странствующих рыцарей, которые меняли имена, когда им этого хотелось или же когда это напрашивалось само собой.

Повозка двинулась своей дорогой, а Дон Кихот и Санчо — своєю.

ГЛАВА XXVIII,

повествующая о многих великих событиях

Санчо был в совершенном восторге, ибо вообразил, что находится в милости у герцогини; он обожал довольство, и как скоро ему представлялся случай понаслаждаться жизнью, он неукоснительно хватал его за вихор. До того как все приблизились к летнему дворцу, герцог поехал вперёд и отдал распоряжения всем своим слугам, как должно обходиться с Дон Кихотом. Когда все вошли в обширный внутренний двор, две прелестные девушки набросили Дон Кихоту на плечи великолепную алую мантию, и в тот же миг во всех галереях появились слуги и служанки и начали громко восклицать:

— Добро пожаловать, краса и гордость странствующего рыцарства!

И при этом все они или почти все опрыскивали из флаконов герцога, герцогиню и Дон Кихота душистою жидкостью, что привело Дон Кихота в крайнее изумление; и тут он впервые окончательно убедился и поверил, что он не мнимый, а самый настоящий рыцарь, ибо все обходились с ним так же точно, как обходились с подобными рыцарями во времена протёкшие, о чём ему было известно из романов. Затем ему

предложили подняться по лестнице и провели в залу. Когда с Дон Кихота сняли доспехи, он, тощий, высокий, долговязый, с такими впалыми щеками, что казалось, будто они целую одну другую изнутри, остался в узких шароварах и в камзоле из верблюжьей шерсти, и вид у него был такой, что если бы девушки не делали над собой усилия, чтобы не прыснуть (а на сей предмет они получили от своих господ особый наказ), они бы, уж верно, покатались со смеху. Нимало не медля, Дон Кихот проследовал вместе с Санчо в соседний покой, переменял сорочку, препоясался мечом, накинул на плечи алую мантию, на голову надел зелёного атласа берет, который ему подали прислужницы, и в таком виде вышел в обширную залу, где его уже ожидали девушки, выстроившиеся в два ряда и державшие сосуды для омовения рук; весь этот обряд был совершён со множеством поклонов и разных церемоний. Затем явились двенадцать пажей и с ними дворецкий, чтобы отвести Дон Кихота в столовую, где его дожидались владельцы замка. Обступив Дон Кихота, пажи торжественно и весьма почтительно провели его в другую залу, где стоял роскошно убранный стол, накрытый всего лишь на четыре прибора. У порога встретили его герцог, герцогиня и некий важный священник из числа тех, которые у владетельных князей состоят в духовниках¹. Герцог предложил Дон Кихоту занять почётное место; тот сначала было отнекивался, но в конце концов сдался на уговоры. Духовник сел напротив Дон Кихота, герцог же и герцогиня — справа и слева от него...

Герцогиня спросила Дон Кихота, имеет ли он вести от сеньоры Дульсинеи и сколько великанов и лиходеев отослал он ей в подарок за последнее время, ибо, по всей вероятности, он над многими из них успел одержать победу...

Духовник, слышавший весь этот разговор про великанов, душегубов и колдовство, догадался, что это и есть Дон Кихот Ламаанский, историю которого герцог читал постоянно, между тем духовник порицал его за это многократно и уверял, что глупо с его стороны читать подобные глупости. И вот теперь совершенно удостоверившись в правильности своих предположений, он в превеликом гневе заговорил с герцогом:

— Ваша светлость! Вам, государь мой, придётся давать ответ Богу за выходки этого молодца. Я склонен думать, что этот самый Дон Кихот, Дон Остолоп или как его там, не столь уж слабоумен, каким его представляет себе ваша светлость, а потому и не след вам потворствовать его дурачествам и сума-

сбродствам. — Затем он обратился к Дон Кихоту и сказал: — Послушайте, вы, пустая голова, кто это вам втемяшил, что вы странствующий рыцарь и что вы побеждаете великанов и берёте в плен лиходеев? Опомнитесь и попомните моё слово: возвращайтесь к себе домой, растите детей, если у вас есть таковые, занимайтесь хозяйством и перестаньте мыкаться по свету, ловить в небе журавля и смешить всех добрых людей, знакомых и незнакомых. Откуда вы взяли, что были на свете и сейчас ещё существуют странствующие рыцари, не к ночи будь они помянуты? Где же это в Испании водятся великаны или в Ламанче — душегубы и где эти Дульсинеи и вся эта уйма чепухи, которая про вас написана?

Дон Кихот с вниманием выслушал почтенного сего мужа, а когда тот умолк, он, несмотря на своё уважение к герцогской чете, вскочил с места и, всем своим видом выражая гнев и возмущение, заговорил...

Впрочем, ответ его заслуживает особой главы.

ГЛАВА XXIX.

О том, как Дон Кихот ответил своему хулителю, а равно и о других происшествиях, и важных, и забавных

Итак, Дон Кихот вскочил с места, весь затрясся и, задыхаясь от волнения, заговорил:

— Я прошу вашу милость ответить: какие-такие вы нашли во мне дурачества, которые дают вам право бичевать меня, клеймить и посылать домой заниматься хозяйством и заботиться о жене и детях, хотя вы даже не знаете, есть ли они у меня? Неужели достаточно на правах духовника втереться в чужую семью, неужели достаточно получить воспитание в каком-нибудь дешёвом пансионе, видеть свет не далее, чем на двадцать-тридцать миль в окружности, чтобы так, с налёта, диктовать законы странствующему рыцарству и судить о странствующих рыцарях? Когда б меня признали за слабоумного рыцаря блестящие и великодушные вельможи, я почёл бы это за несмыслимое для себя бесчестье, а коли обзывают меня глупцом разные буквоеды, которые никогда не вступали на путь странствующего рыцарства, то я не придаю этому ровно никакого значения: я — рыцарь и, коли будет на то воля Всевышнего, рыцарем и умру. Одни шествуют по широкому полю надутого честолюбия, другие идут путём низкой и рабьей угодливости, третьи — дорогою лукавого лицемерия, четвёртые — стезёю истинной веры; я же, ведомый своею звездою,

¹ Духовник — священник, принимающий исповедь.

иду узкой тропой странствующего рыцарства, ради которого я презрел житейские блага, но не честь. Я вступался за униженных, выпрямлял кривду, карал дерзость, побеждал великанов и пошарил чудовищ. Я неизменно устремляюсь к благим целям, а именно: всем делать добро и никому не делать зла. Судите же теперь, ваши светлости, высокородные герцог и герцогиня, можно ли обзывать глупцом того, кто так думает, так поступает и так говорит.

— Ей-богу, здорово сказано! — воскликнул Санчо. — И больше вы, сеньор и господин мой, ничего не говорите в своё оправдание, всё равно лучше не скажешь, не придумаешь и не убедишь. И потом, если этот сеньор уверяет, будто странствующих рыцарей прежде не было и сейчас нет, то разве он хоть что-нибудь в этих делах смыслит?

— А ты, любезный, уж не Санчо ли Панса, о котором пишут, будто Дон Кихот обещал пожаловать ему остров?

— Я самый, — отвечал Санчо, — и заслужил я этот остров не хуже всякого другого. Про таких, как я, говорят: «К добрым людям пристанешь — сам добрым станешь», а потом ещё: «С кем поведёшься, от того и наберёшься», и ещё: «Доброго дерева сень сулит тебе добрую тень». Вот я к доброму сеньору и прилепился. Уже несколько месяцев, как я при нём состою, и, Господь даст, скоро сам стану вроде него, и ему хорошо и мне хорошо: что там ни говори, быть ему императором, а мне — губернатором.

— Разумеется, друг Санчо, — прервал его тут герцог, — из уважения к сеньору Дон Кихоту я передам тебе во владение один свободный остров довольно хорошего качества.

— На колени, Санчо! — сказал Дон Кихот. — Припади к стопам его светлости за оказанную тебе милость.

Санчо повиновался. Тут священник вскипел и, встав из-за стола, обратился к герцогу с такими словами:

— Мой сан повелевает мне сказать вам, ваша светлость, что вы так же точно помешаны, как и эти греховодники. Да как же им не быть безумными, когда люди здравомыслящие потакают их безумствам! Принимайте их у себя, ваша светлость, а я, пока они будут у вас, побуду у себя и перестану порицать то, что исправлению не поддаётся.

И, не прибавив более ни слова и так и не кончив обеда, духовник удалился, невзирая на уговоры герцога; впрочем, герцог особенно не настаивал, оттого что нелепая эта вспышка сильно его смешила. Наконец, перестав смеяться, он повёл с Дон Кихотом такую речь:

— Ваша милость, сеньор Рыцарь Львов, так великолепно за себя постояли, что теперь вам уже не стоит требовать удовлетворения.

— Ваша правда, — заметил Дон Кихот.

В конце концов Дон Кихот успокоился, обед кончился...

ГЛАВА XXXIII.

О советах, которые Дон Кихот преподавал Санчо Пансе перед тем, как тот отправился управлять островом...

...Герцог сказал Санчо, чтобы тот привёл себя в надлежащий порядок и был готов занять пост губернатора.

— Я жалую тебе самый настоящий остров, в высшей степени плодородный и обильный, — промолвил герцог.

— Я не из корысти мечу в высокие начальники и залетаю в барские хоромы, — заметил Санчо, — просто мне хочется попробовать, какое оно, это губернаторство...

В это время вошёл Дон Кихот и, узнав, о чём идёт речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увёл к себе, чтобы преподавать советы, как ему в той должности подобало себя вести.

Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочно медленно заговорил:

— ...Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться Бога, ибо в страхе Господнем заключается мудрость; будучи же мудрым, ты избежишь ошибок...

О своём худородстве, Санчо, говори с гордостью и признавайся не краснея, что ты из крестьян, ибо никому не придёт в голову тебя этим стыдить, коль скоро ты сам этого не стыдишься...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространён среди невежд, которые выдают себя за умников.

Пусть слёзы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причинённой тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда...

Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души, а теперь послушай назидания, имеющие своей целью украшение тела.

О второй части советов, преподанных
Дон Кихотом Санчо Пансе

...На протяжении великой нашей истории не раз было замечено: он [Дон Кихот] начинал пестить околенную, только когда речь заходила о рыцарстве, рассуждая же о любом другом предмете, он высказывал ум ясный и обширный, так что поступки его неизменно расходились с его суждениями, а суждения — с поступками; что же касается второй части правил, коим он обучал Санчо, то здесь он выказал остроумие чрезвычайное... Санчо слушал его с неослабным вниманием и старался удержать в памяти его советы: видно было, что он намерен хорошенько запомнить их, дабы с их помощью рождение нового губернатора протекло благополучно. Дон Кихот между тем продолжал:

— Касательно того, как надлежит держать свой дом и самого себя, Санчо, то прежде всего я советую тебе соблюдать чистоту и стричь ногти, а ни в коем случае не отращивать их, как это делают некоторые, по невежеству своему воображающие, будто длинные ногти составляют украшение рук, меж тем как если не обстригать грязные эти наросты, то они смахивают на когти хищной птицы; это — чудовищное безобразие и нечистоплотность.

Никогда не ходи, Санчо, распоясанным и неопрятным: беспорядок в одежде есть признак расслабленности духа...

Не потребляй ни чеснока, ни лука, дабы по запаху нельзя было догадаться, что ты из мужиков.

Ходи медленно, говори раздельно, но не до такой степени, чтобы можно было подумать, будто ты сам себя слушаешь, ибо всякая напыщенность противна.

За обедом ешь мало, а за ужином ещё меньше, ибо здоровье всего тела куётся в кухне нашего желудка.

Будь умерен в питье из тех соображений, что человек, выпивший лишнее, не хранит тайн и не исполняет обещаний...

Спи умеренно: кто не встанёт вместе с солнцем, тот не знает радостей дня; прими в соображение, Санчо, что расторопность есть мать удачи, врагиня же её, лень, всегда препятствует достижению благой цели...

Вот пока и всё, о чём мне пришло в голову поговорить с тобою, Санчо...

О том, как премудрый Санчо Панса вступил во владение своим
островом и как он начал им управлять

...Итак, Санчо выехал; его окружала многочисленная свита, на нём был костюм, какой носят важные судейские, верхняя одежда, весьма широкая, была сшита из рыжеватого с разводами камлота, а на голове у него красовалась такой же материи шапочка; восседал он на муле, а за мулом, по особому распоряжению герцога, шёл серый в новенькой шёлковой сбруе и соответствующих ослиному его званию украшениях. Время от времени Санчо оглядывался на осла, общество которого представляло ему такое большое удовольствие, что он не поменялся бы местами с самим императором германским. Прощаясь с герцогом и герцогиней, он поцеловал им руки, а затем попросил своего господина благословить его, и тот благословил его со слезами. Санчо же принял его благословение, вот-вот готовый расплакаться.

В конце концов он со всею своею свитою прибыл в городок, насчитывавший до тысячи жителей и являвшийся одним из лучших владений герцога. Санчо Пансе сообщили, что остров называется Баратария¹: быть может, название это было образовано от названия городка, а быть может, оно намекало на то, что губернаторство досталось Санчо Пансе дёшево. Как скоро губернатор со свитою приблизился к воротам обнесённого стеною города, навстречу вышли местные власти, зазвонили колокола, жители, единодушно изъявившие свой восторг, с великою торжественностью повели Санчо в собор, и там было совершенно благодарственное молебствие, а засим с уморительными церемониями вручили ему ключи от города и объявили его пожизненным губернатором острова Баратария. Одевание, борода, брюшко и низкорослость нового губернатора приводили в изумление не только тех, кто понятия не имел, в чём здесь загвоздка, но даже и людей, осведомлённых обо всём, а таких было множество. Наконец из собора Санчо Пансу провели в судебную палату, усадили в кресло, и тут герцогский домоправитель сказал:

— На нашем острове, сеньор губернатор, издревле ведётся обычай: кто вступает во владение славным этим островом, тому задают некоторые вопросы, иногда довольно запутанные и трудные, он же обязан на них ответить, и по его ответам горожане составляют себе мнение о сметливости нового свое-

¹ *Баратария* — от исп. *barato* (дешёвый).

го губернатора и радуются его прибытию или же, напротив, приунывают.

Пока домоправитель это говорил, Санчо занимался рассмотрением длинной надписи, выведенной крупными буквами на стене прямо против кресла; а так как он читать не умел, то спросил, что это там намалёвано. Ему ответили следующим образом:

— Сеньор, там записан и отмечен день, когда ваше превосходительство изволило вступить во владение островом, а гласит эта надпись следующее: «Сегодня, такого-то числа, месяца и года, вступил во владение этим островом сеньор дон Санчо Панса, многие ему лета».

— А кого это зовут *дон Санчо Панса*? — спросил Санчо.

— Вас, ваше превосходительство, — отвечал домоправитель, — ибо на наш остров не прибыло никакого другого Пансы, кроме того, который сейчас восседает на этом кресле.

— Ну, так запомни, братец, — объявил Санчо, — что я не *дон* и никто в моём роду не был *доном*: меня зовут просто Санчо Пансою, и отца моего звали Санчо, и Санчо был мой дед, и все были Панса, безо всяких этих *донов* да *распродонов*. И мне сдётся, что на вашем острове *донов* куда больше, чем камней. Ну да ладно, Господь меня разумеет, и, если только мне удастся погубернаторствовать хотя бы несколько дней, я всех этих *донов* выведаю: коли их тут такая гибель, то они, уж верно, надоели всем хуже комаров.

В это время в судебную палату вошли два старика: одному из них трость заменила посох, другой же, совсем без посоха, повёл такую речь:

— Сеньор, я дал займы этому человеку десять золотых, ибо хотел уважить покорнейшую его просьбу, с условием, однако ж, что он мне их возвратит по первому требованию. Время идёт, а я у него долга не требую: боюсь поставить его этим в ещё более затруднительное положение, нежели в каком он находился, когда у меня занимал. Наконец вижу, что он и не собирается платить долг, ну и стал ему напоминать, а он мало того, что не возвращает, но ещё и отпирается — говорит, будто никогда я ему этих десяти эскудо займы не давал, а если, дескать, и был такой случай, то он мне их давным-давно возвратил. У меня нет свидетелей ни займа, ни отдачи, да и не думал он отдавать мне долг. Нельзя ли, ваша милость, привести его к присяге? И вот если он и под присягой скажет, что отдал мне деньги, то я его прощу немедленно, вот здесь, перед лицом Господа Бога.

— Что ты на это скажешь, старикан с посохом? — спросил Санчо.

Старик же ему ответил так:

— Сеньор, я признаю, что он дал мне займы эту сумму, — опустите жезл, ваша милость, пониже, — и коли он полагается на мою клятву, то я клянусь в том, что воистину и вправду возвратил и уплатил ему долг.

Губернатор опустил жезл, после чего старик с посохом попросил другого старика подержать посох, пока он будет приносить присягу, как будто бы посох ему очень мешал, а затем положил руку на крест губернаторского жезла и объявил, что ему, точно, ссудили десять эскудо, ныне с него взыскиваемые, но что он их передал заимодавцу из рук в руки, заимодавец же, мол, по ошибке несколько раз потом требовал долг. Тогда великий губернатор спросил заимодавца, что тот имеет возразить противной стороне, а заимодавец сказал, что должник, вне всякого сомнения, говорит правду, ибо он, заимодавец, почитает его за человека порядочного и за доброго христианина, что, по-видимому, он запомнил, когда и как тот возвратил ему десять эскудо, и что больше он их у него не потребует. Должник взял свой посох и, отвесив поклон, направился к выходу; тогда Санчо, видя, что должник как ни в чём не бывало удаляется, а истец покорно на это смотрит, опустил голову на грудь и, приставив указательный палец правой руки к бровям и переносице, погрузился в раздумье, но очень скоро поднял голову и велел вернуть старика с посохом, который уже успел выйти из судебной палаты. Старика привели. Санчо же, увидев его, сказал:

— Дай-ка мне, добрый человек, твой посох, он мне нужен.

— С великим удовольствием, — сказал старик, — нате, сеньор. — И он отдал ему посох. Санчо взял посох, передал его другому старику и сказал:

— Ступай с Богом, тебе заплачено.

— Как так, сеньор? — спросил старик. — Разве эта палка стоит десять золотых?

— Стоит, — отвечал губернатор, — а если не стоит, значит, глупее меня никого на свете нет. Сейчас вы увидите, гожусь я управлять целым королевством или не гожусь.

И тут он велел на глазах у всех сломать и расколоть трость. Как сказано, так и сделано, и внутри оказалось десять золотых. Все пришли в изумление... Наконец старик устыжённый и старик удовлетворённый вышли из судебной палаты, оставшиеся были изумлены, тот же, кому было поручено записывать слова,

действия и движения Санчо, всё ещё не мог решить: признавать и почитать Санчо за дурака или же за умника.

ГЛАВА XL.

О злополучном конце и исходе губернаторства Санчо Пансы

...В седьмую ночь своего губернаторства Санчо находился в постели, и сон... уже начинал смыкать его вежды, как вдруг послышались столь шумные крики и столь оглушительный звон колоколов, что можно было подумать, будто остров проваливается сквозь землю. Санчо сел на кровати и весь превратился в слух, пытаясь угадать, какова причина столь великого смятения: однако ж он так и не догадался, напротив: вскоре к шуму голосов и колокольному звону примешались трубный звук и барабанный бой, и тут Санчо окончательно смешался и преисполнился страха и ужаса: он вскочил, надел туфли, ибо пол в спальне был холодный, и, не успев даже накинуть халат или что-нибудь в этом роде, приблизился к двери и увидел, что по коридору бегут более двадцати человек с горящими факелами и обнажёнными шпагами в руках; при этом все они громко кричали:

— К оружию, к оружию, сеньор губернатор! К оружию, ибо несметная сила врагов вторглась на наш остров! Мы погибли, если только ваша находчивость и стойкость нас не спасут!

С этими криками, в неистовстве и смятении толпа добежала до Санчо, поражённого и ошеломлённого всем, что он видел и слышал, и, добежав, один из толпы сказал:

— Вооружайтесь, ваше превосходительство, если не хотите погибнуть сами и погубить весь наш остров!

— Да зачем мне вооружаться! — воскликнул Санчо. — Разве я что-нибудь смыслю в вооружении и в обороне? Это дело лучше всего возложить на моего господина Дон Кихота, — он бы в один миг с этим покончил и отразил нападение, а я, грешный человек, в такой кутерьме теряю голову.

— Ах, сеньор губернатор! — воскликнул другой. — Уместна ли подобная беспечность? Вооружайтесь, ваша милость, мы вам принесли оружие как для наступления, так и для обороны. Вы ходите на площадь, будьте нашим вождём и полководцем, ибо вам, нашему губернатору, по праву принадлежит эта честь.

— Ладно, вооружайте меня, — молвил Санчо.

В ту же минуту были принесены два щита, на сей предмет заранее припасённые... В руки ему вложили копье, и, чтобы устоять на ногах, он на него опёрся. Когда же он был таким

образом облачён в доспехи, ему сказали, чтоб он шёл вперёд, вёл за собой других и поднимал дух войска...

— Да как же я, несчастный, пойду, — возразил Санчо...

— Идите, сеньор губернатор, — сказал кто-то из толпы... — Совладайте с собой и поторопитесь, а то будет поздно: враг всё прибывает, крики усиливаются, опасность возрастает.

В конце концов уговоры и порицания подействовали: бедный губернатор сделал было попытку сдвинуться с места, но тут же со всего размаху грянулся об пол, так что у него искры из глаз посыпались. Он остался лежать на полу, словно черепаха, заточённая и замурованная между верхним и нижним щитом, или словно окорок между двумя противнями, или, наконец, словно лодка, врезающаяся носом в песок; между тем у насмешников падение его не вызвало ни малейшей жалости, напротив: они потушили факелы и ещё громче стали кричать, с ещё большим жаром принялись взывать к оружию и, перепрыгивая через бедного Санчо, с такою яростью начали бить мечами по его щитам, что когда бы горемычный губернатор не подобрал ноги и не втянул голову под щиты, то ему бы несдобровать; стеснённый и сжатый донельзя, он обливался потом и горячо молился Богу, чтоб он избавил его от этой напасти. Одни на него натыкались, другие падали, а кто-то даже взобрался на него и, точно со сторожевой вышки, начал командовать войсками и кричать во всю мочь:

— Эй, наши, сюда! Неприятель больше всего теснит нас с этой стороны! Охраняйте этот вход! Заприте ворота! Загородите лестницы! Тащите сюда зажигательные снаряды, лейте смолу в котлы с кипящим маслом! Перегородите улицы тюфяками!

Словом, он старательно перечислял всякую военную утварь, всевозможные орудия и боевые припасы, необходимые для того, чтобы отстоять город, меж тем как сильно потрёпанный Санчо всё это слушал, терпел и говорил себе: «О Господи, сделай так, чтобы остров как можно скорее был взят, а меня или умертви, или избавь от этой лютой невзгоды!» Небо услышало его мольбы, ибо неожиданно-негаданно раздались крики:

— Победа, победа! Неприятель разбит, сеньор губернатор, а сеньор губернатор! Вставайте, ваша милость! Спешите пожать плоды победы и распределить трофеи, захваченные у неприятеля благодаря твёрдости и неустрашимости вашего духа!

— Поднимите меня, — слабым голосом молвил Санчо.

Ему помогли встать, и, поднявшись с полу, он сказал:

— Плюньте мне в глаза, если я и впрямь кого-то победил. Не желаю я распределять трофеи, я прошу и молю об одном:

кто-нибудь из вас, будьте другом, дайте мне глоточек вина, а то у меня в горле пересохло, вытрите меня, а то я весь взмок от пота!

Когда же Санчо обтёрли, принесли ему вина и сняли с него щиты, он сел на кровать и тут же от страха, волнения и усталости лишился чувств. наших забавников уже начинала мучить совесть, что забава их оказалась столь для Санчо мучительной, однако Санчо скоро очнулся, и это их утешило. Санчо осведомился, который час; ему ответили, что уже светает. Он ни о чём более не стал спрашивать и без всяких разговоров, храня совершенное молчание, стал одеваться. Присутствовавшие смотрели на него и не могли взять в толк, какова цель этого столь поспешного одевания. Наконец он оделся и, еле передвигая ноги, ибо он был сильно потрепан и двигался с трудом, направился к конюшне, а за ним последовали все прочие; он же приблизился к серому, обнял его, в знак приветствия поцеловал в лоб и, прослезившись, заговорил:

— Приди ко мне, мой товарищ и друг, деливший со мною труды и горести! В ту пору, когда я с тобой водился и не имел других забот, кроме починки твоей упряжи и поддержания жизни твоей, часы мои, дни и ночи текли счастливо, но стоило мне тебя покинуть... как меня стали осаждать тысячи напастей, тысячи мытарств и несколько тысяч треволнений.

Произнося такие речи, Санчо одновременно седлал осла, из окружающих же никто его не прерывал. Как скоро он оседлал серого, то с немалым трудом и с немалыми мучениями на него взобрался и, обратившись со словом и речью к домоправителю, секретарю, дворецкому, доктору... и ко многим другим здесь присутствующим, начал так:

— Дайте дорогу, государи мои, и дозвоьте мне вернуться к прежней моей свободе. Я не рождён быть губернатором и защищать острова и города от вторжения вражеских полчищ. Я куда лучше умею пахать и копать землю, подрезывать и отсаживать виноград, нежели издавать законы и оборонять провинции и королевства. Каждый должен заниматься тем делом, для которого он рождён, и мне больше пристало держать в руке серп, чем жезл губернатора. Лучше мне досыта наедаться похлёбкой, чем зависеть от скаредности¹ нахального лекаря, который морит меня голодом. И я предпочитаю в летнее время развалиться под дубом, а в зимнюю пору накрываться шкурой двухгодовалого барана, но только знать, что ты сам себе господин, нежели под ярмом губернаторства спать на простынях голландского

¹ Скаредность — скупость.

полотна и носить собольи меха. Оставайтесь с Богом, ваши милости, и скажите сеньору герцогу, что голышом я родился, голышом весь свой век прожить ухитрился: я хочу сказать, что вступил я в должность губернатора без гроша в кармане и без гроша отсюда ухожу — в противоположность тому, как обыкновенно уезжают с островов губернаторы. А теперь раздайтесь и пропустите меня: я еду лечиться пластырями, а то у меня, поди, ни одного здорового ребра не осталось по милости врагов, которые нынче ночью по мне прошлись.

— Напрасно, сеньор губернатор, — возразил доктор, — я дам вашей милости питьё от ушибов и переломов, и вы сей же час окрепнете и поправитесь. Что же до пищи, то я обещаю вашей милости исправиться и буду позволять вам отдавать обильную дань чему угодно.

— Нужно было раньше думать! — отрезал Санчо. — Я скорей превращусь в турка, чем отменю свой отъезд. Хорошенького понемножку. Клянусь Богом, я и здесь, у вас, не останусь губернатором и никакого другого губернаторства не приму, хоть бы мне его на блюде поднесли, и это так же верно, как то, что на небо без крыльев не полетишь. Я из рода Панса, а Панса, все до одного, упрямцы, и если кто из нас сказал: «Нечет», хотя бы на самом деле был чёт, так всему свету назло и поставит на своём: нечет, да и только. Одним словом, дальше постели ног не вытягивай, а теперь дайте мне дорогу: час-то ведь поздний...

Губернаторство Санчо Пансы длилось недолго.

Дон Кихот, тяготясь праздной жизнью в замке, решил продолжать свои странствия.

— Свобода, Санчо, — сказал он своему верному оруженосцу, — есть одна из самых драгоценных щедрот, которые небо изливает на людей: с нею не могут сравниться никакие сокровища — ни те, что таятся в недрах земли, ни те, что сокрыты на дне морском. Ради свободы, так же точно, как и ради чести, можно и должно рисковать жизнью, и, напротив того, неволя есть величайшее из всех несчастий, какие только могут случиться с человеком.

ГЛАВА XLIV,

повествующая о приключении, которое принесло Дон Кихоту больше горя, нежели все, какие у него были до сих пор

Однажды утром Дон Кихот, облачённый во все свои доспехи, ибо он любил повторять, что его наряд — это его доспехи, а в лютой битве — его покой, и оттого не расставался с ними

ни на мгновение, выехал прогуляться по набережной и вдруг увидел, что навстречу ему едет рыцарь, вооружённый, как и он, с головы до ног, при этом на щите у него была нарисована сияющая луна; приблизившись на такое расстояние, откуда его должно было быть слышно, рыцарь возвысил голос и обратился к Дон Кихоту с такою речью:

— Преславный и ещё недостаточно оценённый рыцарь Дон Кихот Ламанчский! Я тот самый Рыцарь Белой Луны, коего беспримерные деяния, уж верно, тебе памяты. Я намерен сразиться с тобою и испытать мощь твоих дланей¹, дабы ты признал и подтвердил, что моя госпожа, кто бы она ни была, бесконечно прекраснее твоей Дульсины Тобосской, и если ты открыто в этом признаешься, то себя самого избавишь от смерти, меня же — от труда умерщвлять тебя. Если же ты пожелаешь со мною биться и я тебя одолею, то в виде удовлетворения потребую лишь, чтобы ты сложил оружие и, отказавшись от дальнейших поисков приключений, удалился и уединился в родное своё село сроком на один год и, не прилагаясь к мечу, стал проводить свои дни в мирной тишине и благодетельном спокойствии. Буде же ты меня одолеешь, то в этом случае ты волен отсечь мне голову, доспехи мои и конь достанутся тебе, слава же о моих подвигах прибавится к твоей славе. Итак, выбирай любое и с ответом не медли, потому что я намерен нынче же с этим делом покончить.

Дон Кихот был поражён и озадачен как дерзким тоном Рыцаря Белой Луны, так и причиною вызова, и он строго, впрочем сохраняя наружное спокойствие, ему ответил:

— Рыцарь Белой Луны, о подвигах ваших я доселе не был слышан, и я готов поклясться, что вы никогда не видели сиятельнейшую Дульсину Тобосскую: я уверен, что если бы вы её видели, то воздержались бы от подобного вызова, ибо... не было и не может быть на свете красавицы, которая сравнилась бы с Дульсиной. Поэтому я не стану говорить, что вы лжётё, а скажу, что вы заблуждаетесь; вызов же, который вы мне сделали, я на указанных вами условиях принимаю и предлагаю сразиться сей же час, не откладывая до другого дня. Единственно, на что я не могу согласиться, — это чтобы слава о ваших подвигах перешла ко мне, ибо мне неизвестно, каковы они и что они собой представляют; с меня довольно моих, каковы бы они ни были. Выбирайте же себе любое место на поле битвы, я выберу себе, а там что Господь даст.

¹ Длань — рука.

В городе уже заметили Рыцаря Белой Луны и уведомили вице-короля¹ как о самом рыцаре, так и о том, что он вступил в разговор с Дон Кихотом Ламанчским. Вице-король вместе с доном Антонио и множеством других кавалеров поспешил на набережную и прибыл туда как раз в ту минуту, когда Дон Кихот поворачивал Росинанта, чтобы взять разбег. Увидев, что всадники вот-вот налетят друг на друга, вице-король встал между ними и спросил, что за причина столь внезапной битвы. Рыцарь Белой Луны ответил, что спор у них зашёл о том, кто первая красавица в мире, и, вкратце повторив всё то, о чём он уже говорил Дон Кихоту, перечислил условия поединка, принятые обеими сторонами. Вице-король приблизился к дону Антонио и тихо спросил, знает ли он, кто таков Рыцарь Белой Луны, и не намерен ли он подшутить над Дон Кихотом. Дон Антонио ему ответил, что рыцаря он не знает и не знает также, в шутку или по-настоящему вызывает он Дон Кихота на поединок. Ответ дона Антонио привёл вице-короля в замешательство, и он колебался, позволить или воспретить единоборство; и всё же он не мог допустить мысли, что это не шуточный поединок, а потому отъехал в сторону и сказал:

— Сеньоры кавалеры, коль скоро у каждого из вас нет иного выхода, кроме как признать правоту своего противника или же умереть, между тем сеньор Дон Кихот продолжает стоять на своём, а ваша милость, Рыцарь Белой Луны, на своём, то начинайте с Богом.

Рыцарь Белой Луны в изысканных и остроумных выражениях поблагодарил вице-короля за то, что он им позволил сразиться, и с такою же речью обратился к вице-королю Дон Кихот. Затем, всецело отдавшись под покровительство сил небесных, а равно и под покровительство Дульсины (как он это имел обыкновение делать перед началом всякого боя), Дон Кихот снова взял небольшой разбег, ибо заметил, что его противник также берёт разгон, после чего, без трубного звука и без какого-либо другого сигнала к бою, рыцари одновременно повертели коней и ринулись навстречу друг другу. Но конь Рыцаря Белой Луны оказался проворнее и успел пробежать две трети разделявшего их расстояния, и тут Рыцарь Белой Луны, не пуская в ход копьё (которое он, видимо, нарочно поднял вверх), с такой бешеной силой налетел на Дон Кихота, что тот вместе с Росинантом совершил рискованное падение. Рыцарь Белой Луны мгновенно очутился подле него и, приставив к его забралу копьё, молвил:

¹ Вице-король — наместник испанского короля в Каталонии.

— Вы побеждены, рыцарь, и вы умрёте, если не пожелаете соблюсти условия нашего поединка.

Дон Кихот, ушибленный и оглушённый падением, не поднимая забрала, голосом слабым и глухим, как бы доносившимся из подземелья, произнёс:

— Дульсинея Тобосская — самая прекрасная женщина в мире, я же самый несчастный рыцарь на свете, но моё бессилие не может поколебать эту истину. Вонзай же копьё своё, рыцарь, и отними у меня жизнь, ибо честь ты у меня уже отнял.

— Ни в коем случае, — объявил Рыцарь Белой Луны, — пусть всё так же идёт по миру слава о красоте сеньоры Дульсины Тобосской. Я удовлетворюсь тем, что досточтимый Дон Кихот удалится в своё имение на год, — словом, впредь до особого моего распоряжения, о чём у нас было условлено перед началом схватки.

Всё это слышали вице-король, дон Антонио и многие другие, при сём присутствовавшие, и слышали они также ответ Дон Кихота, который объявил, что коль скоро ничего оскорбительного для Дульсины с него не требуют, то он, будучи рыцарем добросовестным и честным, всё остальное готов исполнить. Выслушав это признание, Рыцарь Белой Луны поворотил коня и, покловившись вице-королю, поскакал коротким галопом в город.

Вице-король попросил дону Антонио поехать за ним и во что бы то ни стало попытаться, кто он таков. Дон Кихота подхватили на руки, и когда подняли ему забрало, то все увидели его бледное и покрытое потом лицо. Росинант же пребывал в столь жалком состоянии, что всё ещё не мог сдвинуться с места. Санчо, опечаленный и удручённый, не знал, что сказать и как поступить; у него было такое чувство, будто всё это происходит во сне и словно всё это сплошная чертовщина. На глазах Санчо его господин признал себя побеждённым и обязался в течение целого года не братья за оружие, и казалось Санчо, что слава о великих подвигах Дон Кихота меркнет... Он боялся, не повреждены ли кости у Росинанта, и ещё он боялся, что у его господина прошло повреждение ума (а между тем какое это было бы счастье!). В конце концов Дон Кихота понесли в город на носилках, которые были сюда доставлены по приказу вице-короля, а за ним последовал и вице-король, ибо ему любопытно было знать, кто таков Рыцарь Белой Луны, который столь безжалостно поступил с Дон Кихотом.

в коей сообщается о том, кто был Рыцарь Белой Луны

Дон Антонио Морено поехал следом за Рыцарем Белой Луны, и ещё следовали за ним гурьбою и, можно сказать, преследовали его мальчишки, до тех пор, пока он не укрылся в одной из городских гостиниц. Побуждаемый желанием с ним познакомиться, дон Антонио туда вошёл. Рыцаря встретил слуга, чтобы снять с него доспехи; рыцарь прошёл в залу, а за ним — дон Антонио, которого подмывало узнать, что же это за человек. Заметив, что кавальеро от него не отстаёт, Рыцарь Белой Луны обратился к нему с такими словами:

— Я вижу, сеньор, что вы пришли узнать, кто я таков, а так как мне скрывается не для чего, то, пока слуга будет снимать с меня доспехи, я вам расскажу всё без утайки. Да будет вам известно, сеньор, что я бакалавр¹ Самсон Карраско, односельчанин Дон Кихота Ламанчского, коего помешательство и слабоумие вызывают сожаление у всех его знакомых, и к числу тех, кто особенно о нём сокрушается, принадлежу я. Полагая же, что залог его выздоровления — покой и что ему необходимо пожить на родине и у себя дома, я придумал способ, как принудить его возвратиться. И вот месяца три тому назад, переодевшись странствующим рыцарем и назвавшись Рыцарем Зеркал, я настиг его по дороге: у меня было намерение сразиться с ним и, не причинив ему ни малейшего вреда, одолеть, при этом я предполагал биться на таких условиях, что побеждённый сдаётся на милость победителя, а потребовать я с него хотел... чтобы он возвратился в родное село и никуда оттуда не выезжал в течение года, а за это время он, мол, поправится. Однако ж судьба распорядилась иначе, то есть одолел не я, а он, — он вышиб меня из седла, и, таким образом, замысел мой не был приведён в исполнение: он поехал дальше, а я, побеждённый, посрамлённый, оглушённый падением, которое, должно заметить, могло дурно для меня кончиться, возвратился восвояси. И всё же у меня не пропала охота снова его разыскать и одолеть, чего мне и удалось достигнуть сегодня у вас на глазах. А так как он строго придерживается законов странствующего рыцарства, то, разумеется, во исполнение данного им слова не преминёт подчиниться моему требованию. Вот, сеньор, и всё, больше мне вам сказать нечего, но только я вас прошу: не выдавайте меня, не говорите Дон Кихоту, кто

¹ Бакалáвр — человек, получивший диплом об окончании высшего учебного заведения.

я таков, иначе не осуществится доброе моё намерение возвратить рассудок человеку, который так умеет здраво рассуждать, когда дело не касается всей этой рыцарской гили¹.

— Ах, сеньор! — воскликнул дон Антонио. — Да простит вас Бог за то, что вы наносите столь великий урон всему миру, стремясь образумить забавнейшего безумца на свете...

Карраско на это сказал, что дело его, несомненно, идёт на лад и что он твёрдо верит в благоприятный его исход. Дон Антонио объявил, что он всегда к его услугам, после чего они распрощались, и Самсон Карраско, велев навьючить свои доспехи на мула и не задерживаясь долее ни минуты, на том самом коне, что участвовал в битве с Дон Кихотом, выехал из города и прибыл в родные края, причём в пути с ним не произошло ничего такого, о чём следовало бы упомянуть на страницах правдивой этой истории. Дон Антонио передал вице-королю всё, что ему рассказал Карраско, от чего вице-король в восторг не пришёл, ибо он полагал, что удаление Дон Кихота на покой лишит удовольствия всех, кто имел возможность получать сведения о его безумствах.

¹ *Гиль* (устар.) — здесь: вздор, чепуха.

Дон Кихот, ослабевший, унылый, задумчивый и мрачный, пролежал в постели шесть дней, и всё это время его неотступно преследовала мысль о злополучной этой битве, кончившейся его поражением. Санчо сколько мог его утешал и, между прочим, сказал ему следующее:

— Выше голову, государь мой, постарайтесь рассеяться и возблагодарите Господа Бога за то, что, сверзившись с коня, вы ни одного ребра себе не сломали. Известно, что, где дают, там же и бьют, дом с виду — полная чаша, а зайдёшь — хоть шаром покати. Так вот, стало быть, наплюйте на всех лекарей, потому никакого лекаря для вашей болезни не требуется, и поедьте домой, а поиски приключений в неведомых краях и незнакомых местах давайте-ка бросим. И ежели вдуматься, то больше всего на этом деле пострадал я, хотя, впрочем, досталось больше вашей милости. Когда я покинул своё губернаторство, то у меня пропала всякая охота ещё когда-нибудь губернаторствовать, но зато меня не покинуло желание стать графом, а ведь этому уж не бывать, потому что ваша милость покидает рыцарское поприще, а значит, вам уже не бывать королём: вот и выходит, что надеждам моим, как видно, не сбыться.

— Оставь, Санчо! Ведь тебе же известно, что моё заточение и затворничество продлится не более года, а затем я снова возвращусь к моему почтенному занятию и не премину добыть себе королевство, а тебе графство.

— В добрый час сказать, в худой промолчать, — заметил Санчо. — Мне частенько приходилось слышать, что лучше на что-нибудь хорошее надеяться, чем иметь в руках что-нибудь дрянное.

Дон Кихот всё никак не мог оправиться после своего падения, а потому он и Санчо выехали из города только спустя несколько дней: Дон Кихот — без оружия, в дорожном одеянии, а Санчо — пешком, оттого что на серого навьючены были доспехи.

1615

Перевод с испанского Н. Любимова

Обдумаем прочитанное

1. Какое чувство вызывают у вас описание сборов героя романа в странствия (глава I, часть первая), сцена посвящения его в рыцари (глава II, часть первая), бой с ветряными мельницами (глава VII, часть первая), эпизод со львами (глава XVI, часть вторая)?

2. С какой целью Дон Кихот отправился в странствия (главы I, IX, часть первая; глава XXIX, часть вторая)? Как это характеризует Дон Кихота?

3. Почему Дон Кихот вмешался в конфликт сельчанина со слугой (глава IV, часть первая)? Почему он не достиг своей цели?

4. Какие советы давал Дон Кихот Санчо Пансе перед тем, как тот стал «губернатором» (главы XXIII—XXIV, часть вторая)? Что названные главы добавляют к характеристике Дон Кихота?

5. В главе IX (часть первая) Дон Кихот рассказывает пастухам о давно ушедшем «золотом веке». Какие взгляды и стремления Дон Кихота отразились в этом рассказе?

6. Какие качества Дон Кихота проявляются в сцене встречи и поединка с Рыцарем Белой Луны (глава XLIV, часть вторая)?

7. Что можно сказать о Санчо Пансе на основании глав VI, VII первой части, XXXV и XL второй части романа? Составьте план ответа.

8. «Каждый человек есть немножко Дон Кихот», — писал знаменитый русский критик В. Г. Белинский. Как вы понимаете эти слова? В какой мере можно согласиться с мнением критика? Случалось ли вам слышать выражение «донкихотство» или имя Дон Кихот в применении к какому-нибудь человеку? Что хотели в этих случаях сказать говорящие? А когда употребляют выражение «битва с ветряными мельницами»?

9. В «Дон Кихоте» много смешного, оно поистине видно невооружённым глазом. Недаром первые читатели хохотали над романом. Шутили даже, встретив хохочущего человека с книгой в руках: он или сумасшедший, или читает «Дон Кихота». Постепенно перед читающими стали открываться глубины романа: в нём увидели и смешное, и серьёзное, и грустное, и даже трагичное. А какое впечатление произвели прочитанные главы на вас? Что, по-вашему, в романе вызывает грустные чувства?

Для любознательных

Очевидно, вы обратили внимание на то, что в учебнике, как и в других книгах подобного рода, зарубежная литература выделена в особый раздел. Это правомерно: литература родного, русского языка требует большего внимания к слову, в ряде случаев меньших исторических и бытовых комментариев и т. д. Но это не значит, что русская литература отделена от зарубежной глухой стеной. Наоборот, литературы разных народов подобны сообщающимся сосудам: они постоянно взаимодействуют друг с другом, влияют друг на друга, обогащают друг друга сюжетами, конфликтами, характерами героев, средствами изображения. Переводная, зарубежная литература входит в литературную жизнь эпохи и становится для читателей предметом глубокого внимания и интереса.

Возьмём такие примеры.

Вы познакомились с фрагментами пьесы Шекспира и романа Сервантеса. Эти произведения давно включились в поток литературы, любимой русскими читателями. Переводы Шекспира появились в России ещё в XVIII веке. В начале XIX века в стране сложился подлинный культ английского драматурга, в конце XIX — возникла литературоведческая наука — шекспироведение. И в настоящее время пьесы Шекспира ставят в театрах, экранизируют, издаются массовыми тиражами.

Первый перевод «Дон Кихота» был сделан в России тоже в XVIII веке. С тех пор этот роман занимает почётное место во всех общественных и частных библиотеках, по его мотивам созданы кинофильмы, балеты. Ни один культурный человек не сможет пройти мимо романа Сервантеса.

Трудно переоценить роль переводной литературы, помогающей людям приобщиться к духовным ценностям других народов. Недаром Пушкин называл переводчиков «почтовыми лошадьми просвещения» (имея в виду и труд переводчиков, и их роль во взаимосвязи культур разных стран). В России в этом отношении многое сделали В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, Б. Л. Пастернак. Из зарубежных авторов отметим французского писателя Проспера Мериме, который долгие годы пропагандировал среди современников русскую литературу.

Проспер МЕРИМЕ

(1803—1870)

Сын художника и сам хороший рисовальщик, Мериме получил прекрасное образование, был избран членом Французской академии. С юношеского возраста стал писать пьесы, новеллы, критические статьи. Среди его новелл особенно известны такие, как «Маттео Фальконе», «Таманго», «Кармен» (по последней композитором Бизе написана известная опера).

Особый интерес Мериме вызывала русская литература. Он восхищался Пушкиным, о котором говорил: «Только у одного Пушкина слог смел и прост; только он умеет с удивительным вкусом отобрать из тысячи мелких подробностей одну, которая поражает воображение. <...> Каждое слово его лаконичного описания создаёт определённый образ и оставляет неизгладимое впечатление». И ещё одна цитата: «Никто, кроме Пушкина, не умеет рассказывать так остроумно, никто так искусно не соединяет смелую и честную сатиру с верными и тонкими наблюдениями нравов и характеров». Многие произведения Пушкина Мериме перевёл на французский язык. Долгие годы он дружил с Тургеневым, находившимся тогда за границей, высоко ценил его «Записки охотника», в которых видел «смелость честного человека», «любовь к добру и прекрасному, располагающую душевную чуткость». Вместе с Тургеневым он перевёл на французский язык поэму Лермонтова «Мцыри», он же был переводчиком «Ревизора» Гоголя.

С именем Проспера Мериме связан один забавный эпизод в творчестве Пушкина. Мериме любил мистификации (розыгрыши, весёлые обманы). Изучив устное творчество балканских народов, он издал анонимный сборник якобы их народных песен, на самом деле сочинённых им самим. Пушкин принял эти песни за подлинные и по их мотивам создал цикл стихотворений «Песни западных славян». Мериме позднее признался

в подделке и через своего знакомого (друга Пушкина) С. А. Соболевского просил передать русскому поэту свои извинения.

Впрочем, от этой «мистификации» не пострадал никто: и французская, и русская литературы обогатились произведениями двух выдающихся писателей.

☞ Сопоставьте прозаические тексты из сборника Мериме и восходящие к ним стихи Пушкина.

Вот текст легенды, написанный Проспером Мериме:

ЧЕРНОГОРЦЫ

I

Сказал Наполеон: «Что это за люди, посмевшие мне сопротивляться? Пусть они сложат к моим ногам свои ружья и ятаганы, украшенные чернью». И он послал в горы двадцать тысяч солдат.

II

Идут драгуны, идёт пехота, тащат они пушки и мортиры. «Что ж, пожалуйста в наши горы, вы найдёте там пятьсот храбрых черногорцев. Для пушек у нас есть пропасти, для драгун — обломки скал, для пехоты — пятьсот добрых ружей».

<...>

IV

Выступили они в поход. Их оружие сверкало на солнце. В боевом порядке двинулись они в горы, чтобы сжигать наши селения, забирать в плен наших жён и детей. Дойдя до серой скалы, они подняли глаза и увидели наши красные шапки.

V

Тогда их командир сказал: «Пусть каждый прицелится, пусть каждый убьёт одного черногорца». Они тотчас же выстрелили и сбили наши красные шапки, которые мы надели на пики. А сами мы, лёжа в тылу на земле, открыли огонь по врагу.

VI

«Слушайте, это эхо наших выстрелов», — сказал командир. Но не успел он оглянуться, как пал мёртвым, а с ним ещё двадцать пять человек. Остальные обратились в бегство и с той поры уже не смели больше взглянуть на красную шапку.

Тот, кто сложил эту песню, был вместе со своими братьями у серой скалы; зовут его Гунцар Воссерач.

Из книги «Гузла» (Песни западных славян), 1827
Перевод с французского Н. Рыковой

А теперь прочитайте стихотворение А. С. Пушкина:

БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ

«Черногорцы? Что такое? —
Бонапарте спросил. —
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?

Так расскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам».

Вот он плёт на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

Нам сдаваться нет охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждём, —
Вот они вступили в горы,
Истребляя всё кругом.

.....
.....

Идут тесно под скалами.
Вдруг смятение!.. Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.
«Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.

Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаюсь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам. — «Что что? —
Удивясь, они сказали, —
Эхо, что ли?» Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

1834

~ Чем различаются прочитанные вами тексты Мериме и Пушкина?

И ещё одно сопоставление.

Проспер Мериме:

КОНЬ ФОМЫ II

Почему плачешь ты, прекрасный мой белый конь? Почему так жалобно ржёшь? Разве сбруя на тебе не богатая? Разве у тебя не серебряные копыта с золотыми гвоздями? Разве на шее твоей не висят серебряные бубенцы? Разве не носишь ты на себе короля плодородной Боснии? — Плачу я, мой хозяин, потому, что басурман сорвёт с меня серебряные подковы, и золотые гвозди, и серебряные бубенцы. И оттого я жалобно ржу, мой хозяин, что проклятый басурман сделает мне седло из кожи боснийского короля.

Перевод с французского Н. Рыковой

КОНЬ

«Что ты ржёшь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызёшь своих удил?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачёны стремя?»

Отвечает конь печальный:

«Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пеньё стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмёт
И серебряны подковы
С лёгких ног моих сдерёт;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чепрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».

1834

❧ Вопросы ❧

1. В чём отличие пушкинского текста от текста Мериме? Чем, по-вашему, оправданы изменения, которые внёс Пушкин в текст легенды?
2. Назовите некоторые известные вам произведения зарубежной литературы, вошедшие в круг чтения современного читателя.

❧ Приглашаем в библиотеку ❧

Советуем прочитать: новеллы Мериме «Маттео Фальконе», «Таманго».

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ЕЁ ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ

❧ Вопросы ❧

(ко всему курсу 8-го класса)

1. Назовите известные вам виды искусства. Чем сходна с ними и чем отличается от них художественная литература?
2. Что нового о людях прошедших веков и десятилетий, об их жизни и борьбе вы узнали из произведений, изученных в 8-м классе? (Для примера можно остановиться на одном-двух произведениях.)
3. Могут ли научные книги и статьи заменить художественную литературу? Могут ли произведения художественной литературы заменить труды по истории, биологии, физике и т. д.? (Обоснуйте своё мнение.)
4. Назовите нескольких запомнившихся вам героев изученных произведений. Что привлекало в людях авторов этих произведений, что, наоборот, они осуждали?
5. Каково значение художественного вымысла в работе писателя? (Отвечая на этот вопрос, обратитесь к рассказам «После бала», «Телеграмма» и др.)

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО

Всякое художественное произведение — это особый мир, созданный писателем по законам художественного творчества на основе глубокого знания жизни, человеческих характеров, взаимоотношений людей. В каждом произведении по-своему отражаются какие-то стороны действительности и внутреннего мира автора. Художественные образы — картины жизни — объединяются в произведении *темой, идеей* (главной мыслью), чувствами писателя, его отношением к тому, что он изображает.

Художественное произведение охватывает определённый отрезок времени — в реальной жизни мы не всегда можем

РОДЫ И ВИДЫ ЛИТЕРАТУРЫ

По ряду сходных признаков произведения устного народного творчества и литературы могут быть разделены на три основных рода: эпос, лирику, драму.

Эпос. В эпических произведениях авторы создают более или менее сложные картины внешнего по отношению к себе мира, изображают события и человеческие характеры.

Эпические произведения, в свою очередь, делятся на виды. Среди них главные — сказка, былина, басня, рассказ, повесть, роман.

Сказка — произведение устного народного творчества, повествующее о фантастических, вымышленных событиях. В волшебных сказках действуют чудесные герои (Иван-царевич, Василиса Премудрая) и предметы-«дикуинки» (скатерть-самобранка, сапоги-скороходы).

В сказках бытовых, отражающих некоторые стороны народной жизни, высмеиваются угнетатели народа, прославляются ум, смекалка, трудолюбие простых людей.

Герои сказок о животных также часто наделяются человеческими чертами: хитростью (лиса), простоватостью (волк), трусостью (заяц) и др.

В народных сказках воплотились представления народа о добре и зле, мысли, чувства, стремления и надежды миллионов тружеников. По образцу народных сказок создавали сказки писатели XIX—XX веков: А. С. Пушкин, С. Т. Аксаков, А. Н. Толстой, К. Г. Паустовский, А. П. Гайдар, П. П. Бажов, А. П. Платонов и др.

Былина — произведение устной народной поэзии о богатырях и народных героях. В образах былинных богатырей олицетворена мощь народа, запечатлены его лучшие качества. Былины слагались в старину народными певцами и, как сказки, переходили из поколения в поколение.

Басня — небольшое произведение аллегорического (иносказательного) характера, написанное с обличительными и нравоучительными целями. С помощью образов животных, неодушевленных предметов, а иногда и людей в басне высмеиваются, обличаются человеческие пороки или отдельные отрицательные черты в жизни общества.

Обычно басня представляет собой маленькую сценку, в которой изображается какое-либо событие или разворачивается спор между действующими лицами. Во многих баснях содержится вывод из нарисованной аллегорической картинки (нравоучение).

точно увидеть начало и конец какого-то события или этапа нашей биографии. Раскрывая с помощью *сюжета конфликты*, противоречия между действующими лицами, между героями и обществом, да и во внутреннем мире человека, писатель показывает, где и как событие зарождалось (завязка), где и как достигло кульминации, где и как пришло к развязке. Мы следим за развитием сюжета и видим, как складываются и развиваются человеческие характеры, как в отношениях с другими людьми человек изменяется или обнаруживает до-толе скрытые свои качества.

Стремясь наиболее полно воплотить свой замысел и донести его до читателя, писатель не только отбирает материал для изображения, но и продумывает его расположение, то есть построение художественного произведения. Отсюда роль и значение *композиции* произведения.

Но и этого мало. Яркость и художественная точность изображения, сила воздействия писателя на читателя зависят от своеобразия и выразительности *языка*, которым написано художественное произведение. Здесь — бесконечное поле для творчества: речь автора, речь героев произведения; проза, поэзия, различные роды и жанры литературы, обусловленность речи временем, отражённым в произведении, — всё это требует работы над словом, не говоря уже о том, что каждый большой писатель обладает одному ему присущими способами выражать в слове свои мысли и переживания.

Итак, художественное произведение — это создание словесного искусства. Это система образов, раскрывающая тему и идею произведения, построенная по определённым законам художественного творчества (сюжет, композиция) и воплощённая писателем в художественной речи.

❧ Вопросы ❧

1. Что называется темой, идеей, композицией художественного произведения? Какова роль композиции произведения в раскрытии идеи? (Ответ постройте на материале любого произведения, например «Песни...» М. Горького, рассказа К. Паустовского «Телеграмма».)

2. Что такое конфликт и сюжет художественного произведения? Найдите завязку в повести «Капитанская дочка». Какое она имеет значение для понимания характеров действующих лиц? Определите кульминационную сцену в поэме «Мцыри» (в рассказе юноши). Как она характеризует героя? Найдите развязку в повести Тургенева «Ася». Чем она обогащает наши представления о действующих лицах?

Рассказ — прозаическое произведение, в котором нарисовано одно, реже — несколько событий с малым количеством действующих лиц.

Повесть по своему объёму, по количеству действующих лиц и изображаемых событий больше рассказа, но меньше романа. Чаще всего содержание повести составляет история одной человеческой жизни (связанная, конечно, с судьбами других людей).

Роман охватывает жизнь, поступки, столкновения многих героев, иногда — историю поколений, раскрывает многообразие общественных отношений. Для романа характерны разветвлённый сюжет или несколько сюжетных линий, объединённых общим замыслом.

В эпических произведениях свои мысли и чувства, своё отношение к миру писатель воплощает в образах, в картинах, выступая сам как рассказчик или иногда передавая эту роль другому лицу, как бы своему заместителю. В некоторых случаях он сопровождает картину замечаниями, репликами, включает в повествование свои рассуждения исторического, политического, морального характера или даже прибегает к развёрнутым лирическим отступлениям. Но и тогда главным в эпическом произведении остаются картины окружающего мира, изображение людей и событий.

Лирика. В лирике выражаются мысли и чувства поэтов, вызванные окружающим миром. Развёрнутых картин действительности в лирических произведениях нет: изобразительные детали и художественные зарисовки выступают как источник, основа лирических переживаний. Например, в стихотворении Лермонтова «Парус» зарисовки моря и белеющего вдалеке паруса имеют значение не сами по себе, а лишь потому, что позволяют проникнуть во внутренний мир поэта, испытывающего чувства тоски, одиночества и «жажду бури».

Многие стихотворения написаны от лица героя, в форме его лирического монолога («Узник» Пушкина, «Пленный рыцарь» Лермонтова). Но и в этом случае — в выборе героя, жизненной ситуации, в которой он выступает, в его лексике, интонации сказываются неповторимая личность поэта, его отношение к миру (сравните, например, названные стихотворения Пушкина «Узник» и Лермонтова «Пленный рыцарь»).

Будучи сугубо личностным родом литературы, лирика не только выражает переживания и мысли автора, но и, как никакой другой род литературы, обращена к сердцу, к личности читателя. В стихотворениях мы стремимся и услышать

голос автора, и — главное — найти отклик своим чувствам, раздумьям, настроению.

Особый разряд художественных произведений составляют те, в которых писатель, рисуя картины жизни, непосредственно выражает и свои переживания в связи с изображаемым. Такие произведения называются *лироэпическими*.

К числу лироэпических произведений принадлежат *баллада* — стихотворение с сюжетом фантастического или героического характера («Песнь о вещем Олеге» Пушкина), *поэма* — большое стихотворное произведение, изображающее выдающиеся события прошлого и настоящего, героев истории («Полтава» Пушкина), людей с возвышенными характерами («Мцыри» Лермонтова), сложные картины жизни («Мороз, Красный нос» Некрасова).

Драма. Подробнее о драме сказано применительно к комедии Гоголя «Ревизор» (ч. 1 учебника, с. 224). Как и в эпосе, в драме изображаются люди и события, то есть внешний по отношению к писателю мир. Но если в эпосе картины предстают перед читателем как образы прошлого — далёкого или близкого, то в драме события совершаются сегодня, сейчас, даже если речь идёт о далёком прошлом. Само понятие *драма* (греч. *drama* — действие) говорит о том, что в ней нет места описаниям и размышлениям автора. Действие пьесы, занимающее на сцене сравнительно короткое время, должно затронуть сейчас, здесь, в театре, мысли и чувства зрителя. Поэтому конфликт в драме обострён, сюжет напряжён. Драматург скрыт за картинами жизни, которые он рисует, характеры героев проявляются в речах и поступках.

Драма находится на стыке двух искусств — литературы и театра. Предназначенная для постановки на сцене, она требует совместной работы актёров, режиссёров, художников, осветителей, музыкантов и т. д. Но зато и воздействие её на зрителей огромно, о чём писал Н. В. Гоголь в своей статье «Петербургская сцена в 1835/36 г.» (ч. 1 учебника, с. 223).

Напомним, что драма делится на три основных жанра: трагедию, драму в узком смысле и комедию.

В трагедии писатель показывает героев в напряжённой борьбе с непреодолимыми препятствиями, в безвыходном положении, обрекающем их на гибель. Однако эта борьба обнаруживает возвышенность стремлений или силу характеров героев («Ромео и Джульетта» Шекспира).

Драма в узком смысле изображает сложную борьбу между действующими лицами; препятствия, встающие перед ними,

могут быть преодолены, во всяком случае, не всегда ведут героев к физической гибели («Три сестры» Чехова).

Комедия осмеивает отрицательные черты и свойства людей или общественные пороки («Ревизор» Гоголя, «Мещанин во дворянстве» Мольера).

К художественной литературе примыкает *публицистика* — литература по злободневным общественно-политическим вопросам (от лат. *publicus* — общественный). Жанры публицистики: *фельетон* (сатирическое произведение, остро критикующее какие-либо явления); *памфлет* — произведение обличительного характера, главным образом о конкретных лицах (общественных, политических, религиозных деятелях, писателях и т. д.); *репортаж* (сообщение о событии его участника или свидетеля); *статья, заметка*.

На грани художественной литературы и публицистики находится *очерк* — произведение, в котором изображаются действительные факты и события или особенности нравов, природы какой-нибудь местности и т. п. Автор очерка комментирует изображаемое, даёт ему оценку, выясняет его значение. В *художественных очерках* («Записки охотника» Тургенева, «Парадокс» Короленко) перед нами выступают образы-характеры, при этом большое место занимают описания (см. далее). В *очерках публицистических* роль описаний, комментариев, рассуждений автора возрастает.

❖ Вопросы ❖

1. Назовите несколько известных вам сказок, былин, басен, рассказов, повестей, романов, баллад, поэм. Назовите известные вам драматические произведения (комедии, трагедии или драмы). По каким признакам вы относите эти произведения к тем или иным эпическим или драматическим видам?

2. Вспомните и прочитайте наизусть одно из лирических произведений. Почему вы относите его к лирическому роду?

3. Назовите знакомые вам публицистические произведения.

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ЭПИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ

Каждый род литературы (эпос, лирика, драма) имеет свои характерные средства изображения. Остановимся на эпических произведениях: они составляют основу чтения.

Связный рассказ о событиях, о ходе и развитии действия называется повествованием. Сюжет эпического произведения

раскрывается главным образом с помощью повествования, хотя значительную роль при этом играют описания и речь героев.

Наряду с повествованием писатель пользуется другим видом авторской речи — описанием (пейзаж, портрет, интерьер, авторская характеристика).

Пейзаж (картина природы) не только воспроизводит характерные особенности данной местности в то или иное время года или суток, но служит фоном для действия, вызывает у читателя определённое настроение и даже помогает проникнуть в переживания действующих лиц (пейзажи в рассказе Тургенева «Бежин луг»).

Многие писатели (Тургенев, Паустовский, Пришвин), создавая пейзажи, говорят о неразрывных связях человека с природой, о благотворном, целительном воздействии природы на человека. Иногда пейзаж приобретает значение символа («Песня о Соколе» М. Горького). Воплощая в себе красоту родной земли, пейзаж нередко становится носителем патриотических чувств писателя.

Портрет (изображение внешности героя, его лица, фигуры, одежды, мимики, жестов) делает героя «зримым» и одновременно бросает свет на некоторые качества его внутреннего облика, на отношение к герою писателя (портретные зарисовки действующих лиц в рассказе И. С. Тургенева «Бирюк»).

Интерьер (описание жилища, обстановки дома) позволяет составить хотя бы самое общее представление о склонностях, вкусах, условиях жизни и характерах действующих лиц (описание светлицы Тараса Бульбы).

Иногда писатель в прямой форме, от своего имени, рассказывает о моральных качествах, интересах, характере героя. Таковы авторские характеристики в «Парадоксе» В. Г. Короленко.

Яркости и живости картин, созданных писателем, способствует речь действующих лиц (монологи и диалоги). Эта речь характерна и для эпоса, в драме же она составляет основу произведения.

Монолог — более или менее длительная речь действующего лица, обращённая к себе или собеседникам и собеседникам не прерываемая (монолог Тараса Бульбы о товариществе).

Диалог — разговор двух или нескольких лиц в художественном произведении.

В диалогах и монологах выявляются определённые стороны характеров и взаимоотношений действующих лиц (рассказы Чехова «Хамелеон», «Толстый и тонкий»).

1. Найдите портретные зарисовки, описания обстановки и авторские характеристики в рассказе К. Г. Паустовского «Телеграмма». Какие качества действующих лиц становятся ясны из этих описаний?

2. Как характеризуют Гаврилу (рассказ Тургенева «Муму») диалог с Капитоном (глава II) и диалог с барыней (глава III)?

3. Какова роль пейзажей в сказке М. Горького «Заветы отца»?

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ

Выразительность художественной речи. Литература — искусство слова. Из безбрежного океана народного и литературного языка писатель отбирает такие слова и выражения, которые помогают ему создать художественный образ, с наибольшей силой донести свои мысли и чувства до читателя.

Вспомним хотя бы одну фразу из повести «Дубровский»: «Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и лёгкий шорох пробегал по всему саду». Никаких украшений, самые привычные, всем понятные, всеми употребляемые слова. Но какой ёмкостью обладает каждое слово! Ни одно из них нельзя переставить или зачеркнуть без ущерба для общей картины.

Выбор необходимых слов, единственно возможных в данном поэтическом контексте, требует от автора напряжённого труда.

По черновикам Пушкина мы можем проследить, как, например, он работал над стихотворением «Зимнее утро».

Первоначально было:

Под голубыми небесами
Необозримыми коврами...

Сравнение снега с необозримыми коврами не удовлетворило поэта: оно не воссоздавало блеска и переливов красок солнечного зимнего утра. К тому же нельзя было говорить о «необозримых коврах», если из окна комнаты, которую рисовал Пушкин в стихотворении, были видны лес и река, ограничивавшие поле зрения. И поэт заменяет слово *необозримыми* другим: *великолепными*.

Следующая строка стихотворения подверглась нескольким переделкам:

Лежит, как саван, белый снег...

Слово *саван* сообщает мрачный оттенок пейзажу. Пушкин останавливается на другом варианте:

Простёрлись белые снега...

Но эпитет «белый» не передаёт сияния снега под утренним солнцем. Появляется ещё один вариант:

Простёрты новые снега...

Но и слово *простёрты*, и слово *новые* поэт отбрасывает как недостаточно живописные.

Наконец найдена нужная строка:

Блестя на солнце, снег лежит...

и картина зимнего утра озарилась весёлым солнечным светом.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Эпитет. Художественная точность, эмоциональность и сила изображения во многом зависят от специальных изобразительно-выразительных средств (эпитеты, метафоры, гиперболы и т. д.), которыми пользуется писатель при создании произведения.

Для обрисовки, пояснения, характеристики какого-либо свойства или признака предмета служат художественные определения — *эпитеты*. Они зажигают слово новыми красками, придают ему нужные оттенки и, проникнутые чувством автора, формируют отношение читателя к изображаемому.

В роли эпитетов могут выступать разные части речи: прилагательные («За Кремлём горит заря *туманная*»), существительные («Злого пса-*ворчуна* зубастого на железную цепь привязывает»), наречия («*Горько-горько* она восплакалась»).

В народном творчестве употребляются постоянные эпитеты: «*добрый* молодец», «*красна* девица», «*мать-сыра* земля» и т. д.

Сравнение. К числу средств художественной речи принадлежит *сравнение* — слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому.

Помогая увидеть предмет с новой, иногда неожиданной стороны, сравнение обогащает, углубляет наши впечатления. Вот, например, как Чехов рисует начало грозы: «Налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная, фосфорическая

полоска и потухла. Послышалось, как где-то очень далеко кто-то прошёл по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало глухо» (повесть «Степь»).

Подобно эпитету, сравнение «подсказывает» читателю то или иное отношение к предмету или явлению. Так, показывая боевую удалость Остапа Бульбы, Гоголь сравнивает его с ястребом, который, «давши много кругов сильными крыльями, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьёт оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела».

В народной поэзии и в некоторых литературных произведениях, написанных в духе народного творчества, употребляются *отрицательные сравнения* («Не сияет на небе солнце красное, не любятся им тучки синие; то за трапезой сидит во златом венце, сидит грозный царь Иван Васильевич»).

Метафора и олицетворение. Часто, сравнивая два предмета, поэт по сходству переносит на один из них признаки и свойства другого: «Горит восток зарёю новой...», «По зеркальной воде, по кудрям лозняка от зари алый свет разливается». Употребление слов в переносном значении для изображения или характеристики предмета и явления называется метафорой (от греч. *metaphora* — перенос).

Метафора как бы в сжатом, свёрнутом виде заключает в себе целую картину и потому позволяет поэту исключительно экономно, наглядно обрисовывать предметы и явления и выражать свои мысли и переживания.

Частный случай метафоры — олицетворение — перенесение признаков и свойств живого существа на неодушевлённые предметы (описание мороза-воеводы в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос», пейзажи в «Песне о Соколе» М. Горького).

Гипербола. Усилению впечатления от изображаемого предмета и явления способствуют гиперболы, то есть такие слова и выражения, которые непомерно, иногда до крайности преувеличивают значение и размеры этих предметов и явлений (от греч. *hyperbole* — преувеличение): «И миллионом чёрных глаз смотрела ночи темнота сквозь ветви каждого куста»; «В их львином рёве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни».

Особенно часто гиперболы встречаются в былинах, изображающих героические подвиги богатырей.

Сравнения, метафоры, эпитеты, как и другие средства художественной речи, имеют значение только в связи с целой поэтической картиной.

Обратимся к рассказу юноши из поэмы Лермонтова «Мцыри»:

Кругом меня цвёл божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слёз,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерёв
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серёг подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летел пугливый рой.

Конечно, читая эти строки, мы меньше всего думаем о том, какие образные средства — эпитет, сравнение или метафору — «использовал» поэт, рисуя раннее, свежее утро в горах. Но эта картина потому и возникает перед нами как живая, потому и трогает наше сердце, что наблюдения и переживания героя поэмы воплощены в ней поразительно точно с помощью богатых средств художественной речи.

Поэтический синтаксис. Запечатлеть художественный образ в сознании читателей поэту помогают *повторения*. Таковы повторения в стихотворении Некрасова «Железная дорога»:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что Господь ни пошлёт!

Глубокое волнение писателя нередко выражается в так называемых *риторических* (то есть ораторских) *вопросах, восклицаниях и обращениях* (не требующих ответа): «Что ищет он в стране далёкой? Что кинул он в краю родном?»; «О смелый Сокол! В бою с врагами истёк ты кровью...»

Чтобы выделить слово, задержать на нём внимание читателя, поэт иногда нарушает обычную расстановку слов в предложении. Такое нарушение грамматического порядка слов называется *инверсией* («С большака перешли на отрезок холста / бурлаков этих репинских ноги босые...»).

❖ Вопросы ❖

1. Какова роль эпитетов в стихотворении Заболоцкого «Я воспитан природой суровой...»?

2. Покажите, как с помощью эпитетов и метафор Заболоцкий создаёт развёрнутое поэтическое иносказание в стихотворении «Не позволяй душе лениться!..».

3. Какова роль риторических обращений, восклицаний и вопросов в стихотворениях в прозе Тургенева?

СТИХОТВОРНАЯ РЕЧЬ

Стих, ритм, стопа. В отличие от свободно организованной, не мерной, обычной, прозаической речи, стихотворная речь делится на отрезки, разделяемые при чтении паузами и повторяющиеся в известной системе. Эти отрезки называются стихотворными строками или *стихами*. В каждой стихотворной строке в определённом порядке располагаются ударные и безударные слоги. Вот это упорядоченное чередование стихотворных строк, а внутри строк — ударных и безударных слогов называется *стихотворным ритмом*. Ритмичность — одна из основных особенностей стихотворной речи.

В русской поэзии исторически сложилось несколько типов организации стихотворной речи — стихосложений: силлабическое, требовавшее равного количества слогов в каждой стихотворной строке (XVII — начало XVIII в.), силлабо-тоническое (XVIII—XX вв.), основанное на правильном чередовании ударных и безударных слогов в строке, тоническое (XX в.) — упорядоченная расстановка ударных слогов в строке; таким стихом писал большею частью В. В. Маяковский.

Обратимся к силлабо-тоническому стихосложению (от греч. *syllabe* — слог; *tonos* — ударение), характерному для русской классической поэзии.

Часть строки, состоящая из сочетаний одного ударного и одного или нескольких безударных слогов, называется *стопой*.

Стопа может совпадать с отдельными словами:

Мчатся тучи, вьются тучи...

(Здесь четыре слова и четыре стопы.)

Она может выходить за рамки одного слова или быть меньше его:

Вглядись, молодица, смелее,
Каков воевода Мороз!

В первой строке граница между стопами проходит по первому слогу слова *молодица*, зато три других слога этого слова образуют отдельную стопу.

Размеры стиха. Порядок чередования ударных и безударных слогов и количество стоп в строке называется размерами стиха. В русском стихосложении есть двусложные и трёхсложные размеры.

Двусложные размеры:
хорей (— ◡) — с ударением на первом слоге стопы:

Буря мглою небо кроет...

ямб (◡ —) — с ударением на втором слоге стопы:

И вспомнил я отцовский дом...

Трёхсложные размеры:
дákтиль (— ◡ ◡) — с ударением на первом слоге стопы:

Тучки небесные, вечные странники...

амфиб́рахий (◡ — ◡) — с ударением на втором слоге стопы:

Сижу за решёткой в темнице сырой...

ана́пест (◡ ◡ —) — с ударением на третьем слоге стопы:

По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается...

Изменение количества стоп в строке обуславливает своеобразие ритма стихотворения. Сравним, например, строки «Сказки о мёртвой царевне...» Пушкина и стихотворение Лермонтова «Горные вершины».

И то и другое произведения написаны хореем. Но как по-разному звучат их строки:

Царь с царицею простился, В путь-дорогу снарядился, И царица у окна Села ждать его одна.	Горные вершины Спят во тьме ночной; Тихие долины Полны свежей мглой...
Пушкин	Лермонтов

В первом случае — четырёхстопный, во втором — трёхстопный хорей.

Даже в одном произведении количество стоп в стихотворных строках может быть разным. В приведённых примерах есть строки с неполными стопами (третья и четвёртая строки у Пушкина, вторая и четвёртая у Лермонтова). Употребление разностопного ямба делает очень гибким стих басни, позволяет поэту передать интонации живой, разговорной речи:

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попап на псарню...
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» —
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьём,
Иной с ружьём.

Крылов

Разнообразя количество стоп в стихах, сочетая по-разному ударные и неударные слоги, поэты достигают повышенной выразительности стихотворной речи.

Рифма и строфа. Строки стихотворений (стихи) большей частью имеют созвучные окончания — рифмы. По характеру звучания рифмы разделяются на точные (*аул — гул, лесов — часов*) и неточные (*пылал — пыла, погоди — заходить, масса — басом*). Неточными рифмами (то есть рифмами, в которых совпадают только основные звуки) часто пользовался Маяковский.

В зависимости от расположения ударений рифмы бывают: мужские — с ударением на последнем слоге строки (*савдов — врагов, года — никогда*), женские — с ударением на предпоследнем слоге строки (*громаден — беспощаден*), дактилические — с ударением на третьем от конца слоге строки (*старательно — внимательно*). Мужские рифмы, по словам В. Г. Белинского, придают стиху поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» упругость и энергию.

Часть стихотворения, группа строк, объединённых поэтической мыслью, ритмом и определённым порядком рифм, называется *строфой*.

Рассмотрим строфу из стихотворения Лермонтова «Бородино»:

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

В строфе рифмуется первая строка со второй (парные рифмы), четвёртая — с пятой и шестой, а третья — с седьмой строкой (кольцевая рифмовка). Стихотворение написано ямбом.

В первой, второй, четвёртой, пятой, шестой строках — четыре стопы, в третьей и седьмой — три стопы.

Конечно, такая строфа встречается нечасто, она специально разработана Лермонтовым для стихотворения «Бородино».

Наиболее распространённая строфа в русской поэзии — четверостишие. Четверостишиями написаны «Утро» Никитина, «Парус» Лермонтова, «Мороз, Красный нос» Некрасова. Но есть более сложные строфы. Так, стихотворение Пушкина «Осень» написано восьмистишиями.

Иногда поэты, особенно в драматических произведениях (Шекспир в «Ромео и Джульетте»), прибегают к так называемым белым стихам, то есть стихам без рифм (белыми они называются потому, что содержат «незаполненные», «пустые» окончания, не имеющие звукового соответствия в других строках). Такие стихи позволяют естественно, ближе к живой речи, передать интонации действующих лиц. При этом законы ритма, размеров стиха продолжают действовать.

Может возникнуть вопрос: нужно ли знать читателю «тайны» размеров, рифмы, строфы? Ответ один: не только нужно, но и необходимо.

Поэтические размеры стиха, созвучия строк, определённый порядок рифмовки придают стиху особую силу, выразительность, музыкальность, помогают настроить «на одну волну» душу поэта и душу читателя. Знание «техники» стихосложения позволяет правильно, выразительно читать стихотворные произведения, а тем самым лучше воспринимать и понимать то, что хотел сказать поэт. Чем глубже человек разбирается в «тайнах» поэтического мастерства, тем доступнее становятся для него мысли и переживания писателя, тем большее наслаждение получает он от бессмертных созданий искусства.

≈ Определите стихотворные размеры следующих произведений: «Кавказ», «Пленный рыцарь» Лермонтова; «Я воспитан природой суровой...», «Птичий двор» Заболоцкого.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Владимир Галактионович КОРОЛЕНКО

Человек с большим и сильным сердцем	4
Парадокс	6
Огоньки	24

Иван Алексеевич БУНИН

«Его нежнейшей любовью была Россия...»	28
Полевые цветы	29
«Ещё и холоден и сыр...»	29
«Густой зелёный ельник у дороги...»	30
Родине	31
Слово	31
Сверчок	31

Максим ГОРЬКИЙ

Певец света	42
Страницы биографии	42
Песня о Соколе	46
Заветы отца	53

ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

Николай Алексеевич ЗАБОЛОЦКИЙ

Поэт «великого чуда земли»	63
«Я воспитан природой суровой...»	64
Журавли	65
Одинокий дуб	66
Птичий двор	66
«Не позволяй душе лениться!..»	67

Константин Георгиевич ПАУСТОВСКИЙ

Мастер слова	69
Паустовский в жизни	70
Телеграмма	72

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

Поэт и гражданин	88
Как был написан «Василий Тёркин»	89
Василий Тёркин (Главы из поэмы)	
Переправа	91
О награде	95
Гармонь	96

Два солдата	101
«Кто стрелял?»	105
Смерть и воин	108
От автора	112

Василий Макарович ШУКШИН

Дядя Ермолай	118
Солнце, старик и девушка	122
Микроскоп	128

Николай Михайлович РУБЦОВ

Русский огонёк	138
О Московском Кремле	140
Старая дорога	141
Журавли	142
Посвящение другу	142
До конца	143

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Уильям ШЕКСПИР

Несколько предварительных замечаний	148
О театре времён Шекспира	149
Ромео и Джульетта (В сокращении)	151

Мигель де СЕРВАНТЕС СААВЕДРА

Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский (Избранные главы)	210
--	-----

Проспер МЕРИМЕ

П. Мериме. Черногорцы	251
А. С. Пушкин. Бонапарт и черногорцы	252
П. Мериме. Конь Фомы II	253
А. С. Пушкин. Конь	254

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ЕЁ ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ

Произведение литературы как художественное единство	255
Роды и виды литературы	257
Основные средства эпического изображения	260
Художественная речь	262
Изобразительно-выразительные средства художественной речи	263
Стихотворная речь	266

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА

8 класс

УЧЕБНИК

для общеобразовательных учреждений

В двух частях

Часть 2

Автор-составитель

Беленький Геннадий Исаакович

Генеральный директор издательства *М. И. Безвиковная*

Главный редактор *К. И. Куровский*

Редактор *Е. П. Шастина*

Ответственный за выпуск *А. В. Птухина*

Разработка оформления: *А. Г. Проскуряков, Н. Н. Аникушин*

Художественное редактирование: *Т. С. Богданова*

Технические редакторы *И. Л. Ткаченко, О. Б. Нестерова*

Корректоры *А. Н. Москвичёва, И. Н. Баханова*

Компьютерная вёрстка: *А. М. Репкин*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.003577.04.09 от 06.04.2009.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,0. Тираж 45 000 экз. Заказ № 0914850.

Издательство «Мнемозина». 105043, Москва, ул. 6-я Парковая, 29 б.

Тел.: 8 (499) 367 5418, 367 5627, 367 6781; факс: 8 (499) 165 9218.

E-mail: ioc@mnemozina.ru

www.mnemozina.ru

Магазин «Мнемозина»

(розничная и мелкооптовая продажа книг, «КНИГА — ПОЧТОЙ»).

105043, Москва, ул. 6-я Парковая, 29 б.

Тел./факс: 8 (495) 783 8284; тел.: 8 (495) 783 8285.

E-mail: magazine@mnemozina.ru

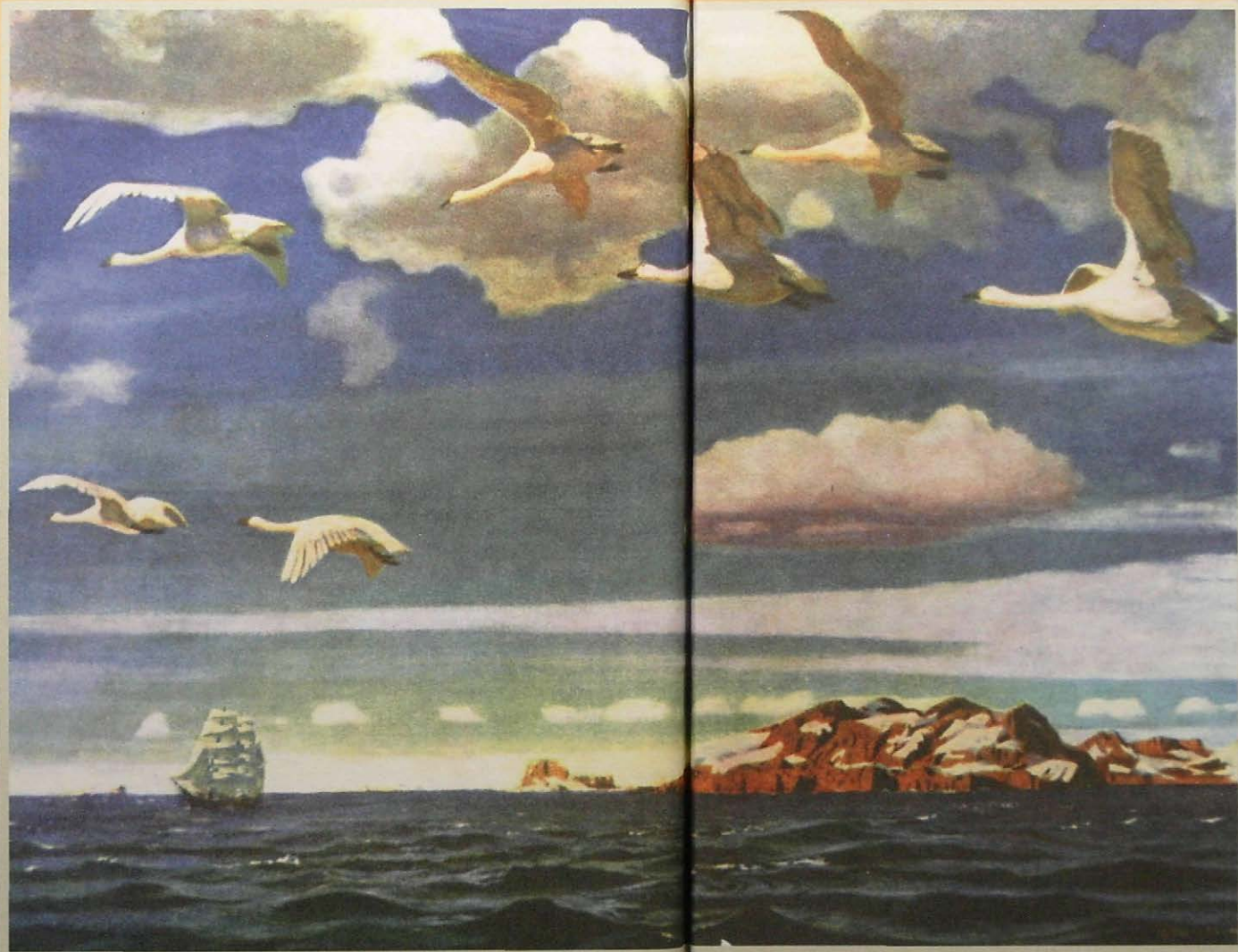
Торговый дом «Мнемозина» (оптовая продажа книг).

Тел./факс: 8 (495) 665 6031 (многоканальный).

E-mail: td@mnemozina.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

А. А. Рылов
«В голубом
просторе»

ISBN 978-5-346-01450-8

9 785346 014508